

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского»

На правах рукописи

Селиверстов Дмитрий Михайлович

Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы
Первой Мировой войны.

Специальность 07.00.03. – Всеобщая история (новая и новейшая история
стран Европы и Америки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент,
Артамошин С.В.

Брянск 2016

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Пропаганда в Великобритании накануне Первой мировой войны.....	27
§1. Поиски внешнего врага в английской литературе 70-х годов XIX–начала XX вв.....	27
§2. Военно-морское соперничество Великобритании и Германии и формирование общественного мнения Великобритании.....	54
§3. Англо-германские противоречия накануне Великой войны. Общественное настроение в Великобритании летом 1914 года.....	85
Глава II. Институты пропаганды в Великобритании в годы Первой мировой войны.....	108
§1. «Запуск английской пропагандистской машины». Чарльз Мастерман и Бюро военной пропаганды.....	108
§2. Влияние нортклиффской прессы на формирование образа врага в начале Первой мировой войны.....	139
§3. Мифологизация войны.....	175
§4. Визуализация войны: кинопропаганда.....	199
Заключение.....	230
Список используемой литературы и источников.....	236
Приложение.....	257

Введение

Первая мировая война занимает особое место в XX веке в исторической памяти Европы. Траншеи и грязь, колючая проволока и газ, массовая гибель людей на Сомме, Галлиполи, ад Пашендаля, битва на Марне, лорд Китченер, указывающий пальцем: «Ваша страна нуждается в Вас» - все они остаются устойчивыми образами конфликта, который сегодня немногие расценили бы как что-нибудь отдаленно напоминающее «просто войну». Историческая память изменчива, многое можно забыть. На своем начальном этапе в общественном сознании европейских стран война была популярна. Многие думали, что конфликт продлится недолго и закончится уже к рождеству 1914 года. Затяжной характер войны менял ее образ; население Франции, Германии, других стран Центральной Европы, в конце концов, стало иначе относиться к войне перед лицом её жестокости и массового кровопролития¹.

Уникальность Первой мировой войны состоит в том, что она является первой «современной» войной, в которой противоборствующие стороны помимо танков и дредноутов развернули новое «двойное» оружие воздействия на общественное мнение – пропаганду и цензуру. Исключением не стала и Британская Империя.

Общественное мнение страны было уникальным фактором общественного сознания в британской политике в силу давно сложившихся демократических традиций, формирования современной массовой демократии, начавшееся во второй половине XIX века, а также роста грамотности и политизированности общества, особенно среднего класса и «рабочей аристократии».

Созданные в начале войны институты государственной пропаганды оказывали огромное влияние на восприятие образа войны и врага в английском обществе. Эти образы начали формироваться гораздо раньше 1914 года. В 70-х гг.

¹ Taylor P.M. British Propaganda in the Twentieth Century: selling democracy. Edinburg, 1999. P. 1.

XIX - начале XX вв. приоритеты внешней политики Великобритании обратились в сторону Германии как одного из главных соперников на мировой арене.

Первые попытки обозначить внешнего врага для Британской империи осуществила беллетристика. Её эстафету подхватили средства массовой информации – это был «золотой век» массовой газеты. Накануне войны они активно вели антигерманскую пропаганду, используя тему военно-морского соперничества между Британией и Германией и активизацию германских колониальных устремлений. В годы войны правительство Великобритании создало мощный информационно-пропагандистский аппарат, который проводил активную работу в области антигерманской пропаганды.

Британская пропаганда в годы Первой мировой войны, и её эффективность остается актуальной темой в историографии «Великой войны». Эта сторона мирового коллапса отличается недостаточной изученностью институтов государственной военной пропаганды Великобритании и степенью влияния средств политической информации на формирование сознания граждан государства накануне европейского конфликта и в условиях военного времени, когда пропаганда старательно создает образ внешнеполитического противника и обосновывает внешнеполитическую стратегию страны.

Степень изученности проблемы. В зарубежной историографии существует ряд работ, посвященных поиску причин Первой мировой войны, военным действиям и активному участию в ней всех воюющих держав². Научные изыскания по вопросам английской пропаганды представлены в меньшей степени. История пропаганды в годы Первой мировой войны обогащена целым рядом исследований о её действии на практике. Прежде

² Джолл Д. Истоки Первой мировой войны / Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1998.; Хейстингс Г. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / Пер. с англ. М., 2014.; Taylor A.J.P. English History 1914-1945. L., 1970; Keegan J. The First World War. L., 1998; Киган Дж. Первая Мировая война. М., 2004. Gilbert M. The First World War: A Complete History. N.Y., 2004; Badsey S. The British army in battle and its image 1914-18.L., 2009; Bourne J.M. Britain and the Great War, 1914-1918.L., 1989; Simmonds A. G. V. Britain and World War One. N.Y., 2012.

всего, необходимо остановиться на работах авторов, изучавших теоретические основы пропаганды.

Одним из наиболее известных является исследование Г. Лассуэлла «Техника пропаганды в мировую войну»³, в которой автор попытался обобщить пропагандистскую практику Первой мировой войны, выделив наиболее важные составляющие пропаганды стран участниц – Великобритании, Франции, США, Германии, и подкрепив их примерами. В то же время современные исследователи полагают, что некоторые аргументы, представленные в работе Г. Лассуэлла о пропагандистской деятельности, её структуре и методах в Первую Мировую войну, не получили подтверждения в исследованиях последующих лет. Например, Г. Лассуэлл считал, что пропаганда стран Антанты была направлена в основном на нейтральные страны, что является не совсем верным. Пропаганда в годы Первой мировой войны охватывала не только нейтральные государства, но использовалась и для внутреннего контроля населения, а так же для психологической атаки на вражеские страны.

Общая работа по теории пропаганды Э. Бернейса «Пропаганда»⁴ затрагивает не столько военную, сколько коммерческую пропаганду. Э. Бернейс полагал, что современному человеку неизбежно приходится постоянно сталкиваться с пропагандой, и что она имеет отрицательный характер лишь тогда, когда распространяет заведомую ложь. Несмотря на то, что Э. Бернейс большую часть своего исследования посвятил пропаганде в бизнес-сфере, он указывал на то, что именно военная пропаганда показала, насколько эффективно можно управлять общественным сознанием. Успехи на войне побудили апробировать пропагандистские приемы для решения мирных проблем.

³ Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировую войну. М.-Л., 1929.

⁴ Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010.

В работе П. Лайнбарджера «Психологическая война»⁵, написанной после окончания Второй мировой войны, рассматриваются психологические аспекты механизмов пропаганды. В ней автор утверждал, что психологическая война является непрерывным процессом, и что ее результаты могут проявиться даже через несколько лет. П. Лайнбарджер далек от того, чтобы исчерпывающе объяснить многое в истории конфликтов. Так, ни один участник психологической войны не может сказать, что ему известно о достигнутых успехах, приблизили ли они к решению поставленной задачи. П. Лайнбарджер так же указывал, что ни один план не может гарантировать успех стратегической пропаганды, и ни один конфликт не может быть выигран лишь методами психологической войны. Нам представляется важным сравнить некоторые положения этих теорий с практикой, использовавшейся пропагандистами при формировании негативных образов противника накануне и в годы Первой мировой войны.

Активное изучение проблем, связанных с британской пропагандой периода Первой мировой войны, началось в 70-х гг. XX века. В 1977 г. в свет вышла работа Кейт Хэйсте⁶. В ней исследуются методы британской пропаганды в военном противостоянии. Автор отмечает, что главное при подаче пропагандистского материала - это его упрощение, сведение его до понятных схем и образов. Упрощенный материал часто носил, помимо всего прочего, характер сенсации. Работа К. Хэйсте положила начало изучению практике британской пропаганды в годы войны. Фундаментальным и на сегодняшний день наиболее полным исследованием стал совместный труд английских историков М. Сандерса и Ф. Тейлора⁷. В их работе говорится как о

⁵ Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 2013.

⁶ Haste C. Keep the Home Fires Burning: Propaganda in the First World War. L., 1977.

⁷ Sanders M.L., Taylor Ph.M. British Propaganda in the First World War. L., 1982; idem: Sanders M.L. Wellington House and British propaganda during the First World War // History Journal 1975, № 18; Taylor Ph. Foreign Office and British propaganda during the First World War // History Journal 1980. № 23.

структуре и организации пропаганды, так и о её содержании. Внимание уделено эффекту историй о военных зверствах и их последствиях; тому, как пропаганде удалось опровергнуть тезис о том, что её история началась с деятельности Министерства информации в 1918 г. Они подробно описывают, какие органы пропаганды предшествовали его созданию. В книге рассматриваются вопросы организации британской пропаганды на территории противника. В тоже время исследователи не освещают такой аспект английской пропаганды, как поиск внешнего врага для Великобритании накануне Первой мировой войны, а также не уделяют внимания подаче темы англо-германских отношений накануне войны в печати и литературе.

Монография Н. Ривза⁸ посвящена малоисследованному элементу британской пропаганды – официальному кино времен войны. Цель книги – дать читателям представление о военной киноиндустрии на службе Британского правительства, а также развеять миф, созданный лордом Бивербруком – английским и канадским политическим деятелем, министром, издателем, что именно он организовал систему британской военной пропаганды. В книге дается краткое описание структур, которые отвечали за «популяризацию войны». Основная часть посвящена истории создания фильмов, изучению целевой аудитории, подробно характеризуются самые значительные кинопроекты.

В 1999 г. вышла в свет работа упомянутого выше Ф. Тэйлора⁹. В ней рассматривается эволюция практики английской пропаганды в течение XX века. Данная работа охватывает период от начала Первой мировой войны до наших дней, в том числе обсуждение последних событий в информационной

⁸ Reeves N. Official British Film Propaganda during the First World War. L., 1986. idem: Cinema, spectatorship and propaganda: Battle of the Somme (1916) and its contemporary audience // Historical Journal of Film, Radio and Television, Vol. 17. N. 1. 1997; Film propaganda and its audience // Journal of Contemporary History, Vol. 13, 1993; The power of film propaganda. Myth or Reality? L., 2004; The power of film propaganda – myth or reality // Historical Journal of Film, Radio, and Television, Vol. 12 (2). 1993. P. 181-201.

⁹ Taylor Ph.M. British Propaganda in the Twentieth Century: Selling Democracy. Edinburgh, 1999.

войне. Она включает в себя анализ кино, радио, телевидения и прессы и анализирует опыт Великобритании в более широком международном контексте. Однако исследователь не затрагивает темы формирования образа врага накануне войны и его мифологизацию в годы войны.

В 2004 г. вышел в свет коллективный труд «Призыв к оружию. Пропаганда, общественное мнение и пресса во время Великой войны» под редакцией Т. Паддока. В нем каждой из великих держав-участниц войны посвящена отдельная глава¹⁰. В главе о Великобритании английского историка Э. Грегори¹¹ говорится, что превосходство британской пропаганды было одним из немногих фактов, признаваемым всеми противоборствующими сторонами. Основным методом британской пропаганды была «демонизация» противников. В главе автор проводит интересную параллель между понятиями «общественное мнение» ("public opinion") и «мнение прессы» ("published opinion"), которые часто были неразрывно связаны и влияли друг на друга. В тоже время, автор уделяет недостаточно внимания проблеме сотрудничества правительства и прессы накануне и в годы войны¹².

Изучение пропаганды в военное время исследуется в коллективной монографии «Первая Мировая война и пропаганда» под редакцией выше упомянутого Т. Паддока¹³. В этом труде представлен новый взгляд исследователей на знакомый всем предмет пропаганды. Традиционное представление об английской пропаганде как о навязанном процессе манипуляции общественным мнением за пределами Великобритании является не совсем корректным. Пользуясь различными источниками информации, ученые исследовали сложный процесс вовлечения в английскую пропаганду

¹⁰ A Call to Arms, Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War / Ed. by T. Paddock. L., 2004.

¹¹ Gregory A. A Clash of Cultures // A Call to Arms. Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War / Ed. by T. Paddock L., 2004.

¹² Цит по: Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны : дис. ... канд. исторических наук. Москва, 2011.

¹³ World War I and Propaganda / ed. by Troy Paddock (History of warfare; vol. 94). Boston, 2014.

населения на оккупированных территориях и нейтральных странах. Пропаганда была адаптирована к местным условиям и включена в более широкий сюжет, в котором война не всегда является наиболее важным вопросом. Вопросы, касающиеся местной политики, национального самосознания, сохранения традиции или надежд на более яркое будущее, все это играло свою роль в различных формах и методах пропаганды.

Анализируя зарубежную историографию, связанную с пропагандой, нельзя не упомянуть работы, посвященные деятельности британской прессы в 1914-1918 гг.¹⁴, и личности медиамагната лорда Нортклиффа¹⁵ как одной из ключевых фигур антигерманской пропаганды в годы Первой мировой войны.

В статье М. А. Голдфарба¹⁶ автор отмечал существовавшую близость между политическими кругами Великобритании и прессой. М. А. Голдфарб утверждал, что личная связь между политиками, редакторами и владельцами газет была сильной и, как следствие, приносила результаты. Корреспондентов допускали на фронт с условием не сообщать информацию о потерях, не печатать в прессе письма от раненых солдат. Всю информацию подвергали жесткой цензуре. Британское правительство получало поддержку со стороны редакторов и владельцев газет, публикуя пропагандистскую информацию. Достаточно интересной представляется статья английских исследователей И. Ниандера и Р. Марлина, которые воссоздали эпизод, касавшийся распространения слухов о немецкой «фабрике по переработке трупов»¹⁷ и

¹⁴ Bingham A. The Original Press Baron: The Role and Legacy of Lord Northcliffe / www.gale.cengage.co.uk (дата обращения: 12.09.2014); Parsons M. The Times and the Liberals during the Great War // *Circles*. Vol. 21. 2011.

¹⁵ Boyce D.G. Harmsworth, Alfred Charles William, Viscount Northcliffe (1865–1922). Oxford, 2004.; Thompson J. Lee Press Barons in Politics 1865-1922 L., 2000; Fyfe H. Northcliffe: an intimate biography, L., 1930; Taylor S.J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere and the «Daily Mail». L., 1996.

¹⁶ Goldfarb M. A. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War // *Journal of Contemporary History*. 1978. Vol. 13. № 3.

¹⁷ С середины апреля 1917 г. в бельгийских газетах, издававшихся в Лондоне, появилась информация, что Германия открыла «фабрику по переработке трупов» близь города

причастности к ним газетной империи лорда Нортклиффа. Авторы утверждают, что роль самого лорда Нортклиффа в этой истории либо игнорируется, либо серьезно недооценивается. И. Ниандер и Р. Марлин приходят к выводу, что пресса лорда Нортклиффа действовала осознанно и намеренно фабриковала и поощряла ложь военного времени¹⁸. Эти и многие другие истории пропаганды ужасов активно использовались в годы Первой мировой войны. М. Парсонс в статье¹⁹, посвященной роли известной газеты «The Times» и личности лорда Нортклиффа, утверждал, что медиамагнат и его сотрудники полагали, что обязаны использовать газету в целях поддержания морального духа солдат и населения, хотя при этом редакторы использовали любой повод, чтобы критиковать деятельность британского правительства.

Важным вопросом в изучении английской пропаганды в годы войны, является отношение исследователей к докладу комиссии под руководством лорда Джеймса Брайса о немецких зверствах на территории Бельгии²⁰. В статье Д. Райли, посвященной докладу комиссии, исследователь полагает, что комиссия во главе с Дж. Брайсом порой намерено искажала факты²¹.

Докладу Дж. Брайса посвящена статья Тренора Уилсона, профессора университета Аделаиды, «Расследование лордом Дж. Брайсом предполагаемых зверств, совершенных немцами в Бельгии, 1914 - 1915 гг.»²². В статье анализируется тип и содержание материалов, собранных комиссией Дж. Брайса. Т. Уилсон сделал вывод о том, что Дж. Брайс и его коллеги не пытались

Кобленца. Трупы перерабатывали на масло для смазки и корм для свиней. Это был один из мифов пропаганды ужаса, созданных англичанами в годы войны.

¹⁸ Neander J., Marlin R. Media and Propaganda: The Northcliffe Press and the Corpse Factory Story of World War I // Global Media Journal. Canadian Edition. Vol.3. Issue 2. 2010.

¹⁹ Parsons M. The Times and the Liberals during the Great War // Circles. Vol. 21. 2011.

²⁰ Report of the Committee on Alleged German Outrages by James Bryce // Great Britain Committee on Alleged German Outrages, L., 1915.

²¹ Ryley J. The Historian Who Sold Out: James Bryce and the Bryce Report // Iowa Historical Review. 2008. V. 1. Issue 2.

²² Wilson T. Lord Bryce's Investigation into Alleged Atrocities in Belgium, 1914 - 1915 // Journal of Contemporary History. № 14. 1979.

намеренно фальсифицировать факты, однако собранные ими свидетельства тщательно никем не проверялись, из-за чего возникали различные предположения. Известно, что после окончания войны английское общество критически оценивало содержание пропаганды военного времени. По мнению Т. Уилсона — и здесь с ним можно согласиться — ложью были признаны даже те военные преступления немцев, которые имели место в действительности.

Интерес зарубежных исследователей к пропаганде Британской империи как элементу государственной политики показывают работы Дж. МакКензи²³ и С. Бадси²⁴. В исследовании Дж. МакКензи автор дает детальный анализ деятельности проводников имперской пропаганды: театр, мюзик-холлы, кино, фотография, школьные учебники, приключенческая литература. Историк показал, что на фоне технической революции, открытия рынка дешевых массовых изданий, неотъемлемым атрибутом жизни британского общества становятся имперские образы в рекламе на пачках сигарет, упаковках мыла, почтовых открытках, в газетах, на обложках журналов для детей и взрослых, приключенческой литературы и т.д. В своей работе С. Бадси утверждал, что в Британии существовал механизм связи власти и пропаганды, была создана модель этой связи, которая представлена в пропагандистской демонстрации силы и престижа королевской власти.

Начиная с 60-х гг. XX века в зарубежной историографии наблюдается тенденция изучения военной истории в рамках социальной истории. Появляется множество работ, посвященных восприятию войны, общественному мнению, формированию стереотипных представлений, связанных с образами врага и союзника; активно ведется разработка проблемы тыла²⁵. Так, к проблеме

²³ MacKenzie J. M. *Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion: 1880-1960.* Manchester, 1984.

²⁴ Badsey S. *Propaganda and the Defence of Empire.* in: *Imperial Defence: The Old World Order 1856-1956.* Ed. by G. Kennedy. L., 2007. P. 218-233.

²⁵ Marwick A. *Britain in the Century of Total War: War, Peace and Social Change, 1900-1967.* L., 1968; idem. *The Deluge: British Society and the First World War.* L., 1965; *War and Social?*

британского тыла обратились шотландский историк Н. Фергюсон и оксфордский

п

р

о

ф

е

с Вопрос пропаганды Великобритании периода Первой мировой войны долгое время находился на периферии отечественной историографии. Приоритеты в изучении Первой мировой войны принадлежат собственно военной и внешнеполитической истории, социальная и внутривнутриполитическая история участвующих в войне государств рассматривается, главным образом, в той мере, в какой она повлияла на ход конфликта. Отечественная историография в меньшей мере затрагивала вопросы, связанные с английской пропагандой накануне и в период Первой мировой войны. Созданы значимые работы, посвященные общим вопросам истории Первой мировой войны и действиям на фронте²⁸, политическим персоналиям²⁹, участникам войны, внешнеполитическим проблемам накануне и в годы войны³⁰. Наряду с ними существуют отдельные исследования российских

г

Change in the XX century: a Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the USA. L., 1974; Mitchell D. Monstrous Regiment: The Story of the Women of the First World War. N. Y., 1965; Playne C. E. Pre-war Mind in Britain. L., 1928; State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Ed. by J. Home. Cambridge, 1997; Silbey D. British Working Class and Enthusiasm for war 1914-1916. L.-N. Y., 2005.

²⁶ Gregory A. The Last Great War. British society and the First World War. Cambridge, 2008.

²⁷ Ferguson N. The Pity of War, 1914-1918. L., 1999.

²⁸ Зайончковский А.М. Первая мировая война СПб., 2002; Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Писарев Ю.А., Мальков В. Л. М., 1994; Первая мировая война и начало конфликта. Позиция адиты по отношению к обществу здесь представляется Судьба европейской цивилизации / под. ред. Л.С. Велюсова, А.С. Мамыкина. М., 2014.

Россия и Европа в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны /под. ред. В.А. Золотарев) М., 2014; Мировые войны XX века. В 4 кн. / Ин-т Всеобщей истории. М., 2002.

²⁹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж М.,1970; Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора Британского флота. Владивосток, 1993.

³⁰ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1956-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012; Мальков В.Л. Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.

т

и

ч

е

с

ученых, в которых тема образа врага и образа «другого» затрагивается лишь незначительно. В их числе в первую очередь известны исследования Е.С. Сениявской, специалиста по военно-исторической антропологии, в которых автор изучает феномен «врага», «варвара-гунна». В качестве исторического контекста Е.С. Сениявская выбирает различные регионы и эпохи при доминировании российской

п

р

о

б

л

е

м

а

т

и

к

и

31

В работе Л.П. Репиной³² автор анализирует концепты «национальный характер» и «образ Другого». Особое внимание уделяется проблемам изучения межкультурного взаимодействия, а также этнической и национальной

³¹ Сениявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свои» и «чужие» // Мировые войны XX века: в 4-х тт. / Науч. рук. В.Л. Мальков, отв. ред. Т.Д. Шкундин. Т.1. М., 2002; Сениявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3; она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; она же. Война и цивилизация: формирование и культура // Вестник Самарского государственного университета. 2001. № 7; Сениявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XIX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6).

³² Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39.
³³ Цит. по: Репина Л.П. Указ. соч. С. 18.

³⁴ Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии. М.: Электронный ресурс. Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30315/1/uibch_2014_1-22.pdf (дата обращения: 22.05.2016).³³

Статья О.С. Поршневой³⁴ посвящена анализу предпосылок, условий и характерных черт становления в современной России исторической имагологии. Рассматриваются актуальность, проблематика и институциональные формы развития данного междисциплинарного

направления. Автор показывает основные историографические результаты историко-имагологических исследований. О.С. Поршнева дает оценку методологической значимости, достижений и перспектив исторической имагологии.

Наряду с этим существуют работы, в которых осмысливается влияние войны на британское общество. Из отечественных историков, анализирующих восприятие британцами войны, необходимо назвать Ю.Ю. Хмелевскую и М.А. Оболонкову, исследования которых опираются, в том числе, на британские источники личного характера³⁵. В работах Ю.Ю. Хмелевской прослеживается эволюция восприятия конфликта в диапазоне от «большого матча» и «джентельменской забавы» до тотальной войны. В исследованиях М.А. Оболонковой впервые в российской науке был предпринят анализ представлений различных слоев английского общества и его реакция на ключевые проблемы военного времени.

В диссертационном исследовании И.В. Смирновой³⁶ автор исследует формирование морально-психологического состояния британских солдат и динамику его трансформации в условиях Первой мировой войны, а также механизмы формирования психо-физического состояния комбатантов в

35 Хмелевская Ю.Ю. Британская армия в 1914 -1918 гг.: от эйфории патриотизма к психологии большой войны // Из британской истории нового и новейшего времени / Отв. ред. Н.А. Ерофеев. Челябинск, 1992; она же. Великая война: английский национальный характер и социально психологический опыт британской армии (1914-1918): автореф. дисс.... канд. ист. наук. Пермь, 2000; она же. «Большая игра»? Роль спортивной этики в поддержании морального духа британской армии в первой мировой войне // Человек и война (война как явление культуры). М., 2001; Оболонкова М.А. Первая мировая война глазами англичан и англичанок // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия: История. 2004. № 2; она же. Конфликт национальной и гуманитарной идентичности в сознании европейских интеллектуалов и Великая война // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия: История. 2002. № 1.

³⁶ Смирнова И.В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914-1918 гг.: дис. ... канд. исторических наук. М., 2011.

условиях войны современного типа, с которой человечество впервые столкнулось именно в 1914-1918 гг³⁷.

В диссертации Н.Ю. Забелиной³⁸ рассматриваются образы врагов и союзников британцев, и делается попытка воссоздания ясной картины представлений британских современников о других участниках Первой мировой войны.

В тоже время предметные исследования, посвященные формированию институтов пропаганды Великобритании и собственно самому механизму пропаганды, различным её аспектам накануне и в годы войны, в отечественной историографии отсутствуют.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе существует огромное количество работ посвященных истории Первой мировой войны. Однако до сих пор не представлено полного исследования о британской пропаганде накануне и в годы Первой мировой войны. В научных исследованиях посвященных теме английской пропаганды в годы войны, не затрагиваются аспекты государственной пропаганды, формирование её механизмов и её влияние на общественное мнение, через печать и литературу накануне и в годы «Великой войны».

Объектом исследования выступает британское общество и государство накануне и в годы Первой мировой войны в контексте информационной и пропагандистской политики.

Предметом исследования является формирование образа Германии в общественном мнении Великобритании, деятельность институтов пропаганды накануне и в годы Первой мировой войны.

Цель исследования – изучить процесс эволюции антигерманской пропаганды в Великобритании накануне конфликта и ее трансформацию в годы Первой мировой войны, её влияние на общественное мнение в стране.

³⁷ Там же. С. 5.

³⁸ Забелина Н. Ю. Указ. соч.

Реализация поставленной цели обусловила постановку и решение следующих **задач**:

- выявить основные аспекты общественного мнения по поводу англо-германских противоречий накануне конфликта;
- изучить процесс поиска внешнего врага в британской военной беллетристике накануне Первой мировой войны;
- рассмотреть влияние прессы на формирование образа врага в глазах британского населения накануне войны;
- систематизировать основные пропагандистские темы, созданные Бюро военной пропаганды, как на страницах периодических изданий, так и в публицистической литературе;
- определить инструменты создания негативного образа Германии в Великобритании;
- проанализировать визуальный образ врага, созданный британской военной кинопропагандой в годы Первой мировой войны;
- проследить динамику развития антигерманской пропаганды на протяжении войны, ее трансформацию, изменение общественного мнения по отношению к Германии, а также вклад пропаганды в итоговую победу.

Научная новизна обусловлена тем, что впервые в отечественной историографии осуществляется попытка полного изучения институтов политической пропаганды Великобритании накануне и в годы Первой мировой войны и их влияние на конструирование образа врага в глазах британского общества. Особое внимание уделяется поиску внешнего противника Великобритании на мировой арене в общественном мнении страны, начиная с последней трети XIX века и вплоть до начала войны. Анализируются методы и практика формирования и восприятия антигерманского образа. Изучаются процессы мифологизации и визуализация образа врага по средствам кинохроники, политических пропагандистских плакатов и отчетов

официальных комиссий, которые превращали германскую армию в «кроважного гунна», в глазах не только британского, но и мирового сообщества.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Нижней границей работы являются 70-е годы XIX века, так как в британской публицистике начался поиск внешнего врага, которым выступила Германия. Верхняя граница датируется 1918 годом, когда в результате эффективной государственной политики в сфере пропаганды в 1918 году было создано Министерство информации – институт, контролировавший полностью английскую пропаганду.

Географические рамки исследования охватывают Великобританию и страны Европы, на территории которых британские войска участвовали в сражениях Первой мировой войны.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что данное исследование позволяет расширить понимание и представления о британской пропаганде накануне и в годы Первой мировой войны. Несмотря на наличие работ, посвященных изучению пропаганды, в основном зарубежных исследователей, особое внимание уделяется процессам мифологизации и визуализации образа врага, используемых британской военной пропагандой, широко используются материалы британской прессы. Материалы диссертации могут быть использованы в научных работах по истории Великобритании, а также в обобщающих трудах по таким направлениям, как «Всеобщая история», «История международных отношений», «История пропаганды», и при чтении специальных лекционных и семинарских курсов по новой истории стран Европы и Америки. Кроме того, отдельные выводы и положения диссертации могут быть использованы специалистами различных дисциплин в научно-исследовательской работе.

Цели исследования обусловили **структуру диссертации**. Во введении обосновываются актуальность и научная новизна темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, анализируется степень изученности проблемы, приводятся источники и литература, сформулированы цель и задачи, охарактеризована методология работы, практическая значимость и положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации описываются поиски внешнего врага Великобритании с 70-х гг. XIX века на основе материалов беллетристики. Внешнеполитические проблемы накануне войны, связанные в первую очередь с гонкой вооружений и военно-морской проблемой, позволили сформировать негативный образ Германии как одного из главных врагов в глазах англичан, прежде всего, активно используя периодическую печать. Во второй главе анализируются институты британской пропаганды, созданные Бюро военной пропаганды под руководством Чарльза Мастермана, которые заложили основу для будущей английской пропагандистской машины. Рассматривается воздействие, оказанное периодической печатью, в частности, газетной империей лорда Нортклиффа и его влияние на политическое и общественное мнение в Великобритании. Анализируются мифы, созданные в годы войны, а так же использование кино как одного из способов военной пропаганды. В заключении подводятся итоги и формулируются выводы исследования.

Методологическая основа диссертационного исследования

Диссертационное исследование опирается на принципы историзма, системности и объективности. Первый отражен не только в стремлении автора показать антигерманскую пропаганду в связи с быстро менявшимися историческими условиями и в хронологической последовательности, но и в выделении этапов формирования образа врага в глазах британской общественности, как накануне, так и в годы Первой мировой войны. Принцип системности нашел отражение в учете множества факторов и фактов, влиявших

на формирование взгляда и настроения британского общества по поводу начала войны и событий произошедших в ходе военных действий. Принцип объективности означает отказ от политизированности и пристрастности. Изучение механизма политической пропаганды опирается на принципы герменевтики и анализа креолизованного текста и иллюстрации. Используются так же общенаучные методы: анализ, индукция, дедукция; специальные исторические методы, такие как историко-сравнительный, историко-системный.

Источниковая база исследования

Для решения данных исследовательских задач были использованы несколько групп источников: 1) материалы Государственного архива Великобритании и опубликованные официальные документы; 2) периодические издания, представляющие основной пласт анализа; 3) публицистика; 4) источники личного происхождения (мемуары, воспоминания, письма).

1. Архивные материалы и опубликованные официальные документы

Важными архивными документами являются материалы Государственного архива Великобритании (National Archives of the United Kingdom)³⁹, представленные делопроизводственными документами, благодаря которым сформировано представление о работе министерства иностранных дел, министерства обороны и различных пропагандистских организаций, созданных еще до войны и касающихся контрразведки и военно-морской гонки, а так же о деятельности институтов английской пропаганды в годы войны.

С помощью опубликованных материалов, представленных распоряжениями министерств и перепиской между ведомствами можно

³⁹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 1.05.2015); [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.uk/> (дата обращения: 29.09.2014).

проанализировать и установить позицию политической элиты по отношению к Германии накануне военного конфликта в условиях формирования антигерманской пропаганды⁴⁰, под воздействием уже существовавших институтов английской пропаганды.

Одним из наиболее важных официальных документов, использованных английской пропагандой против Германии, являлся доклад комиссии лорда Дж. Брайса о немецких зверствах в Бельгии⁴¹. Одним из главных элементов в формировании образа врага является «пропаганда зверств и ужасов войны». В докладе были отражены сообщения о немецких зверствах по отношению к жителям оккупированных территорий и военнопленных, разрушения культурных ценностей и т.д.

2. Периодические издания

Основным видом источника в нашей работе является периодическая печать Великобритании консервативного, умеренно-консервативного, радикального и либерального толка: «The Daily Mail», «The Times», «John Bull», «The Daily Herald» и т.д.

Так же при анализе использовались не только столичные газеты и журналы, но и провинциальная периодическая печать: «The Manchester Guardian», «The Liverpool Daily Post», «The Yorkshire Evening Press» и т.д.

Аналізу подверглись журналы, содержавшие материалы визуальной пропаганды: «The Star», «The Cinema», «Kinematograph Weekly», «Bioscope», «The Passing Show».

Наибольшее количество материалов по антигерманской пропаганде нам дают статьи в лондонских газетах «The Times» и «The Daily Mail», владельцем которых являлся лорд Нортклифф – ярый германофоб. Данные периодические

⁴⁰ British Documents on the Origins of the War. 1898-1914. L., 1926 / <http://net.lib.byu.edu/estu/wwi/1914m/gooch/goochidx.htm> (дата обращения: 18.09.2014).

⁴¹ Report of the Committee on Alleged German Outrages by James Bryce // Great Britain Committee on Alleged German Outrages, L., 1915.

издания полностью отражали политические взгляды своего владельца. Накануне войны в их статьях мы находим ярко выраженную антигерманскую позицию. В предвоенные годы на страницах газетной империи лорда Нортклиффа была развернута первая крупная кампания в защиту флота и его расширения. Интенсивность антигерманской пропаганды на страницах «The Daily Mail» в течение войны оставалась неравномерной. В одни периоды она была достаточно интенсивной, в другие затухала, во многом это зависело от действий немецкой армии на захваченных территориях, и от их нападения на прибрежные английские города. Временами появлялись статьи, которые противоречили основному воинственно настроенному курсу, принятому редакцией, однако количество их было невелико, и к концу войны газета успешно избегала подобных ошибок.

«The Daily Mirror» являлась одной из газет, принадлежавших Гарольду Хармсворту, родному брату лорда Нортклиффа. По своему влиянию она была куда менее значима, чем «The Times», и политические обозрения занимали в ней куда меньше места, чем в одной из главных газет Соединенного Королевства.

«The Daily Herald», являлась по своей направленности изданием социалистического толка, резко настроенным против вступления Великобритании в войну. Выступая против этого, газета выдвигала аргументы, отличные от провоенно настроенной «The Times», в частности, о неизбежном повышении цен на самые простые продукты питания, это больно ударило по населению королевства. В газете многие события трактовались с точки зрения классовой борьбы, звучали обвинения в адрес капиталистических и финансовых кругов в развязывании войны. Газета призывала объединиться рабочих всех стран-противников, чтобы повлиять на правящие классы и прекратить кровопролитие. Все это, однако, не помешало редакции «The Daily

Herald» напечатать в 1914 г. ряд статей «буржуазного» писателя Г. К.Честертонa, в которых он активно поддерживал войну⁴².

3. Публицистика

Для исследования представляют большой интерес произведения беллетристов, затрагивающие военную проблематику и опубликованные накануне и во время Первой мировой войны. Беллетристика является одновременно индикатором определенных тенденций общественного настроения и попыткой активно повлиять на его формирование. Особого внимания заслуживает отражение в английской беллетристике последней трети XIX – начала XX вв. таких тем как: шпиономания, прогнозирование возможных исходов войны, причины начала войны, формирование образов врага и союзников и тех целей, которые государство должно преследовать в формировании послевоенного мира или возможной

4. Источники личного происхождения

Одним из важных источников для данного исследования являются источники личного характера. К ним относятся мемуары, дневники, письма политических деятелей и простых англичан. Среди множества военной и политической мемуаристики периода Первой мировой войны можно выделить

и

⁴² Цит. по: Рогов Д.М. Габсбургская монархия в общественном мнении и военной пропаганде Великобритании в 1914-1918 гг. дис....канд. исторических наук. Тамбов, 2015.

⁴³ Chesney G.T. The Battle of Dorking. L.,1914; Childers, Riddle of the Sands. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2360>; Vaux P., Yexley L. When the eagle flies seaward. L., 1907; Le Queux, Spies of the Kaiser. L., 2013; Le Queux W. The Invasion of 1910.L., 1906; Saki, When William Came, Amazon Digital Services, Inc. 2012; Eisenhart K. Die Abrechnung mit England. Munchen,1900; Niemann A. Der Weltkrieg. Deutsche Träume. Berlin, Leipzig, 1904; Louis Tracy's The Final War. N. Y., 1896; Robinson H. The Sketch. L., 1910; Wells H.G. The War in the Air. L., 1908. // Уэллс Г. Война в воздухе. М., 1964; Bloch I.S. Is War Now Impossible? Being An Abridgment Of The War Of The Future In Its Technical, Economic, And Political Relations. L., 1899.P. 36. // На русском языке: Блох И.С. Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях». С.-Петербург. 1898. И Блох И.С. Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях.I-V том. С.-Петербург. 1898.

и

и

главные источники, которые касаются нашего исследования и проливают свет на формирование институтов английской пропаганды.

Основная черта этого вида источников – их субъективность, то есть при описании фактов проявляются индивидуальные качества авторов – их образовательный уровень, мировоззрение, политические взгляды, психологический характер и т.д. Поэтому при анализе и использовании почерпнутой в них информации необходимо принимать в расчет социальную детерминированность и различать несколько уровней, через призму которых творцы этих источников воспринимают событийные и духовные явления. С точки зрения информативности данного вида источников, в них можно выделить следующие информационные пласты: помимо описаний событийного ряда, присутствуют зафиксированные автором собственные мысли, чувства и переживания, а также оценки и наблюдения за поведением и суждением других индивидов или групп⁴⁴.

Помимо мемуаров участников Первой мировой войны, остался значительный пласт воспоминаний английских политиков и дипломатов⁴⁵. В их число следует включить воспоминания людей, связанных с пропагандистским аппаратом Великобритании. Творчество К. Стюарта, работавшего в Крю Хаузе – британском пропагандистском ведомстве, содержит довольно подробное описание способов, которые применялись для распространения английской пропаганды. К. Стюарт описывал влияние, которое оказал лорд Нортклифф на организацию английской пропагандистской машины. Отметим, что в целом воспоминания К. Стюарта дают достаточно подробную историю английской пропаганды в 1918 году⁴⁶.

⁴⁴ Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 21.

⁴⁵ Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны. Воспоминания. Мемуары. М., 2003;

⁴⁶ Стюарт К. Тайны дома Крю. Москва-Ленинград, 1928.

Воспоминания лорда Бивербрука, ставшего в марте 1918 года руководителем Министерства пропаганды, весьма интересны в том отношении, что он обращается к политическим перипетиям, а так же к пропагандистским историям, имевшим место в Великобритании в Первую Мировую войну⁴⁷.

Важными для нас являются воспоминания Ч. Мастермана⁴⁸, написанные его женой Люси Мастерман. Ч. Мастерман являлся руководителем созданного в начале войны Бюро английской пропаганды (Wellington House). Из воспоминаний мы узнаем о структуре работы Бюро на раннем этапе и о пропагандистских кампаниях, проводимых Бюро, как внутри страны, так и за её пределами.

Английские авторы оставили значительное количество воспоминаний посвященных непосредственно личности медиамагната лорда Нортклиффа⁴⁹. Они позволяют взглянуть на личность этого газетного магната, проводившего антигерманскую линию в своих изданиях, через призму разных интересов этих авторов, хотя все они не лишены определенного преклонения перед ним, пожалуй, одного из главных пропагандистских деятелей Первой мировой войны.

В целом, как представляется, данный комплекс источников позволяет добиться решения поставленных в работе задач.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Антигерманская пропаганда в Великобритании началась еще задолго до Первой мировой войны. Тяжелое экономическое и политическое положение, потеря военно-морского превосходства Великобритании способствовали поиску внешнего врага, виновника всех бед. Беллетристика последней трети XIX– начала XX вв. сформировала в сознании жителей

⁴⁷ Beaverbrook Politicians and the War. 1914-1916. N. Y., 1928; Beaverbrook Men and Power. L., 1956.

⁴⁸ Masterman Lucy. Charles Frederick Gurney Masterman: A Biography, L., 1939.

⁴⁹ Pemberton Max. Lord Northcliffe a memoir. L, 1922; Fyfe H. Northcliffe: an intimate biography, L., 1930; Carson W. E. Northcliffe Britain's Man of Power. N. Y., 1918.

Великобритании образы возможной европейской войны и показала возможного для Британии врага – Германию. Английская пресса накануне войны изображала Германию как страну агрессора, жаждущую гегемонии в Европе. Антигерманская кампания в британской прессе по проблеме нарастания немецкой морской мощи накануне войны смогла создать уже определенный образ врага-немца. До наступления Первой мировой войны общественное мнение в британском обществе о Германии разделилось. Для одних немцы с их имперскими замашками являлись врагами Британии и всего мира, другие считали большую часть информации о возможной войне ложью.

2. Успех Бюро военной пропаганды (Wellington House) на начальном этапе войны в большей степени зависел от успехов и неудач военных действий на территории Бельгии и Франции. Британской пропагандистской машине удалось преувеличить размер немецких зверств до такой степени, что любой человек поверил бы в те ужасы, которые открыла широкой публике, в первую очередь средствами печати, английская пропаганда.

3. Мифологизация образа врага британской пропагандистской машины позволила демонизировать немцев в глазах европейского общества.

4. Кинематограф стал одной из форм визуальной пропаганды, целью которого являлась массированная трансляция идей, военной действительности, в том числе с помощью постановочных сюжетов. В системе визуальных средств влияния на общественное мнение кинопропаганда стала частью английской пропаганды и в основном была направлена на работу с населением в тылу. Как и многие другие её формы, она порой использовалась для откровенного обмана целевой аудитории за счет демонстрации постановочных картин, основанных на пропагандистских мифах и поданных соответствующим образом фактах.

5. Английская пропаганда дала необходимый импульс для формирования и закрепления в сознании жителей Британской Империи выгодных для правительства образов войны и внешнего врага. Всё это

позволило правительственным органам контролировать и манипулировать общественным мнением внутри страны в течение войны.

Глава I. Пропаганда в Великобритании накануне Первой мировой войны

§1. Поиски внешнего врага в английской литературе

70-х гг. XIX– начала XX вв.

Когда британские и немецкие солдаты столкнулись лицом к лицу на Западном фронте в сентябре 1914 года, наступило противостояние, которое ранее сложно было представить. В течение столетия две страны были соединены не только культурным, но и кровным родством. С того дня, как в феврале 1840 года молодая королева Англии Виктория вышла замуж за герцога Саксонии Альберта, верхушки британского и немецкого общества оказались тесно связаны дружескими и семейными узами вплоть до 1914 года.

Что же могло способствовать разрыву отношений между Великобританией и Германией? Историки размышляют не одно десятилетие о причинах конфликта между двумя великими державами — Великобританией и Германией. В английской историографии межвоенного периода превалировала точка зрения, что конфликт с Германией был столкновением либерализма и деспотизма, промышленного развития и милитаризма, прогресса и реакции⁵⁰. Однако в исторической науке развивалось и другое направление, сторонники которого считали, что Германия не более (а, возможно, даже менее) виновата в развязывании мировой войны, чем Великобритания. Отрицалось наличие противоречий и соперничества между Англией и Германией⁵¹.

В послевоенный период исследователи рассматривали политику Лондона в Европе во многом как вынужденную, обусловленную падением военной

⁵⁰ См., например: Ward A.W. Germany, 1815-1890. Cambridge, 1918; Trevelyan G.M. British History in the Nineteenth Century and After (1782-1919). L., 1946.

⁵¹ См., например: Schmitt B.E. The Coming of the War 1914. N.Y., 1930.

мощи Великобритании и возросшей угрозой английским владениям со стороны агрессивно настроенных стран, Германии и России⁵².

По мнению видного российского историка Б.М. Туполева, англо-германское морское соперничество сыграло главную роль в переходе Великобритании на антигерманские позиции. И единственным выходом для Лондона было заключение союза с Францией и Россией, который основательно ограничил бы свободу действий Германской империи⁵³. К тому же, британские правящие круги пришли к выводу, что политика «блестящей изоляции» утратила перспективы успеха из-за резкого обострения межимпериалистических противоречий, и сделало ставку на создание военных и политических альянсов⁵⁴.

Немецкий историк и социолог Г. Хальгартен считал, что сущность англо-германского антагонизма заключалась в том, что в отличие от Англии центральной отраслью Германии оказалась сталелитейная промышленность⁵⁵. Картелирование и концентрация производства отличали ход событий в Германии от развития соответствующего процесса в Англии. Они «сделали Германию более могущественной в промышленном отношении, а вместе с тем и более империалистически-агрессивной, чем островное государство»⁵⁶. «С другой стороны, тенденция к концентрации породила также – как существенно необходимую предпосылку форсированного развития промышленности – необходимость и государственно-политическую основу того стремления к экспансии, той постоянно возрастающей алчности в отношении насильственно-

⁵² См.: Забелина Н.Ю. Указ. соч. С. 60.

⁵³ Туполев Б.М. Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы // Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. Кн. 1. Первая Мировая война. М., 2002. С. 46.

⁵⁴ Гейдорн Г. Монополии – Пресса – Война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964. С. 198-200.

⁵⁵ Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 271.

⁵⁶ Там же. С. 272.

политического контроля над рынками сбыта и сырьем, которая стала одной из наиболее существенных причин англо-германского столкновения»⁵⁷.

Процесс переосмысления основ внешней политики проходил непросто. Он вызывал споры в британском обществе, в которых принимали участие как сторонники увеличения военного потенциала для того, чтобы противостоять германским устремлениям, так и пацифисты. Британская элита и общество очень болезненно переживали утрату Великобританией доминирующей позиции в мире. В тоже время в британской прессе усиливались дискуссии по вопросу отношений с Германией. «Германия потешалась над нами, США считали, будто мы вышли в тираж, доминионы полагали, что могут учить "старушку" (Британию), как вести дела», - негодовал публицист Дж. Фостер Фрэзер⁵⁸.

На рубеже XIX-XX вв. Англия уже была вынуждена считаться с нарастающим соперничеством Германии в борьбе за рынки сбыта и источники сырья, за сферы инвестирования капитала в Китай и страны Океании, в Латинской Америке и Африке, на Балканах и Ближнем Востоке. Анализируя положение страны в мире, правящие круги Германии, прежде всего, принимали в расчет Британскую империю и Россию, обладавших – каждая по-своему – соответствующими атрибутами подлинно мировых держав, а также своего «наследственного» врага Францию⁵⁹.

Увеличивая сухопутные вооруженные силы, Германия приступила к строительству грандиозного военно-морского флота, что «владычица морей» Великобритания не могла оставить без ответа. В гонке морских вооружений

⁵⁷ Цит. по: Хальгартен Г. Указ. соч. С. 272..

⁵⁸ Fraser J Russia of Today. L., 1915.P. 157.

⁵⁹ Туполев Б.М. Указ. соч. С. 39-41.

были заинтересованы магнаты тяжелой индустрии и связанные с ними финансовые круги Англии и Германии⁶⁰.

Российский историк Д. В. Лихарев считает, что гонка морских вооружений между Англией и Германией начала XX века превратилась в один из главных камней преткновения, который наряду с франко-германскими и русско-германскими противоречиями привел в итоге к глобальному конфликту⁶¹.

Во время правления кайзера Вильгельма II германское правительство взяло курс на борьбу с великой колониальной империей Великобританией, а также расширение своих колониальных владений в мире. Среди инициаторов противоборства с Англией выделялся адмирал Альфред фон Тирпиц, к концу 80-х годов XIX века уже хорошо известный не только в правительственных кругах и на флоте, но и среди крупных промышленников – сторонников колониальной экспансии. Идеи А. Тирпица, бессменно занимавшего пост морского министра с 1897 по 1916 гг., оказали глубокое воздействие на весь курс внешней политики кайзеровского рейха начала XX века⁶². Каждая из великих держав олицетворяла собой определенный культурный стереотип. И если в Германии, объединившейся в результате серии победоносных войн, открыто поощрялось и культивировалось все, что было связано с войной и военными, то Великобритания до 1914 года всячески старалась сохранить имидж миролюбивой страны. Островное положение и репутация «владычицы морей» в течение долгого времени позволяли ей избегать прямого участия в континентальных конфликтах. Однако, уже после объединения Германии английская пропаганда забила тревогу по поводу усиливавшихся претензий новообразованной империи на «место под солнцем»,

⁶⁰ Лихарев Д.В. Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. / Отв. ред. В.Л. Мальков. С. 537-554.

⁶¹ Лихарев Д.В. Указ. соч. С. 537.

⁶² Там же. С. 539.

не без основания усматривая в этом угрозу для собственных имперских владений. Поэтому с самого начала видное место в усилении антигерманской агитации стало занимать имперское сознание, укоренившееся в английской нации к концу XIX века⁶³. Оценивая эволюцию среднестатистического англичанина с 60-х годов XIX века до начала XX века, Г. Уэллс отмечал: «Мистера Бриггса [комический персонаж из журнала «Панч», олицетворявший английского обывателя – Д.С.] осенило важное и правдивое открытие, а именно, что солнце никогда не заходит в его владениях; факт, которого он до сей поры не замечал, и под влиянием восточной фантазии Б. Дизраэли, сделавшего королеву Викторию императрицей англичанин, с готовностью проникался туманной экзальтацией современного империализма»⁶⁴. В конце XIX в. – начале XX в. произошло изменение баланса сил на Европейском континенте. Британия, как никакая другая держава, понимала это и, следовательно, должна была отреагировать на усиление Германии. С конца XIX века тревога консерваторов относительно положения Великобритании в мире усилилась, и они сосредоточили свое внимание на британском оборонном положении, в частности, ее готовности вести войну. С середины XIX века этот вопрос вызывал регулярные споры в парламенте. Война рассматривалась не только как необходимый, но и как неизбежный метод решения международного соперничества⁶⁵.

Столкновение имперских интересов Германии, стремившейся возродить былое величие рейха, и англичан, уже привыкших к владению огромными территориями и получавших от этого определенные выгоды, породило соперничество и способствовало возникновению мифов об англосаксах и германцах. Излюбленными пропагандистскими темами накануне и во время Великой войны стали миролюбивость Британии и «агрессивность» Германии.

⁶³ Цит. по: Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 25.

⁶⁴ Уэллс Г. Международная катастрофа 1914 года и ее последствия. М.- Пг., 1923. С. 14-15

⁶⁵ Haste C. Op. cit. P.6

Противопоставление Англии и Германии превратилось в основополагающий мотив британской пропаганды, воздействие которой на общественное мнение в те годы осуществлялось главным образом через литературу и прессу⁶⁶. С последней трети XIX века в Великобритании наблюдается расцвет бульварной беллетристики, причем темы произведений были весьма специфическими. Мы можем выделить четыре направления в английской антигерманской литературе. Первое из них характеризуется как «шпионско-патриотическое», к работам этого направления мы можем отнести романы У. Ле Кё, У. Вуда, А. Кёртиса. Они являются классическими образцами жанра и, именно эти произведения ввели понятие «шпионская лихорадка» в массовый обиход. Второе направление было сосредоточено преимущественно на последствиях возможной победы Германии и оккупации Великобритании. Это книги Г. Х. Манро, Э. Олдмидоу и другие. Представители третьего направления искали альтернативного врага для Британии, в меньшей степени указывая на Германию, например, Л. Трейси, М. Пембертон и др. Создатели четвертого направления пытались детально предсказать и показать, какой будет предстоящая война, каких бедствий стоит ожидать населению всей Европы. Это предсказания К. Эйзенхарта, Ф. Энгельса, И.С. Блоха и другие. Остановимся подробнее на каждом из этих направлений.

Военная беллетристика приобрела огромную популярность, начиная с публикации в журнале «Blackwood's Edinburgh Magazine»⁶⁷ в мае 1871 г. рассказа подполковника сэра Джорджа Чесни «Сражение при Доркинге: воспоминание добровольца», где в художественно-фантастической форме описывалось применение технических новинок в войне Англии против иностранных захватчиков – немцев. Рассказ Д. Чесни был переведен на несколько языков и разошёлся отдельными массовыми изданиями по всей Европе, Северной Америке и даже Океании. Но самое главное – он стал

⁶⁶ Цит. по: Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 27.

⁶⁷ Chesney G.T. The Battle of Dorking. L., 1914.

родоначальником нового популярного жанра в английской литературе, так называемого «романа вторжения» (invasion novel).

Рассказ Д. Чесни по сути является пропагандистским памфлетом, в котором описывается успешное немецкое вторжение в Великобританию. Его целью было показать, что британское правительство перестало заботиться о военно-морском флоте. Роман, изданный во время решающего периода франко-прусской войны, в тот момент, когда немцы стояли под стенами Парижа, вызвал у британского населения страх и опасения, связанные с нерушимостью собственных границ. Премьер-министр У. Гладстон был вынужден выступить в парламенте с речью об опасности «литературы, вызывающей панику, или, другими словами, алармистской литературы»⁶⁸. Однако под давлением общественности, которая восприняла книгу Д. Чеснина «ура», спустя некоторое время премьер-министр высказал иное мнение. В сентябре 1871 года в одном из своих официальных выступлений У. Гладстон специально обратился к рассказу Д. Чесни. С точки зрения главы правительства, рассказ «Битва при Доркинге» выставил англичан посмешищем в глазах всего мира, и подразумевается, что результатом бурного общественного обсуждения должно стать увеличение военных расходов государственного бюджета. Речь английского премьер-министра, в сущности, можно считать фактическим признанием политической силы художественного произведения о потенциальной войне».⁶⁹

Произведение Д. Чесни задумывалось как политически злободневный памфлет, облеченный в форму литературного произведения, но его влияние на литературную ситуацию в стране было не меньшим, чем воздействие на политическую. Во-первых, «Сражение при Доркинге» спровоцировал появление множества изданий, явившихся непосредственным откликом на события, описанные в рассказе Д. Чесни. Одни из них были полемическими и

⁶⁸ Haste C. Op. cit. P.7.

⁶⁹ Gannon Ch.E. Rumors of War and Infernal Machines: Technomilitary agenda-setting in American and British speculative fiction. Liverpool, 2003.P. 9.

касались политических причин и последствий воображаемого поражения Англии. Другие же представляли собой прямые литературные продолжения произведения «Битвы при Доркинге» (например, «Осада Лондона: воспоминания еще одного добровольца», «Что случилось после Доркинга, или Победа при Танбридж-Уэллс»).

Во-вторых, тема военного вторжения в Англию сразу же была с энтузиазмом подхвачена английскими литераторами, которые принялись изобретать собственные сценарии падения Британской империи. В том же 1871 году в свет выходит произведение «Вторая армада», в 1876 году – роман «Вторжение 1883 года», в 1877 г. «Пятьдесят лет спустя». «В течение последующих четырех десятилетий английская бульварная пресса тиражировала бесчисленные пересказы новеллы Д. Чесни, в которых на неподготовленную в военном отношении Англию коварно нападает иностранная держава (как правило, Франция или Германия) и страна вынуждена отражать массированные сухопутные и морские вторжения, что в итоге заканчивается ее унижительным поражением и массовыми казнями гражданского населения»⁷⁰.

Пик популярности работ Д. Чесни, в новом литературном жанре, пришелся на годы, предшествующие Первой мировой войне.

Начиная с 90-х годов и на рубеже веков, появилось огромное количество «пророческих» романов, где главным врагом выступала исключительно Германия.

Одним из самых первых «пророков», предсказывающих возможную войну, был Хэдон Хилл. Его роман «Шпионы из Уайта»⁷¹ (1899 г.) основан на зловещих махинациях немецких шпионов, направленных против Великобритании. Роман стал первым из большого числа произведений о

⁷⁰ Cornell Ju. All's Wells that Ends Wells: Apocalypse and Empire in The War of the Worlds // A Companion to Literature and Film (ed. by Robert Stam and Alessandra Raengo). Oxford, 2004. P. 428-429.

⁷¹ См., подробнее: Clarke I. The Tale of the Next Great War, 1871-1914: Fictions of Future Warfare and of Battles Still-to-Come. Liverpool, 1995.

вымышленных ожиданиях будущей англо-немецкой войны. «Романы вторжения» еще долго заполняли полки английских книжных магазинов.

В романе А. Кёртиса «Новый Трафальгар» (1902 г.) в отсутствие «флота Ла-Манша» Германия нанесла молниеносный военно-морской удар по Великобритании. К счастью, у Королевского флота был в запасе «убойный» линкор, который и выиграл битву⁷². В известном рассказе Эрскина Чайлдера «Загадка песков» (1903 г.) герои Каррутэрс и Дэвис случайно находят доказательства существования немецкого плана, согласно которому большое число мореходных лихтеров, битком набитые солдатами, должны пересечь Северное море в сопровождении Имперского военно-морского флота и одновременно атаковать английские берега⁷³. После подобного вторжения школьник Джек Монтморенки, герой романа Лионеля Джеймса «Дежурный мальчик»⁷⁴ (1903 г.), вынужден покинуть старшую школу и надеть форму Кадетского корпуса, чтобы бросить вызов немцам. Эти и подобного рода произведения красочно описывали происки немецких шпионов и воображаемые операции немецкой армии и флота на территории Британской империи.

Возможно, самым известным и популярным из всех вымышленных немецких вторжений того времени являлся бестселлер Уильяма Ле Кё «Вторжение 1910», впервые опубликованный в «The Daily Mail» в 1906 году и сначала издававшийся частями. Сюжет книги сводится к успешному вторжению сильной сорокатысячной армии Германии в Англию, сопровождавшемуся такими ужасами, как сражение при Ройстоне и бомбардировка Лондона⁷⁵. Роман Ле Кё оказался настолько популярным, что

⁷² Clarke I. Op. cit. P. 129-39.

⁷³ Childers E. Riddle of the Sands, P. 248. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2360> (дата обращения: 19.10.2015).

⁷⁴ James L. The Boy Galloper. L., 1903.

⁷⁵ Le Queux W. The Invasion of 1910. L., 1906.

впоследствии был издан тиражом около 1 млн. экземпляров⁷⁶. Изданная в 1907 году книга Патрика Вокса и Лайонела Йексли «Когда орел летит в сторону моря»⁷⁷, увеличила вторгшуюся армию немцев до шестидесяти тысяч, но была по существу той же самой идеей, что и у У. Ле Кё. Оба романа, однако, завершаются поражением захватчиков.

С 1907 г. в «пророческих» историях появляется интересная сюжетная линия. Если раньше англичане сами могли справляться с атаками врагов, то теперь на помощь Британии приходят союзники (в 1907 году окончательно оформился блок Антанта). В романе Р. Коула «Смертельная ловушка»⁷⁸ (1907 г.) ими стали японцы, которые приходят на помощь британцам после того, как кайзеровский «отряд вторжения» высадился на остров. Книга А. Доусона «Послание», изданная в 1907 году, была одним из первых произведений, в котором англичане потерпели поражение, что привело к оккупации, репарациям и потере нескольких колоний. В книге А. Доусона важно было то, что враг находился как на территории Великобритании, так и вне её. Оказывается, что еще до нападения тысячи немецких иммигрантов действовали как сборщики информации, таким образом, «немецкая армия знала все вплоть до расположения стогов сена, которые лежали в качестве «корма» между Лондоном и побережьем»⁷⁹.

В 1905 г. тема немецких шпионов в Британском королевстве была затронута в романе «Производитель истории» Эдварда Филлипса Оппенхейма. Капитан Х, глава немецкой разведки в Лондоне, объясняет: «Есть в этой стране 290000 молодых соотечественников, твоих и моих, которые отслужили свой срок, и умеют стрелять ... Клерки, официанты и парикмахеры ... у каждого есть свое задание. Форты, которые охраняют этот великий город (Лондон) могут

⁷⁶ Clarke I. Op. cit. P. 142.

⁷⁷ Vaux P., Yexley L. When the eagle flies seaward. L., 1907. P. 89-105.

⁷⁸ Cole R. W. The Death Trap L., 1907.

⁷⁹ Dawson, A. J. (Alec John). The Message. L., 1907. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/messagedawson00dawsiala> (дата обращения: 15.09.2015).

быть неприступны извне, а изнутри - это совсем другое дело»⁸⁰. Такого же мнения придерживался и Уальтер Вуд. В книге «Враг среди нас» (1906 г.) он утверждал: «Существует «Немецкий Комитет Секретных Приготовлений», тайно закладывающий основу для государственного переворота в Лондоне»⁸¹. Поскольку в английской литературе и прессе существовали многочисленные вариации на тему германских шпионов, то слова о «шпионской лихорадке начала XX века» кажутся вполне оправданными. В 1909 году был издан, возможно, самый известный роман У. Ле Кё «Шпионы Кайзера», в котором автор высказал мнение о возможном существовании секретной сети немецких шпионов в Великобритании⁸². В том же 1909 году выходит роман капитана А. Кертиса «Пока Англия спала», в котором Лондон был неожиданно оккупирован немецкой армией, сумевшей захватить королевство в течение нескольких недель⁸³.

Даже Саки (Гектор Хью Манро), один из немногих популярных писателей периода, пробовал свои силы в этом жанре. В романе «Когда пришел Вильгельм: История Лондона при Гогенцоллернах» (1913 г.) его герой, молодой аристократ-тори Мюррей Йовил возвращается из «темной» Азии и видит побежденную Великобританию, «включенную в империю Гогенцоллеров... в качестве имперской территории, своего рода Эльзас-Лотарингии, но омываемой Северным морем, вместо Рейна.... с кафе в континентальном стиле на «Риджент-стрит» и штрафами в том же месте за прогулки по траве в Гайд-парке»⁸⁴. Хотя Йовил стремится противостоять тевтонской оккупации, он оказывается покинутым, так как его современники-тори уже бежали вместе с Георгом V в Дели, оставив позади жалкую толпу сотрудников, включая и

⁸⁰ Andrew C. Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. L., 1985.P. 77.

⁸¹ Ibid. P. 122.

⁸² Le Queux Spies of the Kaiser. N. Y., 2013.

⁸³ Clarke I. Great War with Germany, 1890-1914: Fictions and Fantasies of the War-to-Come. Liverpool, 1997.P.356-63.

⁸⁴ Saki (Hector Hugh Munro).When William Came, Amazon Digital Services, Inc., 2012. P. 691-700.

аморальную жену Йовила, и ее богемных друзей, и различных мелких бюрократов и «вездесущих» евреев⁸⁵. Мысль о том, что евреи были про-немецки настроены, была выгодна для англичан в предвоенные годы.

В романе Эрнеста Олдмидоу «Пена Северного моря» (1906 г.) также говорилось о Немецкой Британии. Оккупация немцев описывалась, прежде всего, через обычаи одаривать всех новых подданных-англичан одинаковыми рождественскими подарками, соблюдении диеты с обязательным употреблением сосисок и кислой капусты, правильном написании имени Генделя на концертных программах, а также введением Гомруля для Ирландии⁸⁶.

Фантазии английского общества подпитывались не только бульварной беллетристикой. Путешественник и поэт Чарльз Даути написал несколько странно архаичных стихов на эту тему. Произведение «Утесы» (1909 г.) и три года спустя «Облака» представляют собой причудливые работы, в которых предполагаемые захватчики выражают идеи У. Ле Кё на псевдо чосеровском языке⁸⁷. Пьеса майора Ги дю Морье «Дом англичанина» (1909 г.) воссоздала ту же самую фантазию, но уже на театральной сцене⁸⁸. Школьникам приходится столкнуться с кошмаром возможного «вторжения». Начиная с декабря 1913 года журнал «Chums» запустил серию статей об еще одной предполагаемой англо-германской войне⁸⁹. В 1909 году в журнале, издаваемом в школе Домика Элдербурга, весьма остроумно вообразили, как в 1930 году детям будут преподавать о том, что Англия к тому времени стала просто «небольшим островом западного побережья Тевтонии»⁹⁰.

⁸⁵ Ibid. P. 706-11.

⁸⁶ Clarke I. Great War... P. 364-9.

⁸⁷ Ferguson N. Pity of War: Explaining World War I. N.Y., 1999. P. 30.

⁸⁸ Andrew C. Op. cit. P. 93.

⁸⁹ Hynes S. War Imagined, P. 46.

⁹⁰ Clarke I. Great... P. 179.

У тех, кто попытался визуализировать будущую войну, было два желания: продать экземпляры книг или газет читающей публике и продвинуть в массы идеи об особом политическом представлении. Параноидальные фантазии У. Ле Кё были выгодны для газетных владельцев, таких как лорд Нортклифф. Например, он специально изменил маршрут вымышленного немецкого вторжения, описанного у У. Ле Кё так, чтобы вторжение прошло через города с многочисленными потенциальными читателями «The Daily Mail», что могло способствовать увеличению тиража его газеты. «Что продает газету?», - когда-то спросили одного из редакторов лорда Нортклиффа. Он ответил: «Первый ответ – “война”. Война не только поставляет новости, но и увеличивает спрос на них. Газета должна быть в состоянии просто поднять плакат «Большое Сражение» и ее продажи сразу увеличатся»⁹¹.

После того, как англо-бурская война закончилась, стала ощутима нехватка фактических новостей, которые могли бы вернуть интерес британских читателей. У. Ле Кё и его коллеги предоставили прессе «вымышленные» замены. Поэтому «романы вторжения» и патриотические фантазии о вымышленных войнах выполняли двойную задачу. С одной стороны, они являлись своего рода искусственными литературными заменителями военных сводок и, таким образом, обеспечивали постоянный интерес и увеличение количества потенциальных читателей. С другой стороны, доступная военная беллетристика, публикуемая на страницах массовых изданий, наряду с правительственными и чисто пропагандистскими материалами, являлась важным инструментом для внедрения соответствующих политических идей в общественное мнение, доверие которого к прессе в Англии было традиционно высоким.

Выбор немцев в качестве одного из основных врагов не случаен. Германия в конце XIX – начале XX вв. представляла собой развивающуюся

⁹¹ Laswell H. Propaganda Technique in World War. L., 1927, P. 192.

империю, способную составить конкуренцию любой европейской стране. Растущее экономическое влияние, активное усиление военно-морской мощи, привлекала к ней взгляды всех мировых держав. Неудивительно, что именно Германия стала главной целью английской пропаганды.

У немцев же было свое видение войны в будущем. Карл Эйзенхарт в романе «Считаться с Англией»⁹²(1900 г.) описывает как Великобритания, проигрывав в англо-бурской войне, атакована Францией. Великобритания вводит военно-морскую блокаду, игнорируя права нейтрального судоходства; и именно это ускоряет начало войны между Англией и Германией. Немецкое секретное оружие (линкор с электропитанием) решает войну в пользу последней и радостные немцы пожидают богатый урожай британских колоний, в том числе Гибралтар⁹³. В книге Августа Нимана «Мировая война – немецкие мечты»(1904 г.) автор представляет «армии и флоты Германии, Франции и России, которые идут вместе против общего врага – Великобритании, охватившей своими гнойными руками весь земной шар». Французский и немецкий военно-морские флоты побеждают Королевский флот англичан, а так же их наземные силы и вторгаются в Ферт-оф-Форт⁹⁴. Макс Хейнричка в книге «Будущее Германии на ближайшие 100 лет» представил англо-немецкую войну, начавшуюся из-за Голландии, как кульминацию очередного успешного немецкого вторжения. Как и в истории А. Нимана, победа позволяет Германии получить «лучшие части Империи».⁹⁵ Правда, по мнению английского исследователя И. Кларка, не все немецкие писатели заведомо были настолько уверены в победе Германии. В романе анонимного автора «Потопить, сжечь, разрушить: удар против Германии» (1905 г.) роли изменились: «Вот он

⁹² Eisenhart K. Die Abrechnung mit England. Munchen, 1900.

⁹³ Clarke I. The...P. 87-98.

⁹⁴ Niemann A. Der Weltkrieg. Deutsche Träume. Berlin, 1904.

⁹⁵ Clarke I. The...P. 399-408.

британский флот, который побеждает немецкий, и Гамбург, которому придется терпеть британское вторжение».⁹⁶

На основании такой литературы можно было бы поверить, что Первая мировая война произошла, по крайней мере, потому, что одни предсказывали возможный конфликт, а другие ожидали его. С началом войны подобные книги, по-прежнему издавались даже после того, как «пророчество» было исполнено. У. Ле Кё опубликовал роман «Немецкий шпион: современная история» в конце 1914 г., а ранее запрещенный фильм Гаумонта «Вторжение 1910» был выпущен под названием «Если в Англию вторглись»⁹⁷. Книга Пауля Георга Мунка «Марш Гинденбурга в Лондоне», в которой автор изобразил победителя немца, успешно преодолевшего Ла-Манш и захватившего Великобританию, была издана в 1915 году.

Такие фантазии интересны в более широком контексте. Не все «пророки» войны ожидали, что она будет именно между Англией и Германией. До 1900 года фактически мало кто в этом жанре видел Германию в качестве главного врага Великобритании. С поразительной дальновидностью авторы рассказа «Великой войны 189-», опубликованного в 1891 году в иллюстрированном еженедельнике «Черное и Белое», начали воображаемую войну на Балканах с королевского убийства (покушение на жизнь принца Фердинанда в Болгарии, по-видимому, русскими агентами). Сербия пользуется случаем, чтобы объявить войну Болгарии; Австро-Венгрия занимает Белград, побуждая Россию направить войска в Болгарию. Германия соблюдает свои договорные обязательства по мобилизации против России в поддержку Австро-Венгрии, в то время как Франция исполняет свои, объявив войну Германии в поддержку России. Однако в рассказе есть интересный поворот. Первоначально оставшись нейтральной - несмотря на немецкое нарушение бельгийского нейтралитета - Великобритания высаживает войска в Трапезунде в поддержку Турции,

⁹⁶ Ibid. P. 385-90.

⁹⁷ Ferguson N. Op. cit. P. 33.

побуждая Францию и Россию объявить ей войну. Затем следует основная битва между английскими и французскими флотами у Сардинии и два коротких решающих сражения под Парижем между французскими и немецкими войсками. В итоге битва была выиграна благодаря героическому французскому наступлению⁹⁸.

В романе Луи Трэйси «Последняя война»⁹⁹ (1893 г.) Германия и Франция тайно замышляют вторгнуться в Великобританию, но немцы переходят на британскую сторону, и Париж терпит поражение от лорда Робертса. Таким образом, налицо успех объединенных войск англо-саксов. У. Ле Кё начал свою карьеру в качестве франкофоба и русофоба, но не германофоба. Его работа «Отравленная пуля» (того же 1893 г.) говорит о русском и французском вторжении в Великобританию. В более позднем романе У. Ле Кё «Опасность Англии: история секретной службы» в роли злодея выступает начальник французской Секретной службы Гастона Ла Туша¹⁰⁰.

Англо-бурская война способствовала появлению большого числа подобных антифранцузских историй: «Кампания Дуэ» (1899 г.), «Опасность Лондона» (1900 г.), «Большая французская война 1901 г.», «Новое сражение Доркинга», и «Pro Patria» Макса Пембертона (все 1901 г.). В некоторых из них описывалось французское вторжение, начатое через тоннель под Ла-Маншем¹⁰¹.

В немецкой пророческой литературе есть аналогичные варианты развития событий. Научно-фантастическая книга «Берлин - Багдад» (1907 г.) Рудольфа Мартина представила вниманию читателей «Немецкую Мировую Империю в эпоху путешествий на дирижаблях, 1910-1931 гг.»; но здесь основным конфликтом стал конфликт между Германией и постреволюционной Россией. Ультиматум, который Германия выдвинула Англии, а именно, объединение

⁹⁸ Подробнее см.: The Great War of 189-. L., 2002.

⁹⁹ Tracy L. The Final War. N. Y., 1896.

¹⁰⁰ Andrew C. Op. cit. P. 68.

¹⁰¹ Clarke I. Voices Prophesying War: Future Wars 1763-3749. Oxford University Press, 1992.P. 136-8.

всей Европы под немецким началом, стал чем-то вроде запоздалой мысли и был забыт, когда русские пошли в воздушное наступление на Индию¹⁰².

Следует подчеркнуть, что многие современники считали шпионские рассказы просто смехотворными. В 1910 г. Чарльз Лоу, корреспондент газеты «The Times» в Берлине, выступил против книги У. Ле Кё «Шпионы кайзера» не потому, что он не верил в то, что германский генеральный штаб послал офицеров для сбора информации об Англии и других потенциальных противниках, а потому, что доказательства, предоставленные такими писателями, как У.Ле Кё, были очень незначительными¹⁰³. В 1909 году А. А. Милн высмеял У.Ле Кё в работе «Тайны армейского самолета», изданной в журнале «Панч»:

«Дай нам все факты, Рэй», - убеждала Вера Валлэнс, красивая светловолосая дочь адмирала сэра Чарльза Валлэнса, своего жениха.

«Ну, дорогая, они такие незначительные, - ответил он, бросив на нее нежный взгляд... В прошлый вторник человек с такими же, как у него усами, изменил свой путь, вышел на вокзале Басингстоука и спросил о комнате отдыха. Это заставило меня поверить в то, что будет предпринята трусливая попытка вырваться из-под нашего контроля в воздухе».

«И даже после этого правительство отрицает активность немецких шпионов в Англии!», - воскликнул я с горечью¹⁰⁴.

Возможно, лучшей сатирической работой является книга П. Г. Вудхауса «Налет! или, как Кларенс Спас Англию: рассказ о большом вторжении» (1909 г.), в котором страна одновременно наводнена немцами, русскими, швейцарцами, китайцами. Здесь идея немецкого вторжения стала столь банальной, что на плакате продавца газет можно было прочесть следующее:

¹⁰² Ibid. P. 102-8.

¹⁰³ Andrew C. Op. cit. P. 69.

¹⁰⁴ Hiley N. Introduction to Le Queux W. The Spies of the Kaiser: Plotting the Downfall of England. N. Y., 1996.P. 9-10.

«ПРОБЛЕМА
СУРРЕА.
НЕМЕЦКАЯ АРМИЯ
ВЫСАЖИВАЕТСЯ В АНГЛИИ»¹⁰⁵.

Еще одним доведенным до абсурда примером сарказма в отношении шпионской тематики были одиннадцать карикатур Хита Робинсона, вышедшие на экран под общим названием «Эскиз» (1910 г.)¹⁰⁶. На них были изображены немцы, замаскированные под птиц и свисающие с деревьев в Эппинг-Форесте; немцы в купальных костюмах, совершающие набег на пляж Ярмута; даже немцы, переодетые в статуи в греко-римских экспозициях Британского Музея.

Немцы также предлагали варианты возможного военного пророчества. Например, существует явно юмористическая карта мира 1907 г., в которой Британская империя уменьшена до размеров Исландии. Карл Сивинна в работе «Путеводитель для фантазийных стратегов» (1908 г.) старательно и эффективно уничтожает военных пророков с обеих сторон пролива¹⁰⁷.

Вышеперечисленные работы были ярким примером сатирической беллетристики конца XIX- начала XX вв. В этих романах Первую мировую войну ожидали, но все-таки отказывались верить в её возможность, поэтому и искали различные уловки для осмеяния потенциального конфликта. Авторы не могли сойтись в едином мнении, хотя это и не было обязательным: кто развяжет войну, и кто на чьей стороне будет выступать. Британия против всей Европы, или только против Германии, а может главным врагом станет Франция? Активная роль в подобных сатирических романах отводилась шпионам. Именно они могли добыть нужную информацию для своего правительства и стать главными героями своей страны. Однако существовал

¹⁰⁵ Clarke I. Great War... P. 313-23.

¹⁰⁶ Heath Robinson The Sketch. L., 1910.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wired.co.uk/news/archive/2013-07/29/heath-robinson-deserves-a-museum> (дата обращения 15.07.2015).

¹⁰⁷ Clarke I. Great war... P. 296-313.

целый ряд авторов, которые не отрицали возможной трагедии с разрушительными последствиями для европейского континента. Ряд писателей и публицистов не отрицали, что война на континенте возможна. В их книгах мы можем увидеть, какой катастрофичной она могла бы быть.

Известный английский писатель Герберт Уэллс в романе «Война в воздухе»¹⁰⁸ (1908 г.), изображает апокалипсис, в результате которого европейская цивилизация будет уничтожена: «Они говорили о бомбардировках, о беспощадных убийствах, о жестокостях и об ответных жестокостях, о том, как обезумевшие от расовой ненависти люди расправлялись с безобидными азиатами, о гигантских пожарах и разрушенных городах, железнодорожных узлах и мостах, о населении, бегущем, куда глаза глядят, и скрывающемся в лесах»¹⁰⁹.

Среди немцев также были писатели-пророки, ожидавшие войны и пытавшиеся предугадать, какой она будет. В книге Фердинанда Гротоффа, редактора газеты «Leipziger Neuesten Nachrichten», «Крах Старого Света» (1906 г.) говорится, что незначительное столкновение между Великобританией и Германией по колониальному вопросу, такому, как Самоа, могло привести «к катастрофе и разрушению» и «уничтожению мирной цивилизации». Интересно, что в этом романе судьба мира больше не находится в руках двух военно-морских держав (Великобритании и Германии)¹¹⁰, на их место приходят Россия и США, а новыми мировыми столицами становятся Санкт-Петербург и Вашингтон, которые, по мнению автора, займут место Берлина и Лондона¹¹¹.

В том же духе Карл Бляйбтрой в книге «Наступательное вторжение против Англии» (1907 г.) предугадал, в конечном счете, мощный немецкий военно-морской удар по британским морским базам (аналогичный британскому

¹⁰⁸ Уэллс Г. Война в воздухе. М., 1964.

¹⁰⁹ Там же. С. 131.

¹¹⁰ Напомним, что к 1906 году Германия развернула программу активного строительства военно-морского флота.

¹¹¹ Clarke I. Great War, P. 202-25.

нападению, который беспокоил воображение немецких военно-морских планировщиков)¹¹². Несмотря на тяжелый урон, нанесенный британским войскам, немцы не смогли преодолеть рубежи британской обороны; в результате обе стороны ослабли. Таким образом, «каждая европейская война была выгодна только другим континентам мира... Морская война между британцами и немцами была бы началом конца – крахом Британской империи и европейского превосходства в Азии и Африке. Только длительный дружелюбный союз двух больших германских рас может спасти Европу», высказал свое мнение К. Бляйбтрой¹¹³. И Гротофф и К. Бляйбтрой завершают свои работы горячими призывами к европейскому единству.

Такой очевидный факт, как воссоздание картины возможной будущей войны многими авторами, позволяет предположить, что война могла произойти где-то во втором десятилетии двадцатого века. Почти никто из них точно не смог предугадать, на что будет похожа «Великая война» 1914-1918 гг.

По мнению английского исследователя С. Форстера, одним из таких писателей был Фридрих Энгельс, предсказавший в 1887 мировую войну, говоря, что она будет кровавой и жестокой, нежели все военные конфликты до нее: «Крах старых государств и их традиционной мудрости... абсолютная невозможность предвидеть, чем все это закончится, и кто будет победителем в этой борьбе. Только один результат абсолютно бесспорен: общее истощение и создание обстоятельств для заключительной победы рабочего класса»¹¹⁴.

Три года спустя, в 1890 году, в своем последнем выступлении в немецком рейхстаге Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке (Мольтке-старший), бывший

¹¹² Steinberg J. The Copenhagen complex// Journal of Contemporary History Vol. 1, No. 3, 1914 (Jul., 1966). P. 37. В 1801 г. в результате внезапного нападения лорд Нельсон уничтожил датский военно-морской флот в Копенгагенской гавани.

¹¹³ См.: Gannon C. Rumors of War and Infernal Machines: Technomilitary Agenda-Setting in American and British Speculative Fiction. Liverpool. 2003. P.59.

¹¹⁴ Forster S. Dreams and Nightmares: German Military Leadership and the Images of Future Warfare, 1871-1914. Cambridge, 1999. P. 4.

руководитель прусского Генерального штаба, подтверждая опасения Ф. Энгельса, говорил: «Война кабинетов уже позади; все, что мы имеем теперь, война людей... Господа, если война, которая висит над нашими головами уже более десяти лет как дамоклов меч, если вспыхнет эта война, то её продолжительность и её конец будут непредсказуемыми. Самые крупные державы Европы, вооруженные, как никогда раньше, начнут сражаться друг с другом; ни одна из них не будет полностью уничтожена в результате одной или двух кампаний. Не желая признавать свое поражение, они будут вынуждены заключить мир в тяжелых условиях, и не смогут вернуться даже год спустя, чтобы возобновить борьбу. Господа, это может быть семилетняя или тридцатилетняя война – и горе тому, кто первый подожжёт Европу, кто первый подожжёт фитиль в бочке с порохом».¹¹⁵

Правда эти работы не вызвали такого общественного резонанса и интереса в Англии или Германии остались незамеченными, в отличие от книги варшавского финансиста Ивана Станиславовича Блоха. В работе «Война теперь невозможна?» (1899 г.) И.С. Блоха был дан самый подробный и наиболее точный прогноз будущей войны. Он утверждал, что главная европейская война будет беспрецедентна в своем масштабе и разрушительном действии по трем причинам ¹¹⁶. Во-первых, военная техника изменила природу войны в том отношении, что она исключала быструю победу нападавшего. «День штыка прошел; кавалерийские атаки также устарели. Благодаря увеличенной скорости и точности ружейного огня, введению бездымного пороха, увеличению убойной силы пуль и повышенной дальноточности и мощности пушки, традиционный характер сражения изменился. Вместо рукопашного боя,

¹¹⁵ Forster S. Op. cit. P. 9.

¹¹⁶ Bloch I.S. Is War Now Impossible? Being An Abridgment Of The War Of The Future In Its Technical, Economic, And Political Relations. L., 1899.P. 36.Русское издание: Блох И.С. Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях». С.-Петербург. 1898. И Блох И.С. Будущая война в техническом, политическом и экономическом отношениях. I-V том. С.-Петербург. 1898.

солдаты предпочитали «просто упасть и умереть, ничего не видя и не слыша». Поэтому следующая «война... будет большой войной окопов»¹¹⁷. Согласно дотошным вычислениям И.С. Блоха, «Сто солдат в траншее скорее будут в состоянии уничтожить в четыре раза превосходящую их силу, чем попытаются пересечь зону огня в 300 ярдов шириной. Во-вторых, увеличение размера европейских армий означало, что любая война вовлечет в борьбу десять миллионов солдат, разбросанных по огромному фронту боевых действий. Таким образом, показатели смертности будут очень высокими, а следующая война будет долгой войной»,¹¹⁸ утверждал И.С. Блох. «В-третьих, в результате, экономический фактор станет доминирующим и решающим элементом в вопросе. Война будет означать дислокацию всей промышленности и разрыв со всеми поставщиками... будущее войны не сражения, а голод, не убийство людей, а банкротство стран и распад целой социальной организации».¹¹⁹ Как можно видеть, разрушение торговли затронет поставку продовольствия в те страны, которые не смогут себя обеспечивать; возникнут колоссальные финансовые трудности, нехватка рабочих рук и, в конце концов, социальная нестабильность.

Работа И.С. Блоха разительнo отличалась от того, о чем писали представители «алармистского» направления. Он был прав в том, что европейская война будет ужасной, но он немного ошибся, считая, что ключевыми, решающими факторами в её начале станут лишь экономика и социальная нестабильность европейских стран. Вывод, который он сделал, был, в конечном счете, слишком оптимистичным: «Война, во время которой великие народы вооружаются до зубов, толкает их со всеми ресурсами на борьбу за жизнь или смерть... война, которая каждый день становится все более невозможной... Война между Тройственным союзом и франко-российским

¹¹⁷ Ibid. P. 36.

¹¹⁸ Ibid. P. 37.

¹¹⁹ Ibid. P. 60.

союзом... стала абсолютно невозможной... Размеры современных вооружений и организация общества сделали ее начало экономически невозможным, и если бы была предпринята попытка продемонстрировать ошибочность моих утверждений, можно было бы протестировать их в большом масштабе, то мы неизбежно получили бы катастрофический результат, который разрушил бы все существующие политические организации. Таким образом, большая война не может быть начата, и нет возможности начать её, это привело бы к самоубийству»¹²⁰.

Все те, кто иногда представляли И.С. Блоха наивным идеалистом, получили достаточно четкий ответ: «Я не отрицаю, что европейские страны, возможно, погрузят себя и своих соседей в ужасную серию катастроф, которые, вероятно, приведут к уничтожению всей цивилизации...»¹²¹.

Работы писателей и публицистов конца XIX – начала XX вв. вызвали широкий общественный резонанс, в том числе и в правительстве Великобритании. Они ускорили реализацию решений власти о совершенствовании разведывательных служб. Такие писатели, как У. Ле Кё, сыграли чрезвычайно важную роль в создании современной британской разведывательной службы, а именно, «Бюро Секретной службы» МО (t) (позже МО 5 (g)), «Специальной Части Управления Военного министерства Военных операций и Разведки» (предшественник МИ5)¹²², во главе с полковником Джеймсом Эдмондсом (который позже стал автором британской официальной истории Западного Фронта) и капитаном Вреном Келлем (капитан «К»). Секретные службы Великобритании обратили внимание на множество работ писателей-фантастов и сами перешли к активным действиям в поиске и поимке шпионов. Таким образом, ранее казавшиеся нереальными романы публицистов

¹²⁰ Ibid. P. 10-11.

¹²¹ Ibid. P. 31.

¹²² Подробнее см.: French D. Spy Fever in Britain 1900-1915 // Central European History. Vol. 21., L., June 1978 P. 355-65.

дали толчок к развитию не только разведывательных учреждений, но и привлекли внимание правительства Великобритании к проблеме войны, хотя раньше беллетристика воспринималась правительством с огромной долей иронии.

Нельзя сказать, что тема шпионажа в литературе не была отражением реальности. У немецкого Адмиралтейства были агенты, работа которых заключалась в передаче сведений о Королевском флоте в Берлин. В период между августом 1911 года и началом войны, МО5(подразделение Генерального штаба армии в Военном министерстве в Лондоне, которое с началом войны стало отвечать за роль армии в цензуре и пропаганде) арестовало приблизительно десять человек, подозреваемых в шпионаже, шесть из которых получили тюремный срок¹²³. АгентыМО5 также определили круг из 22 шпионов, работающих на Густава Штайнхойра, руководителя немецких военно-морских разведывательных операций в Великобритании. Они были арестованы 4 августа 1914, хотя только один из них был фактически приговорен к наказанию¹²⁴. Как отмечал британский исследователь Кристофер Эндрю, говоря о деятельности капитана Вернона Келля, одного из руководителей разведывательной службы: «Его служба полностью победила немецкую угрозу, даже если это была «третьесортная» угроза».¹²⁵ По данным Николаса Хилля, в период между октябрём 1914 г. по сентябрь 1917 г. в Великобритании был арестован 31 предполагаемый немецкий шпион, из которых 19 были приговорены к смерти, и 10 заключены в тюрьму; и 354 иностранца « были рекомендованы к высылке»¹²⁶. Немецкая разведка создала сеть военных агентов, собирающих подобные доказательства, на границе западных и восточных областей, где будут развернуты немецкие войска в

¹²³ Andrew C. Op. cit. P.105-16.

¹²⁴ Ibid. P. 115.

¹²⁵ Ibid. 120.

¹²⁶ Hiley N. Op. cit. P. 28.

случае войны. Сведения оказались крайне важными для приведения в готовность немецкого правительства и армии к российской мобилизации в августе 1914¹²⁷.

Разведывательная деятельность Великобритании тоже была направлена против Берлина. В 1907 году Военное министерство проводило исследование областей в Бельгии под Шарлеруа, где британским Экспедиционным войскам, возможно, придется воевать в случае войны с Германией¹²⁸. В то же время, Дж. Эдмондс пытался организовать шпионскую сеть для МО5 в самой Германии. С 1910 г. командующий Мэнсфилд Смит-Камминг (отставной военно-морской чиновник) был официально шпионом МО5 за границей. Эта Иностранная Секция шпионажа была «эмбриональной сестрой» МО5 (позже МИ6)¹²⁹. В 1910-11 её агент Макс Шульц (натурализованный дилер судна Саутгемптона) и четыре немецких осведомителя были арестованы в Германии и заключены в тюрьму. К сожалению, документы Иностранной Секции остаются закрытыми, таким образом, трудно говорить, как хорошо была информирована Великобритания о немецком военном планировании. Фактически, большая часть разведывательной информации, собранной британскими агентами, касалась субмарин и дирижаблей (цеппелинов). Такой вывод можно сделать из анализа трудностей, с которыми столкнулись британские Экспедиционные войска, пытаясь найти врага в 1914 г.

Даже Эдуард VII высказывал озабоченность относительно немецких шпионов в 1908 г., своему кузену, Вильгельму II. Эдуард VII считал, что кайзер Вильгельм II мог «направить корпус или два десанта в Англию, провозгласив, что он пришел, не как враг Короля, а как внук Королевы Виктории, чтобы

¹²⁷ Trumpener U. War Premeditated? German Intelligence Operations in July 1914// Central European History. Vol.9. L., 1976.P. 58-85.

¹²⁸ Hiley N. Op. cit.P.29-31.

¹²⁹ Andrew C. Op. cit. P. 121.

освободить его от «социалистической бригады», которая разрушает страну».¹³⁰ Высшие должностные лица в британском Министерстве иностранных дел, разделили тот же самый страх: постоянный заместитель государственного секретаря сэр Чарльз Хардиндж, и сам министр иностранных дел, сэр Э. Грэй, признавали, что «немцы изучили и изучают вопрос вторжения»¹³¹.

Э. Грэй также не сомневался, что «большое число немецких чиновников проводит свой отпуск в Великобритании, в различных пунктах вдоль Восточного и Южного побережья... где они не могут быть ни по какой другой причине за исключением той, что они изучат наше побережье»¹³².

Определенные сомнения, о возможном шпионаже со стороны Германии существовали у премьер-министра Г. Асквита. В 1909 г. он потребовал изучить работы У. Ле Кё. Для чего была создана специальная подкомиссия Комитета Имперской Защиты, которой было поручено исследовать его работы и проверить правоту его утверждений об иностранном шпионаже. Работа подкомиссии проводилась в тайне¹³³. В отчете говорилось что «доказательства, которые были приведены, не оставили никаких сомнений у членов подкомиссии, что обширная система немецкого шпионажа существует в этой стране»¹³⁴. В действительности на территории страны не было никаких немецких вооруженных сил. В любом случае немецкие шпионы могли за небольшую плату получить нужную им информацию, приобретая карты в Государственном картографическом управлении и Адмиралтействе. Непосредственно в начале

¹³⁰ Ibid. P. 88.

¹³¹ Morris A. J. A. The Advocacy of War and Rearmament 1896-1914 // A Quarterly Journal Concerned with British Studies Vol. 17, No. 3 Autumn, 1985. P. 158.

¹³² Grey to Lascelles, 22 Feb. 1908. PRO FO 800/61. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения 14.05.2015).

¹³³ Organization of Secret Service: note prepared for DMO, 4 Oct. 1908. PRO KV 1/1 (Records of the Security Service). War Office note for Chief of the General Staff, 31 Dec. 1909. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения 14.05.2015).

¹³⁴ Memorandum on meeting for setting up secret service bureau, 26 Aug. 1909. PRO KV 1/3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения 14.05.2015).

войны на основе разведывательных данных было допрошено приблизительно 8000 подозрительных иностранцев, но скоро стало ясно, что никакой немецкой военной организации не существует¹³⁵. Однако в декабре 1914 года секретарь Комитета Имперской Защиты Морис Хэнки, предупреждал, что «25 тысяч здоровых немцев и австрийцев все еще находятся в Лондоне и способны к молниеносному выступлению»¹³⁶.

Таким образом, беллетристике удалось сформировать в умах британцев образы возможной войны, которая по количеству жертв и своему размаху будет превосходить все ранее известные столкновения. Более того, писатели-«паникеры» смогли показать явного и ранее неизвестного для Британии врага – Германию. Художественная литература открыла интересную тему – игру в войну. Действительно, можно утверждать, что британское правительство, общество и элита поверили писателям-публицистам насчет скорого приближения возможной войны. Беллетристам удалось создать картину возможных военных событий и их исхода, как для Великобритании, так и для Европы. Однако часть населения Великобритании вплоть до начала войны все-таки сомневалась в том, что столкновение между Германией и Великобританией возможно.

В общественном мнении и сознании английского населения беллетристикой усиленно создавался образ возможной угрозы со стороны Германии. С начала XX века соответствующую алармистскую атмосферу подхватила английская пресса. Особую роль в формировании образа «немца - гунна», врага и покорителя Европы сыграли средства массовой информации. Одновременно с бульварной беллетристикой активное участие в психологической обработки населения и подготовке его к возможному будущему конфликту приняли СМИ, и в первую очередь массовая печать – газеты.

¹³⁵ Hiley N. Introduction... P. 37.

¹³⁶ Ibidem.

§2. Военно-морское соперничество Великобритании и Германии и формирование общественного мнения в Великобритании

В начале XX века внешнеполитические приоритеты Великобритании повернулись в сторону Германии как одного из главных соперников на мировой арене. Не только промышленный рост пугал англичан. Более важным фактором была растущая немецкая военно-морская мощь. Этим фактом умело воспользовались представители средств массовой информации, которые начали внушать населению опасность, исходящую со стороны Германии.

Когда война стояла на пороге Европы в июле 1914 г., общественное мнение в Великобритании по поводу этой угрозы разделилось. Газета «The Times» призывала Британию вмешаться в войну, аргументируя это так: «Недостаточно подвести цивилизацию под наши стандарты жизни; мы должны бороться за них, или наши стандарты и наша цивилизация, в конечном счете, исчезнут. У мира нет большего врага, чем военная доктрина, на которой построено Австро-венгерское государство при поддержке Германии»¹³⁷. В ответ на статью «The Times» либеральная партия сочла необходимым заявить, что «еще не было кризиса в истории, в котором политическое мнение британцев было бы так же определенно настроено против войны как в этот момент»¹³⁸. «The Daily News», являющаяся либеральной газетой, выразила мнение в пользу нейтралитета в тот же день в статье «Почему мы не должны бороться», в которой редактор газеты «The Observer» А. Г. Гардинер сказал: «В течение многих лет преднамеренной пропаганды лорда Нортклиффа, г-н. Стрейчи, г-н. Мэйкса и других милитаристов эта страна проповедовала антигерманские настроения, не обращая внимания на факты. Где в большом мире наши интересы сталкиваются с Германией? Нигде. С Россией у нас есть

¹³⁷ The Times, 1 August 1914.

¹³⁸ Haste C. Op. cit. P. 5.

потенциальные конфликты во всей Юго-Восточной Европе и южной Азии»¹³⁹. Тем не менее, в течение четырех дней после подобных заявлений либеральное правительство объявила войну Германии, которую единодушно поддержала вся страна.

Антигерманская пропаганда должна была воздействовать впечатление на общественное мнение и вызвать соответствующую реакцию общества в течение четырех с половиной лет войны. Но семена антигерманской пропаганды были посеяны раньше влиятельными группами, которые все время поощряли антигерманские настроения. Эти группы, политические деятели и представители прессы помогали вести общественную агитацию, связанную с событиями на войне, в нужном русле, интерпретируя англо-германское противостояние. Их действия сформировали убежденность, что война будет неизбежным решением вопроса возрастающей международной конкуренции и будет способствовать созданию имиджа Германии как главной угрозы военно-морскому, коммерческому и дипломатическому лидирующему положению Британии в мире. Они также определили тематику военной пропаганды.

Несмотря на технические достижения, которые предрекали новые масштабы и невиданные потери и разрушения, чем когда-либо, война стала популярной темой, периодических изданий, романов, плакатов, песен и т.д. Война была значимой темой для Британии и британской массовой печати. Норман Анджелл (один из лидеров пацифистского движения) писал в 1908 г.: «Политики считают, что наблюдать за войной более привлекательно, чем смотреть футбол. Действительно наша пресса преподносит войну как интереснейший футбольный матч»¹⁴⁰.

Особую роль в начале XX века стали играть средства массовой информации. Это был «золотой век» газеты, рассчитанной на растущую прослойку образованного, политически активного населения. Наиболее ярким представителем

¹³⁹ Daily News, 1 August 1914.

¹⁴⁰ Norman Angell, *The Great illusion*. L., 1914. P. 44.

владельцев средств массовой информации был медиамагнат и восходящая звезда

Ф

Л

и

т

-

С Е

т

р

и

ж

т

«Daily Mail» создавала отрицательный имидж Германии как неизбежного враг

Б

р

ф С 1900 года антигерманская пропаганда все больше и больше
осредотачивала свое внимание на угрозе войны с Германией. Лорд Нортклифф

был тем человеком, который формировал чувство опасности, постоянно говоря

о приближающейся войне. У него было достаточно политических и

финансовых ресурсов, чтобы создать влиятельную пропагандистскую машину

Великобритании, что и произошло несколько лет спустя. Он владел самой

большой газетной империей на Флит-Стрит, основанной на успехе популярной

м

в

¹⁴¹ Альфред Хармсуорт (лорд Нортклифф) (15 июля 1865—14 августа 1922)—английский
бизнесмен и общественный деятель. Создатель первой британской массовой деловой газеты
«The Daily Mail» и владелец «The Times». Подробнее о Нортклиффе см.: Глава II §2 данной
диссертации.

Основанная в 1896 г., имела успех благодаря низкой цене и содержанию, понятному и интересному
простому обывателю.

¹⁴³ Taylor A.J.P. English History 1914-1945. L., 1970. P. 55.

¹⁴⁴ The Daily Mail, 24 September 1897.

¹⁴¹
и

получивший титул барона Нортклиффа и известный как непреклонный

германофоб. В отличие от других изданий, в целом придерживающихся линии той

или иной партии, газеты его империи, прежде всего, «The Daily Mail»¹⁴² и «The

у

б

Times». «The Daily Mail», основанная в 1896 г., приобрела самый большой тираж быстрее, чем любая газета до этого¹⁴⁵.

В 1900 г. лорд Нортклифф писал Р.Д. Blumenfeldу, редактору консервативной газеты «The Daily Express»: «Моя собственная точка зрения такова, что немцы собрались определенно и безвозвратно вести войну с остальной частью Европы, и мы должны будем принять в ней участие»¹⁴⁶.

Кампания по укреплению британских интересов сконцентрировалась на критике организации армии и военно-морского флота. Состояние военно-морского флота, от которого в Великобритании традиционно зависела защита ее интересов, порождало самые большие споры. Тем не менее, в начале века внимание пропаганды сосредоточилось, прежде всего, на том, что, как полагали, находилось в более опасном положении – армии.

В 1901 г. в королевстве начал действовать «Союз за всеобщую воинскую повинность» или «Лига национальной службы». Его деятельность началась с публикации работы Джорджа Ши «Первая Обязанность британца – Причина Воинской повинности». Ши спорил с постдарвинистскими принципами, к тому времени твердо внедренными в сознание большинства европейских стран, и с принципами воинственного империализма, чтобы защитить общество в начале «борьбы за существование», таким образом, необходимо призывать каждого гражданина в вооруженные силы, чтобы оберегать промышленность от агрессии ревнивых конкурентов в новой «борьбе за существование» - борьбе за рынки¹⁴⁷.

Глава этого союза фельдмаршал лорд Робертс, утверждал, что вторжение в Британию регулярных армий России или Франции неизбежно. Кроме того, военная подготовка необходима для страны – преимущества настолько

¹⁴⁵ Её стиль был понятен обыкновенному человеку, политические сложности отредактированы «в версию, пригодную для чтения», что создавало идеальную среду для пропаганды.

¹⁴⁶ Pound and R. Geoffrey Harmsworth's, Northcliffe. L., 1959. P. 252.

¹⁴⁷ Boulton D. Objection overruled. L., 1967. P. 66.

большие «с физической, нравственной, интеллектуальной и образовательной точки зрения, что можно перефразировать знаменитое высказывание, гласящее, что если бы необходимость в ней (всеобщей воинской повинности) не существовала, то самой высокой мудростью было бы ее изобрести»¹⁴⁸.

На фоне существующей либеральной точки зрения, что свобода от воинской повинности, как считалось в то время, была одной из древних привилегий британской расы, большинство либералов, все члены лейбористской партии и некоторые консерваторы полагали, что обязательная воинская повинность, за которую выступал Робертс и его союз, будет высшим безумством и это свяжет страну цепями милитаризма.

Немногие согласились с мнением Джорджа Ши. Большинство либералов, все члены лейбористской партии и некоторые консерваторы полагали, что это было высшим безумством и это свяжет страну цепями милитаризма. «Союз за всеобщую воинскую повинность» начал кампанию по убеждению населения в преимуществах воинской повинности, оказывая давление на депутатов парламента и предавая огласке свои взгляды на общественных встречах и в брошюрах, листовках и своем ежемесячном журнале «National Service League», позже «A Nation in Arms». Хотя эти усилия внесли совсем небольшой вклад в дело достижения главной цели – принятия воинской повинности, они действительно помогли сформировать представление о том, что война с Германией становилась все более и более неизбежной, а также создали имидж Германии как агрессивной, амбициозной и зверской страны.

Поддерживая Робертса, лорд Нортклифф начал кампанию за воинскую повинность в газете «The Daily Mail» в 1907 г. Это был финальный этап другой кампании «The Daily Mail» – публикации в предыдущем году «паникерского» рассказа У. Ле Кё «Вторжение 1910». Рассказ представлял собой графический чертеж немецкого вторжения, который был создан в мельчайших деталях при

¹⁴⁸ Ibid. P. 68.

участии лорда Робертса и военно-морского эксперта «The Daily Mail» Х. В. Уилсона. Публикация решала ряд задач. Во-первых, удалось показать, к каким ужасным методам прибегнет Германия в случае войны. Во-вторых, она продолжила легенду о вездесущем немецком шпионе. У. Ле Кё утверждал, что вторжение стало возможным благодаря существованию в Великобритании немецкой гражданской армии, состоящей из мужчин, которые, служа в немецкой армии, приехали в Англию и получили работу официантов, клерков, пекарей, парикмахеров и частных слуг, оставшись верными присяге своему отечеству (Германии), и находились в Британии в качестве шпионов. Шпионские истории были беспроигрышным вариантом: наличие конкретного внешнего врага, который может стать внутренним, игра на патриотических чувствах британцев, связанных с положением их страны на международной арене, колониями и флотом. Покушение на британские святыни - морское, торговое и колониальное доминирование в мире — воспринималось очень болезненно представителями любого социального класса.

Рассказ имел успех. Книга была продана более чем миллионным тиражом и переведена на двадцать семь языков, в том числе и на немецкий язык. Рекламируя книгу, люди одетые подобно немецким солдатам шествовали по улицам Лондона. «Длинная процессия ветеранов в зубчатых шлемах и прусской униформе была описана свидетелем как «сокрушительное предзнаменование»¹⁴⁹. Это шествие привело к тому, что парламент, озабоченный распространением «паникерства» и антигерманских настроений, стал обсуждать эти проблемы. Как бы то ни было, но рекламный ход оказался популярным. Эту тему продолжили использовать и в войну, так как она стала плодотворной темой пропагандистской кампании, которая идентифицировала

⁸⁸ Clarke I. Great... P. 145.

всех иностранцев как шпионов и предателей, сделав их «козлами отпущения»¹⁵⁰.

В начале XX в. В Великобритании были проведены реформы, получившие название «реформ Холдена» по имени военного министра Р. Холдена, занимавшего этот пост при либералах в 1905 - 1912 гг. Сущность этих преобразований заключалась в том, что была учреждена Генеральная ставка; экспедиционный корпус был переориентирован на службу на континенте, и большое внимание было уделено подготовке «территориалов». Либеральные армейские реформы Р. Холдена, не включившие воинскую повинность, вызвали насмешки со стороны лорда Робертса и его союза, а также его сторонников в журналах тори, особенно «The Morning Post», «The Daily Express», «The Leader» и «The National Review». Лорд Робертс постоянно поднимал эту тему, чтобы поддержать на высоком уровне пропаганду воинской повинности. В 1911 г. он убеждал Блуменфилда, главного редактора «The Daily Express» «не упустить... вопрос нашей неподготовленности»¹⁵¹. Теперь «настало время, когда люди должны увидеть слабость нашей армии и континентальной армии, чтобы почувствовать, что они бесполезны, пока континентальная армия не попала под систему обязательной военной подготовки»¹⁵².

В 1912 году лорд Робертс произнес речь в Манчестере, в которой он обвинил либеральную партию в бездействии, способствующем продолжению ухудшения отношений между Англией и Германией. Лорд Робертс утверждал, что воинская повинность была «единственным спасением этой страны и этой Империи. Германия как в 1866 г., и как в 1870 г., начнет войну в тот момент, когда немецкие войска на суше и на море будут иметь превосходство и будут

¹⁵⁰ Haste C. Op. cit. P.10

¹⁵¹ 16 December 1911, Blumenfield papers // Koss S. Lord Holdane: Scapegoat for Liberalism. L., 1969. P. 105.

¹⁵² 22 September 1912 Blumenfield papers // Koss S. Op. cit. P. 106.

уверены в победе... Германия ударит, когда час Германии пробьёт! (Манчестер, 22 октября 1912 г.)»¹⁵³.

Реакция либералов на это заявление была резкой. Редакция «The Manchester Guardian» выразила свое отвращение по поводу «инсинуации о том, что взгляды немецкого правительства на внешнюю политику более циничны, чем взгляды других правительств», в то время как газета «The Daily News» использовала возможность укорить союз лорда Робертса за попытку «настроить одну нацию против другой. То, что хочет союз является не защитой, вторжением на немецкую территорию, то есть войной»¹⁵⁴.

Число консервативных сторонников лорда Робертса в парламенте постоянно увеличивалось, вплоть до начала войны. Однако воинская повинность не была введена до 1916 г. Когда война продолжилась и после Рождества 1914 г. (а многие полагали, что она к этому времени уже закончится), и победа была слишком далека, довоенная кампания лорда Робертса пережила второе рождение. Она заложила основу для кампании за всеобщую воинскую повинность 1915 г.¹⁵⁵. Уже в годы войны консерваторы нашли «козла отпущения» в виде лорда Р. Холдена, чьи реформы, по их мнению, не дали возможность осуществить быструю победу в войне. В чем-то они были правы, даже после этих реформ, к началу 1914 года, британская армия располагала менее чем 250.000 регулярных войск, разбросанных по всему земному шару, приблизительно 200.000 резервистами и 63.000 солдат территориальных войск¹⁵⁶.

До определенного времени британская пропаганда в средствах массовой информации носила в достаточно «легкий» характер, но когда Германия стала копировать английскую политику в отношении её военно-морского флота,

¹⁵³ См.: Haste C. Op. cit. P.18.

¹⁵⁴ Daily News, November 1912.

¹⁵⁵ Haste C. Op. cit. P.20.

¹⁵⁶ Marwick A. The Deluge. British Society and the First World War. L., 1994, P.55

агитация стала более активной. В средствах массовой информации развернулась дискуссия о необходимости предупреждающих мер против Германии. Так, в книге У. Ле Кё «Вторжение 1910» довольно откровенно пропагандировалась система «национальной службы», предусматривавшая всеобщую воинскую подготовку. Автором этой схемы явился лорд Роберте, бывший главнокомандующий, который собственно и был инициатором идеи данного произведения. Шпионские романы в завуалированной форме доказывали необходимость ужесточения иммиграционных законов, фактически приравнивая иностранцев к шпионам, и в немалой степени способствовали созданию разветвленной системы «Интеллидженс сервис»¹⁵⁷.

С конца XIX века активные споры велись и по морскому вопросу. Немецкие морские Законы 1898 и 1900 гг., которые способствовали усилению немецкой военно-морской мощи, были увидены в Великобритании, особенно теми, кто боялся, что немецкая программа «в целом нарушит существующий баланс военно-морской власти». Этот процесс позволил ускорить выполнение плана по увеличению военно-морской эффективности, а с 1904 г. Адмиралтейство начало концентрировать флот в северных водах. Согласно «двойному стандарту», Великобритания настояла на сдерживающем превосходстве над своими самыми близкими конкурентами на 10 процентов.

Проведение этих законов происходило в условиях давления со стороны прессы на английское правительство и адмиралтейство, и какое большое значение она оказала на развитие английского флота в начале XX века. В контексте этих представлений о флоте становятся понятными задачи и значение германской программы строительства флота, разработанной А. Тирпицем, занимавшим с 1897 года пост морского министра адмиралом¹⁵⁸. А. Тирпиц

¹⁵⁷ Ferguson N. Op. cit. P. 11 -12

¹⁵⁸ The Tirpitz Memorandum of June 1897. / In: Steinberg J. Yesterday's Deterrent: Tirpitz and the Birth of the German Battie Fleet. L., 1965. P. 208-223. Большинство исследователей, в том числе и немецких, придерживаются точки зрения об агрессивной направленности

связывал развитие флота с отстаиванием экономических и политических позиций Германии в мире. Позднее в воспоминаниях адмирал отмечал, что «отказ от строительства флота был равносителен добровольному отречению от заграничных интересов, ограничению торговли и промышленности»¹⁵⁹. В соответствии со своими взглядами на факторы, определяющие положение государства в системе международных отношений и позволяющие ему извлекать наибольшие выгоды из сложившихся условий, А. Тирпиц считал Великобританию наиболее опасным противником для Германии. Более того, Великобритания была таким противником, на поведение которого невозможно было оказывать существенное воздействие. Рычагом такого воздействия, по мнению А. Тирпица, мог стать только мощный линейный флот¹⁶⁰. При этом А. Тирпиц отнюдь не стремился к войне с Великобританией. Флот рассматривался им скорее как инструмент давления, чем как орудие войны против Великобритании.

Плана А. Тирпица состоял в том, при помощи морского флота способствовать изменению расстановки сил в Европе и мире в пользу Германии. Наличие первоклассного военно-морского флота существенно повысило бы ценность Германии как союзника, и она смогла бы занять центральное место в европейской политике, играя на противоречиях между другими державами, прежде всего Великобританией и Россией¹⁶¹.

Германский морской министр осознавал, что создание флота является делом целого поколения и поэтому его программа была нацелена на

германской программы. См., например, Berghahn V. Der Tirpitz-Plan: Genesis und Verfall einer innenpolitischen Kriesenstrategie unter Wilhelm II. Duesseldorf, 1971; Туполев Б.М. Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы. //Новая и новейшая история, 1982. №3-4.

¹⁵⁹ Тирпиц А. фон. Воспоминания. М., 1957. С. 106.

¹⁶⁰ The Tirpitz Memorandum of June 1897... P. 219.

¹⁶¹ Цит. по: Романова Е.В. Англо-германский конфликт и пути его регулирования, 1907-1914 гг. дис.....канд. исторических наук . М., 2000. С. 43.

долгосрочную перспективу¹⁶². Первым шагом в цепи осуществленных по инициативе А. Тирпица мероприятий стало принятие 26 марта 1898 года первого морского закона. Программой планировалось создание 19 эскадренных броненосцев, 8 броненосцев береговой обороны, 12 крупных и 30 малых крейсеров 1905 году¹⁶³. Особенностью этого закона стало утверждение плана постройки кораблей и ассигнования средств на нее на определенный период. Таким образом, он на несколько лет выводил вопрос о морском строительстве из ведения Рейхстага. Согласно второму морскому закону, принятому в 1900 году в атмосфере англо-бурской войны и проводимой в связи с ней антианглийской пропагандой, германский флот должен был насчитывать к 1920 году 38 эскадренными броненосцами, 14 крупными и 38 малыми крейсерами¹⁶⁴.

Приняв программу строительства флота, Германия приступила к ее активному выполнению. Как отмечает отечественный исследователь Д.В. Лихарев, характеризуя реализацию германской программы в период до 1906 г., «ни одна страна мира, ни до, ни после этого не демонстрировала таких темпов прироста военного флота»¹⁶⁵.

А. Тирпиц прекрасно отдавал себе отчет о грозящей опасности. Гросс-адмирал вполне допускал возможность превентивного удара со стороны британских военно-морских сил с тем, чтобы без объявления войны уничтожить еще недостаточно сильный германский флот. А. Тирпицу, как и многим его современникам, принадлежавшим к поколению европейцев, воспитанных на идеях социал-дарвинизма, мысль о превентивном ударе вовсе

¹⁶² Tirpitz A. von Politische Dokumente. Bd. 1. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart, Berlin, 1924. S.7.

¹⁶³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislaturperiode. V. Session. 1897/1898 Anlageband III. S.1774-75.

¹⁶⁴ Marder A. J. From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904 - 1919. Vol. 1.L., 1961.P. 106.

¹⁶⁵ Лихарев Д.В. Гонка морских вооружений как причина и следствие великой войны // Первая Мировая война. Пролог XX века. / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 540.

не казалась чем-то диким или несовместимым с моральными нормами цивилизованного общества¹⁶⁶.

Если программа 1898 г. не вызвала озабоченности в британских военных и политических кругах, то проводимая в последующие два года в Германии активная пропаганда идей «большого флота», и в особенности закон 1900 г., в преамбуле которого провозглашалось, что Германии «не нужен мир любой ценой, а лишь почетный мир» и что «сила германского флота должна быть такова, чтобы превосходство даже самой мощной морской державы было поставлено под сомнение в случае ее войны с Германией»¹⁶⁷, указывали на антианглийскую направленность германских планов. В 1901-02 гг. Первый лорд Адмиралтейства Сэлборн неоднократно подчеркивает этот факт¹⁶⁸.

Д. Фишер, назначенный в октябре 1904 г. на пост Первого морского лорда, был вынужден во многом пересмотреть традиционно сложившиеся убеждения в неколебимости позиций британского флота.

С целью обеспечения боеготовности британского флота Фишер разрабатывает комплекс реформ, в который вошли:

1. реформа системы подготовки и обучения морских офицеров;
2. сокращение численности корабельного состава флота за счет отправки на слом устаревших кораблей;
3. введение системы неполных экипажей на кораблях резерва с целью поддержания их боеготовности;
4. передислокация основных сил флота и сосредоточение их в водах метрополии;
5. разработка и строительство нового типа линейного корабля¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора Британского флота. Издательство Дальневосточного университета. Владивосток, 1993.С. 82.

¹⁶⁷ Цит. по: Brassey's Naval Annual. L., 1913.P. 154.

¹⁶⁸ Marder A.J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era, 1880-1905. N.Y., 1940.P. 107.

¹⁶⁹ The Papers of Admiral Sir John Fisher.Ed.by P.K. Kemp. L., 1960.Vol.I, P.198.

Но самое важное событие произошло в 1905 г. при адмирале сэре Джоне Фишере: началось строительство «неустрасимого» Дредноута. Одним из ключевых моментов в развитии англо-германского соперничества и вызванной им гонки морских вооружений стала закладка в Англии в 1905 году нового типа линейного корабля, названного «Дредноут». Впоследствии это название дало имя новому классу кораблей. Он настолько превосходил прежние корабли по таким параметрам как мощь артиллерии и скорость хода, что своими качественными характеристиками значительно понизил их значимость и стоимость¹⁷⁰. Появление дредноутов дало Великобритании качественное, а также количественное превосходство над конкурентам, так как британские линкоры уже устарели.

Получив большинство на выборах 1906 года, либеральная партия выдвинула требование о сокращении расходов на вооружение. Однако в 1906-1907 гг., когда британское правительство уменьшило военно-морские расходы, немцы их увеличили. В январе 1908 г. Был принят новый немецкий военно-морской закон, ускоривший дальнейшее расширение и развитие немецкой программы строительства дредноута¹⁷¹, что дало новый импульс гонки вооружений по всей Европе.

С 1906 г. началась планомерная кампания критики всей политики Адмиралтейства, возглавляемого Фишером, начиная от новой системы подготовки морских офицеров и заканчивая строительством дредноутов. На флоте сформировалась группа оппозиционно настроенных офицеров, получившая название «синдикат недовольных». С их стороны все настойчивее раздавались требования создать правительственную комиссию по

¹⁷⁰ Тактико-технические характеристики «Дредноута» см.: Виноградов С.Е. Линейный корабль «Дредноут»./Морская коллекция, 1996. №6.; Шершов А.П. История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней. СПб, 1994. С. 144.

¹⁷¹ Haste C. Op. cit.P.13.

расследованию положения дел в Адмиралтействе и непродуманной политики адмирала Д. Фишера¹⁷².

Разгорающимися страстями поспешили воспользоваться политики, находящиеся в оппозиции консервативной партии. Консервативная пресса приложила большие усилия по дискредитации Д. Фишера и его «команды», рассматривая это как часть «кампании, направленной против правящего либерального кабинета в целом. В периодических органах, традиционно считавшихся выразителями взглядов тори – «The Neshenel Review», «The Blackwoods magazine», «The Daily Mail», «The Globe», «The Morning Post» and «The Standard» – можно было довольно часто встретить публикации с выпадами против первого морского лорда¹⁷³.

Немецкая программа, сигнализирувавшая о новом периоде деятельности, вызывала опасения главным образом консерваторов, которые боялись, что Великобритания постепенно теряет своё военно-морское лидерство. Консерваторы, и особенно лорд Нортклифф, который возглавил «паникерскую школу»¹⁷⁴ в прессе, использовали факты морской гонки, чтобы выдвинуть на первый план угрозу Великобритании со стороны Германии. На вопрос «Почему Германия расширила свой военно-морской флот?» «The Daily Mail» уже давала простой ответ в апреле 1907 г.: «Все красивые слова в мире не смогут замаскировать того факта, что военно-морская гонка между Англией и Германией возрастает, и что Германия строит большой флот для того, чтобы сразиться с британским флотом в море. По мнению лорда Нортклиффа, все это было частью подготовки Германии к войне с Великобританией и установление

¹⁷² Naval and Military Record.6. II. 1906.

¹⁷³ Лихарев Д.В. Эра... С. 228.

¹⁷⁴ В данном случае подразумевается определённое направление в прессе, которое выставляла напоказ непроверенную, алармистскую информацию.

возможной немецкой экспансии в Европе¹⁷⁵. В этом заявлении была какая-то истина, хотя оно и упрощало реальное положение вещей.

В 1897 г. Адмирал Альфредом фон Тирпиц представил на рассмотрение секретный меморандум об увеличении военно-морского флота Германии. Он утверждал, что в настоящее время самый опасный военно-морской враг для Германии – Англия. Основной целью Германии на тот момент была имперская и торговая экспансия. И это неизбежно привело к спорам, в первую очередь, с Великобританией. Военно-морской флот Германии имел определённые претензии на мировое господство. Он был также политическим инструментом и рычагом, который будет использоваться против Великобритании. «Германия, – верил А. Тирпиц, – не может ожидать честной игры от Великобритании, главная сила немецкого расширения – это военно-морской флот Германии, который может соответствовать британскому. Только при помощи баланса военно-морской мощи Германия сможет отстаивать свои права на расширение территорий»¹⁷⁶. Еще в 1900 г. А. Тирпиц объявил, что немецкий военно-морской флот должен решить наиболее трудную задачу, а именно, «военно-морское сражение с Великобританией в Северном море». «Наш флот, – утверждал канцлер Германии фон Бюлов, – должен быть построен с учетом английской военно-морской политики»¹⁷⁷. Аргументы в пользу великого флота были поддержаны немецкими националистами, пангерманской и морской лигами и всеми теми, кто согласился с речью фон Бюлова, смысл которой состоял в том, что Германия должна быть «молотком или наковальней» в мировой политике. «Если Германия не будет владеть сильным флотом, то к концу двадцатого века она останется без колоний, а без колониального

¹⁷⁵ Daily Mail, 24 April 1907.

¹⁷⁶ Berghahn V.R. German and the Approach of War in 1914. St. Martin's Press, L., 1993. P. 28.

¹⁷⁷ Martin L.W. «The navy race begins», Purnell History of the 20 century. No. 7, L., 2001. P. 172.

имущества она задохнется на своей небольшой территории или будет уничтожена большими мировыми державами»¹⁷⁸.

Многочисленный военно-морского флот давал возможность кайзеру Германии Вильгельму II укрепить свою власть, «чтобы вернуть патриотизм классов и наполнить их снова лояльностью и любовью к Императору и Рейху»¹⁷⁹. Другими словами, чтобы объединить правые силы против возрастающего влияния социал-демократии. В 1900 г. он заявил: «Я непоколебимо выполняю задачу реорганизации Моего военно-морского флота так, чтобы он соответствовал международному уровню, и чтобы он смог завоевать для немецкого Рейха то место, которое он заслуживает»¹⁸⁰.

Выступление кайзера о немецких амбициях и стремлениях только возмутила лидеров общественного мнения в Великобритании, которые были убеждены в угрозе войны с Германией. Желание кайзера быть «Адмиралом Атлантики», прозвучавшее в 1904 году, укрепило идею «о месте Германии под солнцем». Всем было совершенно ясно, что обе эти цели могли быть достигнуты только за счет победоносной войны над Великобританией. Марокканский кризис 1905 года, когда Германия бросила прямой вызов союзнику Британии - Франции, был воспринят как предвестник будущей германской колониальной тактики, и интерпретировался как откровенное «бряцание оружием».

Опираясь на информацию от своих корреспондентов в Европе, Лорд Нортклифф ясно видел угрозу для Великобритании и предупреждал страну об опасности. Его самым влиятельным союзником стал новый редактор газеты «The Observer» Дж. Л. Гарвин¹⁸¹. Публикуясь под псевдонимом «Calchas» в

¹⁷⁸ Berghahn V.R. Op. cit. P. 29.

¹⁷⁹ Ibid. P. 31.

¹⁸⁰ Ibid. P. 44.

¹⁸¹ Джеймс Льюис Гарвин (12 апреля 1868 – 23 января 1947) был влиятельным британским журналистом, редактором и автором многочисленных статей. Гарвин сблизился с медиамагнатом лордом Нортклиффом. Он отклонил финансово выгодное предложение

«The Daily Telegraph», он разгневал кайзера Вильгельма II своими «враждебными статьями» о Германии, которые, по мнению кайзера, представляли собой «самую неслыханную и бесстыдную. Ложь, направленную против Германии, и клевету против меня»¹⁸².

Высказывания Д. Гарвина играли на руку консервативной партии, которая к 1908 г. находилась в упадке. Консерваторы стали выдвигать на первый план опасения по поводу состояния военно-морского флота Британии, что способствовало объединению партии (после «тарифной реформы»), а также стало способом «атаки» на либералов¹⁸³.

Когда в 1908 г. Д. Гарвин стал редактором газеты «The Observer», он пообещал лорду Нортклиффу, что увеличит тираж и станет частью его газетной империи, обладавшей реальным влиянием в обществе. Дебаты в парламенте по вопросу о военно-морском флоте в 1908 г., предоставили Д. Гарвину возможность поднять в прессе важную проблему, связанную с флотом.

Дружеские отношения Д. Гарвина с адмиралом «Джекки» Фишером были настолько близкими, что адмирал регулярно предоставлял ему строго секретные документы адмиралтейства. Это не было изменой со стороны Д. Фишера, так как утечку информации никто не отменял, а найти виноватого в таком случае было предельно сложно. Схема со случайной «утечкой» была выгодна как Д. Фишеру, так и Д. Гарвину. Д. Фишер находился в политической изоляции не только со стороны либералов, которые ратовали за сокращение расходов на вооружение, но также и группы адмиралтейства во главе с лордом Бересфордом, который выступал против программы строительства дредноутов, предложенной Д. Фишером.

писать для ведущей газеты лорда Нортклиффа, «The Daily Mail», но в 1908 г. Гарвин согласился принять должность редактора исторической воскресной газеты «The Observer».

¹⁸² Gollin A.M. 'The Observer' and J.L. Garvin, 1908-1914: A study in a great editorship. Oxford University Press. 1960. P 19.

¹⁸³ Haste C. Op. cit. P.15.

Получив от Д. Фишера подробную информацию о спорах по поводу морской программы, прежде чем они были рассмотрены в правительстве, 2 февраля 1908 года Д. Гарвин написал большую статью под названием «Военно-морской флот и страна, адмиралтейство и немецкая угроза». Эта статья, во-первых, предупреждала немцев об опасности военно-морской гонки, и во-вторых, полностью поддерживала проект Д. Фишера, приводя доводы в пользу продолжения программы по строительству дредноутов. Правительство и адмиралтейство высказали свое негодование по поводу этой публикации, но статья Д. Гарвина уже принесла результат. Она поставила перед страной главный вопрос о внутренней угрозе военно-морскому флоту (со стороны адмиралтейства и правительства) и о внешней угрозе, исходящей из Германии¹⁸⁴.

Реакция либералов не заставила себя долго ждать. В марте 1908 г. представитель либералов, промышленник сэр Джон Браннер обвинил газеты лорда Нортклиффа и «The Observer» Д. Гарвина в «разжигании» англо-немецких споров исключительно для получения прибыли. Он утверждал: «Значительная часть нашей прессы в течение многих лет нападает на Германию. У нас слишком много газет и цель их соревнования состоит в том, чтобы быть ежедневно замеченными, и не важно, какими недостойными способами это осуществляется... Они живут сенсациями и волнениями общества: чем больше сенсаций, тем больше прибыли они получают; это люди, которые должны возместить наши убытки... Я возражаю против торговли правительственными сенсациями...»¹⁸⁵. А лорда Нортклиффа обвинили не только в том, что он политический разбойник, торгующий сенсациями, но и «враг рода человеческого».

Однако, несмотря на эти заявления, статья Д. Гарвина пользовалась бешеной популярностью у населения Великобритании. «The Daily Mail»

¹⁸⁴ Gollin A.M. Op. cit. P. 16.

¹⁸⁵ Parliamentary Debates, vol. 185, cols 366-9, 2 March 1908 // Gollin A.M. Op. cit. P. 147.

последовательно поддерживала «The Observer». В 1909 г. Д. Гарвин сообщил лорду Нортклиффу: «Точные данные ясно показывают, что наша военно-морская кампания увеличила тираж газет на три пятых с января 1908 г.»¹⁸⁶. Агитация проводимая печатью в связи со строительством дредноутов, дала результаты в марте 1909 г.

Высокая скорость строительства немецкого флота побудила адмиралтейство уже в 1909 году требовать построить шесть новых дредноутов, чтобы сохранить британское превосходство. Мнение правительства на этот счет разделились. Р. Маккенна, первый лорд Адмиралтейства, либерал, был против радикальной группировки, во главе которой стояли У. Черчилль и Д. Ллойд Джордж, выступающие за сокращение расходов на вооружение и увеличение программы социальных реформ.

Инициативы Адмиралтейства конца 1908 г., направленные на увеличение количества планируемых к постройке в 1909-10гг. судов до шести (предложение Р. Маккенны) или восьми (предложение морских лордов), вызвали оживленные дискуссии в правительстве. Против предложений Адмиралтейства выступили У. Черчилль, Д. Ллойд Джордж, Д. Морли и Дж. Бернс. Д. Ллойд Джордж писал У. Черчиллю в январе 1909 года: «Адмиралы добывают ложную информацию, чтобы испугать нас»¹⁸⁷. В обращении к Г. Асквиту канцлер казначейства напомнил о предвыборных обещаниях либералов, указывал на то, что принятие плана Адмиралтейства ставит под вопрос проведение социальных реформ и сулит либералам катастрофу¹⁸⁸.

Споры начались во время парламентских дебатов, когда Р. Маккенна признал, что правительство недооценило скорость немецкого военно-морского строительства. Возмущение выразила оппозиция, которая считала, что это только повод, чтобы насолить либералам и указать на их несостоятельность.

¹⁸⁶ Northcliffe papers, Garvin to Northcliffe, 14 July 1909 // Gollin A.M. Op. cit. P. 148.

¹⁸⁷ Цит. по: Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж М., 1970. С. 103

¹⁸⁸ Виноградов К.Б. Указ. соч. С. 76.

Для консерваторов и лорда Нортклиффа это была возможность снова напомнить о немецкой угрозе. Конфликт возобновился с новой силой, когда адмиралтейство потребовало восемь новых кораблей¹⁸⁹.

21 марта 1909 г. Д. Гарвин поднимает эту проблему. Он призвал своих читателей «настаивать на восьми кораблях, целых восьми и ничего более, кроме восьми, а за ними последуют другие, и вместе мы сможем сломать любого человека или фракцию, которая стоит у нас на пути»¹⁹⁰. «The Daily Mail» от 17 марта 1909 г. заявила: «Для Англии нет ничего важнее морского превосходства... Наше морское превосходство находится в опасности»¹⁹¹. Эти заявления разожгли споры в Парламенте с новой силой. Лозунг «Мы хотим восемь, и Мы не будем ждать» стал призывом к сплочению нации.

Идея создания кораблей была рассмотрена парламентским военно-морским комитетом под председательством сэра Эдварда Теннанта, и морской Лигой. За стенами парламента военно-морская лига, Лондонская торговая палата, военно-морской и военный комитет города Лондона под председательством лорда Робертса в течение недели проводили встречи с населением и некоторыми членами парламента, чтобы оказать давление на проект «Восьми». 22 марта Морская Лига объявила о проведении встреч по всей стране, чтобы подчеркнуть важность большой программы судостроения и призвать правительство принять все возможные меры для обеспечения безопасности страны.

Тем не менее, либералы стояли на своём, их взгляды выразил сэр Джон Браннер: «С учетом наших устоявшихся и продолжительных дружественных отношений с иностранными державами, и в настоящее время бремени расходов на вооружение, любое увеличение военно-морской сметы нецелесообразно»¹⁹².

¹⁸⁹ Haste C. Op. cit. P. 16.

¹⁹⁰ Ibid. P. 17.

¹⁹¹ Daily Mail, 17 March 1909.

¹⁹² Ibid. 16 March 1909.

20 марта газеты «The Times», «The Daily Mail» и «The Observer» выступили с подачи лорда Нортклиффа с предупреждением, что «никогда в истории страны, морская мощь которой является предметом зависти всего мира, не предавалась такой презренной истерии, как сейчас... Такое соперничество (морская гонка с Германией) в течение еще трех лет может только способствовать неизбежной войне»¹⁹³.

«The Daily Mail» между тем сообщила, что на встречах с населением, проводимых инициативными группами по всей стране, одобрили программу «Восьми» дредноутов. Агитация принесла плоды и в дополнительных выборах в Кройдоне. Кандидат от профсоюза Херман Ходж победил в кампании, которая была отмечена, как сообщила «The Daily News», «необузданным ура-патриотизмом касательно морской проблемы». В честь победы Ходжа лорд А. Бальфур, сторонник программы «Восьми», высказал мнение, «что постепенно все складывается в нашу пользу». Он обвинил правительство в «пренебрежении интересами Империи», приветствовал «поток Имперского чувства, которое распространялось с телеграфной скоростью в самые дальние концы земли» и в завершении добавил: «Я беру его (имперское чувство) в качестве знамени, что Лондон будет снова, как и в далеком прошлом, большим сердцем великой Империи»¹⁹⁴.

Споры вокруг программы морской программы вновь возникли во время выборов 1910 года. В декабре 1909 г. лорд Нортклифф подлил масла в огонь, уполномочив Роберта Блэчфорда, бывшего сержанта и редактора социалистической газеты «Clarion», которого Черчилль охарактеризовал как «смешного ура-патриота» и чей социализм был «бешено националистическим», написать ряд статей для «The Daily Mail». Статьи Р. Блэчфорда были нацелены на подчеркивание недальновидности Либерального правительства по вопросу

¹⁹³ Ibid. 20 March 1909.

¹⁹⁴ Ibid. 31 March 1909.

немецкой угрозы, на море и суше¹⁹⁵. В первом выступлении Р. Блэчфорд объяснил: «Эти публикации необходимы, потому что Германия сознательно готовится разрушить Британскую империю; и потому, что я знаю, мы не готовы противостоять внезапному нападению»¹⁹⁶. В качестве доказательства своих утверждений в последующие недели он вел хронику роста военно-морского флота Германии, говоря о ее угрозе для мировых держав благодаря «силе оружия» и о её возможном нападении без предупреждения. «Великобритания будет следующей целью Германии. Британцы интересуются иностранными делами больше, чем военными вопросами. Они не хотят беспокоиться, они не хотят видеть, они не хотят бороться... А британское правительство боится сказать своим людям правду»¹⁹⁷, утверждал Р. Блэчфорд.

Р. Блэчфорд пророчил, что самая большая опасность, и гораздо более угрожающая, чем вторжение, находится во Франции и портах Канала, которые в руках Германии стали бы «пистолетом, направленным на Англию»¹⁹⁸. Проблема британской обороны, - продолжал он, - была также и проблемой обороны Франции. Чтобы решить ее, страна должна создать первоклассную армию, по крайней мере, 500.000 человек, и лорд Китченер должен стать главнокомандующим. «Военная служба или рабство» - такова была альтернатива. Чтобы удержать Империю, свободу и торговлю, британцы должны будут подчиниться и воинской повинности и налогообложению, они должны будут заплатить за мир. Если мы нашли 300 миллионов фунтов на англо-бурскую войну, то и теперь непременно найдем средства на флот и армию», считал Р. Блэчфорд¹⁹⁹.

¹⁹⁵ Thompson, J. Lee. *Politicians, the press, and propaganda: Lord Northcliffe and the Great War, 1914-1919*. Kent, 1999. P.183.

¹⁹⁶ *Daily Mail*, 13 December 1909.

¹⁹⁷ *Ibid.* 18 December 1909.

¹⁹⁸ *Ibidem*.

¹⁹⁹ Thompson, J. Lee. *Op. cit.* P. 184.

По мнению российского наблюдателя, корреспондента журнала «Русское богатство» С. И. Рапопорта, самыми шовинистическими и воинственно настроенными изданиями в Англии начала века являлись «The Daily Mail» и социалистическая газета «Clarion». Именно на их страницах в 1905-1909 гг. была опубликована серия статей одного из самых известных «агитаторов» Роберта Блэчфорда о неизбежности увеличения военных расходов и введении всеобщей воинской повинности. Именно эти издания пропагандировали книгу журналиста Стюарта Меррея «Будущий мир англо-саксов», где доказывалась неэффективность международного права, а мир рассматривался как «период между последней битвой и приготовление к следующей». Именно в «The Daily Mail» чаще всего публиковалась «пророческая» антигерманская беллетристика, выступления лорда Робертса и других политических деятелей, ратующих за «гражданский милитаризм», то есть за вооружение народа, учитывая перспективу возможной войны с Германией²⁰⁰.

Либеральная «The Daily News» и другие либеральные журналы выступили против публикаций Р. Блэчфорда в «The Daily Mail». «The Manchester Guardian» назвал их преднамеренной уловкой консерваторов, чтобы заставить провести всеобщие выборы в парламент, и тем самым набрать большинство голосов избирателей. А спустя несколько дней после таких заявлений сам Р. Блэчфорд ответил, «что общего между опасностью грозившей империи и голосами на выборах? Я написал эти статьи и для людей, а не для получения голосов».²⁰¹ «The Daily Mail» выразила свое восхищение тем, что ничто, появлявшееся на ее страницах «в последние годы, не привлекало столь большого внимания, не вызывало такого большого обсуждения или не обсуждалось нашими читателями с таким интересом как статьи Р. Блэчфорда»²⁰². К концу января были проданы 1.600.000 экземпляров газеты в

²⁰⁰ Русское Богатство, 1915 (9). С.287-289.

²⁰¹ Thompson, J. Lee. Op. cit. P. 190.

²⁰² Ibid. P. 192.

форме брошюры²⁰³. Участники консервативной партии впервые за долгие годы были едины в отражении нападков со стороны газет.

Лорд Нортклифф и Д. Гарвин именно этого и хотели – объединить партию. Консервативная партия была все еще разделена по вопросу защиты страны, хотя и объединилась против спорного бюджета Д. Ллойда Джорджа 1909 г. Д. Гарвин, писал его биограф А. М. Голлин, «вновь затронул вопрос военно-морской конкуренции»²⁰⁴. Процесс начался как простая агитация. Д. Гарвин написал письмо сэру Сандерсу, личному секретарю лорда Бальфура, по вопросу о тактике выборов. В письме он призывал как можно скорее начать кампанию по защите страны, понятную для всего населения Великобритании. Лорд Бальфур прислал Д. Гарвину директиву, в которой говорилось, чтобы он продолжал агитировать население, используя «The Observer». 4 января 1910 г. лорд Бальфур вынес на обсуждение вопрос о военно-морском флоте и сделал его центральной темой консервативной партии. Старый друг Д. Гарвина, адмирал Д. Фишер, восторженно восхвалял Д. Гарвина: «Вы вытащили эту бесхарактерную толпу парней [члены партии] из ямы безразличной беспомощности и сказали, «Загляните в Свои души», и они сделали это! Если соотношение голосов останется таким же, как в момент написания моего письма, то Вы окажете большую услугу военно-морскому флоту, поскольку Р. Маккенна утверждает, что «Это событие навредило Д. Ллойд Джорджу и Ко»²⁰⁵.

Консерваторы эффектно вернулись, получив 275 мест на выборах, в то время как либералам досталось 273 места, и баланс сил зависел от ирландских националистов с 82 местами, и лейбористской партии, получившей 40 мест в парламенте.

²⁰³ Blewett N. Peers, the Parties and the People: General Election of 1910. Macmillan, 1972. P. 127.

²⁰⁴ Gollin A.M. Op. cit. P. 129.

²⁰⁵ Fisher to Garvin, 22 January 1910, Garvin papers // Gollin A.M. Op. cit. P. 131.

Споры по вопросу строительства флота привели к согласию в правительстве по программе создания «Восьми дредноутов». Агитация прошла успешно. Комментируя эти события, Уинстон Черчилль заметил, что «подлинная тревога по всей стране впервые заставила признать реальность немецкой угрозы»²⁰⁶.

«Морская паника» 1909 г. Привела к закладке в июле-ноябре 1909 г. (т.е. несколько раньше обычных сроков) 4 кораблей программы 1909-10 гг., в апреле 1910 г. – четырех дополнительных кораблей, а в начале 1911 г. (январе-марте) – пяти кораблей программы 1910-11 гг. Кроме того, в 1910 г. было начато строительство линейных крейсеров «Новая Зеландия» и «Австралия», оплаченных из бюджета британских доминионов²⁰⁷. Таким образом, «морская паника» выявила дополнительные ресурсы, находившиеся в распоряжении Великобритании, став катализатором процесса формирования имперского флота. В результате для британского флота одновременно строилось пятнадцать современных кораблей. Не случайно У. Черчилль в письме королю Эдуарду VII назвал программу 1910-11 гг. беспрецедентной²⁰⁸.

«Морская паника» явилась одним из наиболее важных событий в развитии англо-германского конфликта. Произошедшая в ходе развернувшейся дискуссии фактическое изменение традиционного «двухдержавного стандарта» свидетельствовала об изменении баланса сил в морском вооружении европейских держав, об обострении англо-германского морского соперничества.

Эффективная газетная кампания к 1910 г. создала в общественном мнении объект угрозы – Германию и установила точный характер угрозы для Британской империи. Лорд Эшер прокомментировал ситуацию так:

²⁰⁶ Churchill Winston S. The World Crisis. L., 1932. P. 39.

²⁰⁷ Jane F.T. Fighting Ships. L., 1914. P.35-38, 43-44.

²⁰⁸ Marder A. Op. cit. P. 215.

«Напряженность между Англией и Германией – газетная напряженность, и она несет в себе серьезную угрозу»²⁰⁹.

В мае 1910 г. произошло еще одно, не менее значимое событие: умер Эдуард VII, король Великобритании. Смерть Эдуарда VII и «политическая незрелость» Георга V вдохновили Д. Гарвина на предложение созыва политической конференции для решения военно-морских и конституционных проблем. «Если бы король Эдуард на своем смертном ложе оставил последний наказ своим подданным, то он попросил бы, чтобы мы отложили партийные страсти в сторону, подписали «божественное перемирие» на его могиле, искали... общие разумные усилия для нашей страны... Давайте проведем конференцию, прежде чем к конфликту присоединятся другие страны, в условиях войны»²¹⁰. Призыв Д. Гарвина к «божественному перемирию» был поддержан в «The Times» и «The Daily Mail» политическим обозревателем, членом профсоюза Ф.С. Оливером, а также главным партийным функционером либеральной партии в парламенте Александром Мюрреем, владельцем Элибанка²¹¹.

Д. Гарвин помог созвать межпартийную Конституционную Конференцию, которая собралась не без труда, поскольку некоторые члены профсоюза считали Г. Асквита виновным в преждевременной смерти короля. Первая из более, чем двадцати встреч в течение следующих месяцев, прошла 17 июня в кабинете Г. Аскита в Палате общин. От либералов были премьер-министр, лорд Крю, близкий советник Г. Аскита, Ллойд Джордж и Огастин Биррелл. Со стороны членов профсоюза были лорд Бальфур, Лансдаун, лорд Кодор и Остин Чемберлен. Конференция началась с обсуждения реформы Палаты лордов. Члены профсоюза были готовы уступить многим либеральным требованиям, но настояли, чтобы Верхняя палата сохранила достаточно власти,

²⁰⁹ Poundand R. Op. cit. P.389 (4 January 1910).

²¹⁰ Gollin A.M. Op. cit. P. 185.

²¹¹ Grigg J. Lloyd George: The People's Champion, 1902-1911. L., 2011.P. 259-260.

чтобы быть в состоянии заблокировать ирландское самоуправление. Эти события лишь подняли авторитет Д. Гарвина и лорда Нортклиффа не только среди их читателей, но и в парламентских кругах. Стоит отметить, что сам лорд Нортклифф не являлся членом ни консервативной или ни какой-либо другой партии. Однако его политические взгляды были консервативной направленности.

Отношения между Великобританией и Германией накануне Первой мировой войны продолжали ухудшаться. Кампания в печати против нараставшей военно-морской мощи Германии продлилась вплоть до внезапного начала войны. Она была усилена Агадирским кризисом 1911 г. Германия, вынужденная уступить во время Танжерского кризиса 1905—1906 гг., отправила в марокканский Агадир канонерскую лодку «Пантера». А 1 июля 1911 г. объявила о своём намерении обустроить там военно-морскую базу. Бросок «Пантеры» вызвал переполох во Франции, поставив её на грань войны с Германией. Это вызвало острое беспокойство насчет намерений Германии даже среди прежних лидеров пацифистов Д. Ллойда Джорджа и У. Черчилля. У. Черчилль прокомментировал эту ситуацию так: «Для Европы это был такой тревожный сигнал, что она задрожала»²¹². Действия Германии также бросили вызов Антанте.

Ф. Вайл, репортер лорда Нортклиффа, сообщил, что он взял интервью у графа Бернсторффа, немецкого посла в Вашингтоне, заявившего, что обедал с кайзером. Они, в частности, говорили о речи Д. Ллойда Джорджа, которая была «таким же провокационным оскорблением немецкой чести, как и телеграмма Наполеона III, которая приблизила начало франко-прусской войны»²¹³. Посол также сказал Ф. Вайлу, что Германия «не согласится на постоянное признание британского военно-морского превосходства». Граф Бернсторфф сравнил

²¹² Winston S. Op. cit. P. 42.

²¹³ Poundand R. Op. cit. P. 423

англо-немецкие отношения с двумя бульдогами, которые «постоянно лают друг на друга, ...пока не разорвут друг друга на части»²¹⁴.

Несмотря на такое предупреждение, сам лорд Нортклифф не считал, что текущая ситуация приведет к войне. Газеты «The Daily Mail» и «The Times» в своих статьях придерживались умеренного тона в отношении Германии. Тем не менее, генерал кавалерии, сэр Джон Френч сообщил, что кайзер пожаловался ему, что единственно, что заставит Германию вступить в драку против Франции, так это пропаганда британской прессы. Он назвал «The Daily Mail» и «The Times» самыми враждебными по отношению к Германии»²¹⁵.

В сентябре лорд Нортклифф говорил У. Черчиллю, что многие его коллеги «выглядят в высшей степени глупо ввиду, несомненно, сглаживающейся ситуации. Если бы некоторые из них как-нибудь съездили в Германию или во Францию, то они узнали бы, что Германия нуждается в капитале и что ее армия убогая и устаревшая. Германия блефует, говоря, что Франция в 1911 г. настолько слаба, как и в 1870 г. или 1875 г.... Кажется, Ваш Кабинет не нуждается в информации и даже не пытается получить её. Если бы у него было достаточно информации, то они (представители правительства) знали бы, что немцы так же боятся французской армии сегодня, как и нашего флота, они пробуют, но не преуспеют в разделении наших сил. Мои газеты никогда никоим образом не выступали провокационно в отношении Германии. Германии не нравятся мои газеты, которые сообщают истинные факты, говорящие о её силе и намерениях.

Через несколько недель после этого письма У. Черчилль стал военноморским министром и направил всю свою энергию на подготовку к войне с Германией, о которой лорд Нортклифф предупреждал уже в течение двух десятилетий. 8 ноября 1911 г. Черчилль объявил, что Великобритания

²¹⁴ Ibidem.

²¹⁵ Morris Op. cit. P. 296.

продолжит формировать бюджет с оглядкой на военно-морские расходы Германии.

Лорд Нортклифф в ответ на заявление первого лорда сообщил, что «он не имеет никаких новостей о немцах... Немцы заявляют в прессе, что «Мы - страна сухопутных крабов. Если Вы (Великобритания) наступаете, мы отступаем; если Вы отступаете, мы наступаем. Я надеюсь, что Ваш пытливый разум осознает нашу национальную опасность. Мои газеты не имеют никакой связи с какой-либо из тем, связанных с Германией, флотом и Канадой, хотя эти три темы кажутся наиболее важными для нашего национального благосостояния»²¹⁶.

После убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским националистом в Сараево 28 июня 1914 г. всем стало понятно, что война неизбежна. В июле 1914 г. «The Daily Mail» сообщила: «Австрийское нападение... его нужно бояться, необходимо вовлечь Россию в войну... в свою очередь [это] приведет к выступлению немцев. Вхождение Германии в войну, заставит вступить и Францию... Когда Франция находится в опасности и борется за свое существование, Великобритания не может стоять в стороне и видеть как друг и союзник проигрывает... Надежда на то, что война может быть локализована, слишком слабая. Мы должны поддержать наших друзей, даже и без видимых причин, хотя бы потому, что без их помощи мы не сможем быть в безопасности. Отказ от процесса вооружения Великобритании сделает нас зависимыми от иностранных союзников...»²¹⁷. Таким образом, «The Daily Mail» удалось ответить на вопрос, почему Великобритания должна вступить в войну.

Тем не менее, в течение нескольких дней, прежде чем Великобритания объявила войну Германии, общественное мнение в стране разделилось. Газета «The Times» в статье от 31 июля 1914 г. призывала к британскому вмешательству: «Мы должны быстро подготовиться к войне, чтобы поддержать

²¹⁶ Ibidem.

²¹⁷ Daily Mail, 29 July 1914.

наших друзей, если они стали объектом несправедливого нападения... Дни «Блестящей изоляции», если они когда-нибудь и были, сочтены... Мы все еще продолжаем работать для сохранения мира; мы будем работать для этого до самого конца; но час наступил, когда нам также, вероятно, придется приготовиться к войне. Мы можем слышать взмах её крыльев»²¹⁸.

Большинство либералов высказались против таких статей в газете и против участия Британии в войне. Они требовали нейтралитета. Лейбористская партия провела демонстрацию под руководством Кейра Харди на Трафальгарской площади²¹⁹, призвав к всеобщей забастовке в случае войны. 4 августа правительство приняло решение о вступлении в войну под предлогом немецкого вторжения в «маленькую Бельгию». Когда война была объявлена, оппозиция рассыпалась. Большинство поддержало требование сражаться за победу.

Несмотря на попытки лорда Норклиффа с его высказываниями о постоянной «немецкой угрозе» повлиять на общественное мнение, внимание населения в годы перед Первой мировой войной было в основном сосредоточено на внутренних проблемах: кризис в правительстве, забастовки рабочих и выступления суфражисток, на событиях в Ирландии по вопросу о самоуправлении. Лорд Нортклифф сочувствовал рабочим людям; однако, он порицал метод забастовки, и категорически выступал против крайней позиции суфражисток, при этом постоянно напоминая о возможной войне с Германией²²⁰.

Для тех, кто долго предсказывал войну с Германией, и кто твердо верил в неизбежность войны для защиты британских интересов, объявление войны

²¹⁸ The Times, 31 July 1914.

²¹⁹ Джеймс Кейр Харди (15 августа 1856 – 26 сентября 1915), был шотландским социалистом и рабочим, первым независимым членом парламента лейбористской партии, избранным в Парламент Соединенного Королевства.

²²⁰ Thompson, J. Lee. Op. cit. P. 201.

вызвало вздох облегчения. Комментарий лорда Нортклиффа сэру Викхэму Стиду, его венскому корреспонденту, был следующим: «Наконец-то она началась!», на что Сид ответил: «Да, Слава Богу!»²²¹.

Британская пресса продолжала изображать Германию как страну, которая хотела войны и гегемонии в Европе. Скрытое чувство, что война будет, подкреплялось высказываниями прессы, которая утверждала, что столкновение интересов Германии и других европейских стран, включая Великобританию, неизбежно. Военная и морская мощь Германии должна была вызвать тревогу не только у Великобритании, но и у всей «старушки» Европы.

Безусловно, антигерманская военно-морская кампания в британской прессе накануне войны смогла создать определенный образ врага – Германию. Постоянный рост военно-морской мощи Германии вызывал опасение не только у представителей правительства и военных, но и у гражданского населения, которому внушали, в первую очередь средствами массовой печати, недоверие и негативное восприятие Германии и всего немецкого народа. Пресса фактически управляла общественным мнением страны, что подтверждается успешной кампанией по строительству флота. В предвоенные годы активную антигерманскую позицию занял лорд Нортклифф, во многом благодаря деятельности газет которого, удалось повлиять на решения британского правительства.

Однако еще до наступления войны мнение о Германии в британском обществе разделилось. Одни видели немцев, как безусловных врагов британской нации, другие, считали большую часть информации о возможной войне ложью и всячески отрицали любую информацию, касающуюся войны. Но события лета 1914 года заставили поверить в реальность войны даже самых ярых скептиков.

²²¹ Poundand R. Op. cit. P. 464.

§3 Англо-германские противоречия накануне Великой войны и общественные настроения в Великобритании летом 1914 г.

Начиная с XIX в. в Европе окончательно утверждается новый «тип врага» – народ. Если раньше войны велись между королями, династиями за земли и власть, то теперь пропаганда четко указывала на национальные черты противника, принадлежность конкретного человека к той или иной нации. Больше всех себя проявили на этом поприще английские средства массовой информации, создавшие знаменитые образы противника, которые впоследствии стали культовыми в военной пропаганде. Это был образ немца – «злобного гунна», который выступает как воплощение ненависти и страха, вызванного войной»²²². Такая пропаганда получит широкий размах в годы Первой мировой войны.

Мы можем утверждать, что общественное мнение в Великобритании накануне войны было неоднозначным. С одной стороны консерваторы, которые видели опасность войны с Германией, с другой стороны – те, кто всячески эту войну отрицали, занимая пацифистскую позицию. В этих обстоятельствах население Британии должно было сделать выбор, чью сторону принять.

В условиях англо-германского противоречия по вопросу армии и флота, на «большую сцену» вышел немецкий генерал, апологет милитаризма в глазах английской пропаганды начала XX века Фридрих фон Бернади. Бернади опубликовал несколько работ, посвященных англо-немецким противоречиям и исторической миссии Германии. Среди многочисленного ряда его работ наибольшую известность получила книга «Германия и следующая война», вышедшая в 1912 году. В ней Ф. Бернади развивал концепцию Г. Трейчке о роли немецкой нации в Европе и мире, обосновывал для Германии право, обязанность и необходимость вести войну на континенте. Его часто цитировали

²²² Haste C. Op. cit. P. 214.

в качестве классического автора прусского милитаризма, и его книга действительно воспринималась как армейская пропаганда немецкой мощи²²³. Эта книга не могла остаться без внимания в английских политических и культурных кругах.

Чувство опасности, исходившее от подобных работ, создало крепкую основу для антигерманских настроений в Великобритании. Рядовой англичанин, которому было свойственно неприятие всего иностранного, вряд ли понимал и придавал значение имени Г. Трейчке или Ф. Бернарди, а вот угроза распространения немецкого влияния, пруссачества была куда более понятна.

Главным пунктом обвинения, выдвинутого против Ф. Бернарди его противниками, явилось стремление к мировому господству под девизом «Weltmacht oder Niedergang!» Главный оппонент Ф. Бернарди, шотландский историк и патриот, Д. Крэмб интерпретировал эти слова недвусмысленным образом: «World Dominion or Death!» (Мировое господство или смерть)²²⁴. Такая трактовка совершенно определенно позволяла обвинять немцев в великодержавных амбициях и в стремлении переделать мир по прусскому образу. Сам же Ф. Бернарди настаивал на другой интерпретации: «Мировая держава или упадок», в свою очередь, уличая Британскую империю в узкокорыстном желании оставаться единственным лидером в мире, в создании всяческих помех на пути превращения Германии в великую державу и в стремлении распространить повсюду английский стандарт²²⁵. Взаимные обвинения по поводу претензий на мировое господство продолжались и в годы Великой войны, а после ее завершения вылились в дискуссию о том, кто ответствен за развязывание мирового конфликта. Ни одна из сторон не призывала к войне в открытую, но и немецкие, и английские «бернардисты»

²²³ Bernhardt F. von Germany and the Next War, Stuttgart und Berlin, 1912. P. 122.

²²⁴ Cramb J.A. Germany and England. L., 1914. P.42

²²⁵ Bernhardt F. von. Germany and England. N.Y., 1915. P.17

были склонны заострять внимание на неизбежности вооруженного конфликта в будущем. Вопрос заключался лишь в том, что может послужить поводом, и каковы будут конечные цели²²⁶.

Ф. Бернарди подчеркивал, что говоря о «будущей войне», он лишь имел в виду то, что «такая война может произойти рано или поздно, но не потому, что мы хотим разрушить Британскую империю, а, наоборот, потому, что сама Англия посредством силы старается помешать нам превратиться наряду с ней в великую мировую державу»²²⁷. Главный официальный оппонент генерала в Англии провозгласил буквально следующее: «Кто, кроме Британской империи, поможет всем расам на Земле, которые уже зависят или в скором времени будут зависеть от Европы, добиться гармонии? Какая другая империя сможет способствовать развитию всего того, что вечно и свято?... Задача великая, ибо между цивилизацией и варварством, авангардом и арьергардом человечества неизбежны подозрительность, соперничество и война»²²⁸.

Значительный вклад в формирование антигерманских настроений в стране внесли не только политики, но и писатели. Сэр Артур Конан Дойль, создатель рассказов о Шерлоке Холмсе, был одним из немногих выдающихся авторов того времени, которые явно видели нависшую опасность в будущей войне. Он был экспертом по военным вопросам, дезинформации, а так же откровенно критиковал правительство, указывая на их ошибки. Начиная с англо-бурской войны, К. Дойль предупреждал своих соотечественников о недостатках и несовершенстве британской оборонительной системы. В 1912 г., им была написана статья, «Великобритания и грядущая война», которая может быть рассмотрена как ответ на работу Ф. Бернарди. В ней К. Дойль высказывал серьезные опасения по поводу вероятной морской блокады Англии и выступал

²²⁶ Цит. по: Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 32.

²²⁷ Ibid. P.18.

²²⁸ Cramb J. A. The Origins and Destiny if Imperial Britain and the Nineteenth Century Europe. L.-N.Y., 1915. P. 235-236.

за немедленное строительство тоннеля под Ла - Маншем для того, чтобы успеть снабдить экспедиционные войска Великобритании, блокировать вражеские субмарины и создать территориальную армию²²⁹. В сочинении под названием «Опасность» (1914) К. Дойль высказал более явный страх перед возможной морской войной, в которой уже через несколько месяцев Великобритания «падет на колени»²³⁰. Конечно, это были глупые фантазии К. Дойля, но такие мысли еще больше убеждали рядового жителя Великобритании в возможности будущей войны.

Англо-бурская война еще больше осложнила англо-германские отношения. Южноафриканская кампания значительно повлияла на общественные настроения в Великобритании. В стране поднялась волна джингоизма, и на Англию обрушилась волна критики со стороны континентальной прессы европейских стран. В годы англо-бурской войны многие государства были на стороне буров, в том числе и Германия. С подачи немцев в печать были запущены истории о жестоких методах ведения войны англичанами²³¹. «Английская общественность настроена гораздо менее антинемецки, чем немецкая – антианглийски», к такому выводу пришел канцлер Германии Б. Бюлов во время посещения Англии в 1899г.²³². Во время англо-бурской войны Б. Бюлов сообщал, что самые опасные для его страны люди – берлинские корреспонденты «The Times» В. Чирол и Дж. Сондерс, поскольку они «знают не понаслышке глубину и силу антипатии, которую Германия испытывает по отношению к Англии и могут использовать эти знания против Германии. Эти люди действительно влияют на английское

²²⁹ Doyle A.C. The German War. L., 1914. P.143-152.

²³⁰ Buitenhuis P. The Great war of words. Literature as Propaganda 1914-1918 and after. L., 1989. P. 3.

²³¹ Wingfield-Stratford E. The Victorian Aftermath, 1901-1914. L., 1933. P. 60. Следует отметить, что в годы ПМВ англичане, в свою очередь активно будут использовать истории о немецких зверствах.

²³² German Diplomatic Documents, 1871-1914 in 4 vols. Vol. 3. The Growing Antagonism, 1898-1910. N.Y., 1930. P. 28.

общество, но все же их значение не так велико, так как многие думают, что они руководствуются предрассудками»²³³. В годы англо-бурской войны немецкое общество действительно выступило с резкой критикой в адрес Великобритании. В реальности это было вполне оправдано.

Еще одним пунктом противоречий между Великобританией и Германией была сфера промышленности. Начиная с 80-90-х годов XIX века в условиях активного индустриального развития, беспокойство за положение английской промышленности и ее технического отставания на фоне успехов конкурентов, вызывало опасение. Упадок английской промышленности был слишком явным. Например, с 1886 по 1900 гг. в немецкой угольной промышленности было введено 948 патентов, в то время как в Англии, где уголь долгое время являлся основой промышленной монополии, только 86²³⁴. Конечно, это лишь один из многих примеров отставания Великобритании от стран конкурентов, но проблема была не менее важной.

В результате потребительского характера английской экономики, ориентированной на принцип «зачем делать то, что могут сделать немцы», Англия в конце XIX - начале XX века оказалась в серьезной зависимости от Германии. По данным Д. Кардуэлла, в предвоенные годы из Германии импортировалось до 90% анилиновых красителей для текстильной промышленности; большая часть электродвигателей, лекарств и фармацевтических препаратов; вольфрам, необходимый для производства стали и цинка; около 60 видов оптического стекла, а также ацетон и некоторые химические вещества, применяемые в производстве пороха и взрывчатки²³⁵. Прекращение этих поставок в случае войны поставило бы страну перед серьезными проблемами не только чисто экономического, но и оборонительного плана связанного с производством достаточного количества

²³³ German Diplomatic ... P. 28.

²³⁴ Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. L., 1989. P. 72.

²³⁵ Cardwell D.C. The Organization of Science in England. L., 1957. P. 169.

оружия и боеприпасов²³⁶. Однако, с точки зрения господствовавшей в Англии фритредерской традиции, основанной на разумном экономическом интересе, сама вероятность нарушения подобных связей выглядела абсурдной и противоречащей здравому смыслу, и уж тем более в свете применения новейших достижений науки и технологии²³⁷.

В английской общественной мысли этого периода можно наблюдать интересное явление – с одной стороны, общество боялось экономической конкуренции с Германией, а с другой – видело привлекательность в других сферах жизни немецкого общества. Отношение английского общества собственно к Германии накануне Великой войны нельзя назвать открыто враждебным. Наряду с критицизмом по поводу «пруссачества» и «великой исторической миссии» очень много внимания уделялось достижениям немцев в коммерции, промышленности, науке и образовании.

Английская система образования значительно отставала по уровню организации и содержанию обучения от немецкой системы. До 90-х годов XIX века в Британии не было всеобщего начального обучения, в то время как в Германии оно было введено еще в 70-е годы. Английские школы и университеты не пользовались государственной финансовой поддержкой и в большой степени зависели от частных пожертвований. Государство практически не вмешивалось в процесс составления учебных программ, содержание которых сводилось по большей части к классическим и гуманитарным дисциплинам. Иерархичность и социальная замкнутость университетской системы, основанной на соперничестве двух старых и главных элитарных центров – Оксфорда и Кембриджа, каждый из которых состоял из нескольких десятков автономных колледжей – не позволяла выдвинуться новым и более демократичным провинциальным университетам, самостоятельно возникшим в крупных промышленных городах в последней

²³⁶ Цит. по: Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 34.

²³⁷ Cardwell D.C. Op. cit. P. 170.

трети XIX века. Немецкая же концепция образования, как начального, так и высшего, основывалась на прикладном характере, государственном финансировании и контроле. В университетах Германии культивировалось сочетание преподавания и научной деятельности, причем ставка делалась на новые «полезные» науки, которые могли быть применены в новых технологиях. Английские провинциальные университеты получили от выпускников Оксфорда уничижительное прозвище «редбрикс» (redbricks - «красные кирпичи»). Диплом «редбрикс» не был престижным, и уже само слово подчеркивало дистанцию между старыми и новыми университетами. Действительно, довольно уродливые кварталы строений из красного кирпича, ставшие символом быстрого роста таких индустриальных городов, как Лидс, Манчестер, Глазго и другие, не могли сравниться со средневековой архитектурой традиционных университетских центров. Подобная «пирамида престижа» с Оксфордом на вершине, а также бедность, изоляция и небольшой размер провинциальных университетов не только не способствовали развитию научных знаний, но и замедляли развитие профессионального самосознания научной интеллигенции. В Германии же не было такой иерархии и провинциализма в науке. Старые и новые университетские центры – Гейдельберг, Бонн, Берлин, Гессен и другие – находились в равном положении, специализируясь в различных областях и конкурируя друг с другом. Более диверсифицированная и конкретная немецкая система организации учебного процесса привела к тому, что образование, полученное немецким студентом, было прикладным и «продвинутым», чем у его английских коллег, поскольку, в отличие от Германии, английские университеты готовили большинство своих выпускников не столько к научному и практическому, сколько к светскому поприщу²³⁸.

²³⁸ Цит. по: Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 41-42.

Молодые люди – представители высших слоев британского общества – считали престижным учиться в университетах Германии, например, Гейдельбергском. Их сверстники из Германии в свою очередь с удовольствием ехали в Оксфорд или Кембридж. Во время Первой мировой войны британцы отмечали высокий уровень образования немецких офицеров, половина из которых могла свободно изъясняться по-английски, а еще большее число – по-французски²³⁹.

Парадоксально, но большинство британцев не считали немцев врагами и не были настроены столь непримиримо. Однако, как мы уже говорили выше, старания периодической печати не прошли бесследно. «В Англии не существовало традиционной ненависти к Германии, но в течение нескольких лет недоверие и подозрения, которые нашли отражение на страницах периодической печати и выливались в различные колкости и обвинения, задевали национальную гордость Германии»²⁴⁰.

В довоенной Британии, где амбиции Германской империи стали вызывать беспокойство и недовольство, отношение к немецкоязычной диаспоре начало меняться. Заговорили о слишком большом экономическом влиянии британских немцев. К тому же, пресса подогревала нездоровые настроения историями о немецких шпионах, действующих на территории Британской империи. Шпиономания стала постепенно овладевать простыми гражданами Соединенного Королевства. Люди начали тяготиться жившими в их семье слугами и гувернантками немецкого происхождения. К. Пил, автор мемуаров об английском обществе накануне и во время войны, приводит в своей книге такой случай: маленький ребенок спросил мать, должны ли они «убить бедную фройляйн»²⁴¹. Это действительно значимый эпизод, ведь даже дети стали замечать негативное отношение англичан ко всему немецкому. Это своего рода

²³⁹ Morse J. An Englishman in the Russian Ranks. L., 1915. P. 49.

¹⁵⁴ Gibbs Ph. Now it Can Be Told. L., 1917. P. 5.

²⁴¹ Peel C S. How We Lived Then, 1914-1918. L., 1929. P.40.

особый показатель того, насколько распространились антигерманские настроения накануне Великой войны.

В Германии общественные настроения были еще более радикальными. Э. Грей, британский министр иностранных дел в 1905 - 1916 гг., размышляя о настроениях немецкого общества тех лет, писал в своих мемуарах, что немцы, сознательно или нет, готовились к войне, которая стала бы следующим шагом в истории их империи²⁴². Многие немцы рассматривали Британию как главного врага. Возможность войны между двумя странами часто обсуждалась в немецкой прессе. Масла в огонь подливала проводимая в Германии пропаганда в пользу наращивания морских вооружений. Хотя ряд исследователей, например, известный историк Первой мировой войны Дж. Джолл, полагает, что в европейском обществе предвоенного периода не было милитаристских настроений, а людей скорее волновали внутрисполитические проблемы,²⁴³ источники говорят об ином, атмосфера в обществе была, скорее тревожной, полной сомнений и подозрений. Большинство англичан не хотело войны, но было готово в случае необходимости защищать интересы своей страны. «Простой англичанин, не желал этой войны. Но ему пришлось в ней участвовать и довести дело до конца. Если бы подобные обстоятельства возникли в 1929 г., он сделал бы то же самое»²⁴⁴.

Постепенно была подготовлена подходящая почва, чтобы в 1914 г., когда Англия вступила в войну, общество смогло довольно легко воспринимать пропаганду. Эта «почва» готовилась еще с конца XIX века писателями, беллетристами и массовой печатью. Германия порой сама давала поводы для пропаганды (военно-морская гонка, агадирский кризис и т.п.).

Как население Британии восприняло внезапное начало войны? Несмотря на старания периодической печати и политических деятелей, общественное

²⁴² Grey E. 25 Years. 1892 - 1916: Vol. 2. L., 1925. P. 24.

²⁴³ Joll J. The Origins of the First World War. Harlow, 1992. P. 49.

²⁴⁴ Edmonds Ch. A Subaltern's War. L., 1929. P. 205.

мнение британцев накануне войны носило антивоенный характер²⁴⁵. Рядовые британцы даже думать не хотели о возможной европейской войне, а тем более об участии в ней Великобритании. До 4 августа 1914 г либеральные газеты «The Daily News» под редакцией А. Г. Гардинера, «The Manchester Guardian» под редакцией К. П. Скотта, на своих страницах так же печатали антивоенные лозунги²⁴⁶. Большая часть провинциальной прессы, либеральной и юнионистской, первоначально выразила устойчивое предпочтение нейтралитету. Либеральная газета «The Huddersfield Daily Examiner» в передовой статье от 27 июля прокомментировала национальное «твердое решение» не вступать ни в какой европейский конфликт ни при каких обстоятельствах «за исключением прямого нападения на Великобританию»²⁴⁷. «The Cambridge Daily News» заявила 28 июля, что «британские интересы в нынешнем европейском споре довольно незначительны», а 29 июля – «Обычный человек слышал слишком много о европейских конфликтах, чтобы поверить в них. Пока он не увидит огонь, а также дым, своими глазами, он не поверит»²⁴⁸.

Журнал ультраправой ориентации «John Bull» в выпуске от 1 августа представил карикатуру, на которой Россия и Германия находились в боевой стойке, ниже шли стихи:

Царь и Кайзер присоединятся к драке?

Если разговор Гааги все забыли,

«Мир с честью» наша судьба²⁴⁹.

²⁴⁵ Gregory A. The Last Great War. British society and the First World War. Cambridge, 2008. P. 15.

²⁴⁶ См: Daily News, editorial by A. G. Gardiner, 'Why We Must Not Fight', 1 August 1914; Koss S. Fleet Street Radical: Gardiner A. G. and the Daily News. L., 1973. P. 114.

²⁴⁷ Pearce C. Comrades in Conscience: The Story of an English Community's Opposition to the Great War. L., 2001. P.229.

²⁴⁸ Gregory A. Op. cit. P. 16.

²⁴⁹ John Bull, 1 August 1914. P. 11.

Стихотворение было озаглавлено «Большая Борьба», однако название относилось не к Европе, а скорее к встрече по боксу между Янгом Ахерном и Жоржом Карпантье, спонсируемой журналом «John Bull» и намеченной на 17 августа.

27 июля консервативная газета «The Yorkshire Post» сообщила: «Действительно ли возможно, что Европа может оказаться накануне конфликта между огромными силами, представленными всеми вовлеченными в него великими военными странами? К счастью, мы не видим оснований, почему Великобритания должна быть втянута в этот конфликт»²⁵⁰. Газета «The Oxford Chronicle» сообщила 31 июля, что «первой задачей Великобритании является локализация конфликта, а наша вторая обязанность заключается в том, чтобы сохранить свой собственный нейтралитет»²⁵¹.

Летом 1914 г. в либеральных кругах распространилось мнение, что пресса пыталась «спроектировать войну», хотя в целом она не была воинственно настроенной. С начала кризиса газеты лорд Нортклиффа «The Times» и «The Daily Mail» проводили постоянную антигерманскую политику, но их воинственность была столь же нетипичной, как и сильные пацифистские настроения «The Daily News» и «The Manchester Guardian». В определенном отношении «jingos» и «socoas»²⁵² прессы уравнивали друг друга, или, более вероятно, просто подтвердили то, во что уже верили их читатели. Английская пресса могла быть гибкой и даже удивительной. Она могла, например, поместить рекламное объявление на целую страницу по заказу «Лиги Нейтралитета» с лозунгом «Давайте не пустим страну в эту злую и глупую

²⁵⁰ Esposito P. Public Opinion and the Outbreak of the First World War: The Newspapers of Northern England. Oxford, 1996. P. 17.

²⁵¹ The Oxford Chronicle, 31 July 1914. P. 7.

²⁵² Термины введены исследователем G. M. Thompson и использовались в его работе. Уничижительный термин использовался для либеральных газет, таких, как «The Daily News» и «The Times». Такие прозвища у газет появлялись в первую очередь благодаря политическим взглядам их владельцев. Подробнее о природе разделения центральной прессы см.: Thompson G. M. The 12 Days: 24 July to 4 August 1914. L., 1964. P.157-158.

войну» в «The Yorkshire Post» 4 августа 1914 года²⁵³. Тот факт, что обращение «Лиги Нейтралитета» появилось в прессе в день, когда Великобритания вступила в войну, указывает на то, что правительство препятствовало распространению антивоенного чувства накануне войны²⁵⁴. Письмо, напечатанное в прессе от имени Элеонор Рэтбоун (одной из участниц Лиги), иллюстрирует всю беспомощность Лиги перед лицом разворачивающихся событий: «Сэр, перед тем, как это письмо может появиться в печати может быть, наконец, совершим «последний бросок» против войны. Но если это невозможно, то не должны ли те граждане Ливерпуля, которые серьезно настроены по вопросу о нейтралитете Великобритании, принимать такие серьезные меры, какие в настоящее время предпринимаются в других городах, чтобы предать свои убеждения огласке?»²⁵⁵. В конечном счете, большое число антивоенных лозунгов прозвучало в различных средствах информации.

Взгляды известного пацифиста Нормана Анджелла на вероятные последствия европейской войны были хорошо известны в Великобритании в 1914 г.²⁵⁶ Первые последствия военного кризиса, казалось, оправдывали предвидение Н. Анджелла, в том числе полный крах торговли, который повлекла за собой война. 30 июля «The Liverpool Daily Post» описала мрачные перспективы для английской торговли: «Страхи и предчувствия граждан проявлялись в меланхоличной манере ведения деловых переговоров в различных аукционных залах и обменных пунктах. Ливерпульская фондовая биржа практически парализована... Для Ливерпуля большая европейская война

²⁵³ Esposito P. Op. cit. P. 23-33.

²⁵⁴ Интересное событие произошло 3 августа. Редактору «The Manchester Guardian» К. Скотту предложили присоединиться к Комитету по нейтралитету 3 августа. А уже к 9 часам вечера того же дня один из лидеров Комитета, ярый фабианец Дж. А. Хобсон признал, что война была теперь совершившимся фактом и предложил, чтобы комитет был переделан в «Комитет по согласованию».

²⁵⁵ The Liverpool Post, 4 August 1914. P. 7.

²⁵⁶ См.: Weinroth H. Norman Angell and the Great Illusion: An Episode in Pre-1914 Pacifism // Historical Journal. 1974. № 17. P. 551-575.

была бы катастрофой»²⁵⁷. Накануне войны официальный представитель профсоюза в Норидже «обрисовал в общих чертах ужасную картину последствий войны - недостаток продуктов, голод и арестованное правительство в итоге»²⁵⁸. Газета «The Leicester Daily Post» прокомментировала это заявление в тот же день: «Завышенные и растущие цены на предметы первой необходимости и повсеместно умножающееся зло уже сами по себе являются предвестниками европейского конфликта»²⁵⁹.

Популярная воскресная газета «The News of the World» прокомментировала повышение цен со сдержанной иронией, главным образом обращенной к читателям из рабочего класса: «На данный момент Великобританию можно назвать дорогой для всех Родиной»²⁶⁰. Анонимная жительница Лондона отметила в своем дневнике 2 августа: «Если мы идем на войну, и будут беспорядки с хлебом в Лондоне, то возможны продовольственные беспорядки в Белфасте»²⁶¹. Безусловно, английскому правительству не хотелось получить еще одну головную боль в виде ирландских восстаний.

Мрачная действительность приближающейся катастрофы, по мнению читателей, становилась реальной. Рэднор Ходжсон писал в «The Yorkshire Post»: «Война – это смерть и разрушения. Все, кто участвуют в войне, конечно, намереваются принести смерть и разрушение своему врагу; но история показывает, что сокрушительное наказание часто падало на головы тех, кто думал, что они сможет покорить других. Война не игра, в которую можно играть»²⁶².

²⁵⁷ The Liverpool Daily Post, 30 July 1914. P. 5.

²⁵⁸ The Eastern Daily Press, 3 August 1914. P. 6.

²⁵⁹ The Leicester Daily Post, 3 August 1914. P. 5.

²⁶⁰ The News of the World, 2 August 1914. P. 10

²⁶¹ The Diary of Anonymous London Woman, July-September 1914. P. 145.

²⁶² The Yorkshire Post, 4 August 1914. P. 4.

Анализ газет по «обе стороны» наводит на интересные выводы о том, что абсолютно все понимали опасность возможной войны, более того, общественность не была так «наивна» в начале войны, как предполагалось ранее. Убежденность в том, что война будет закончена до наступления Рождества, почти отсутствует в дневниках и газетах августа 1914 года. Мысли же апокалиптического характера о том, что цивилизация была на грани полного и неизбежного краха, преобладали²⁶³. Идея быстрой победы появилась позже в 1914 году. 15 сентября 1914 года газета «The Star» сообщила, что страховые маклеры только что начали предлагать мирное страхование. Взнос держателя в 80 фунтов компенсировался бы 100 фунтами, если война не закончится к 1 января 1915 года, а для взноса в 22 фунта была гарантирована выплата в 100 фунтов, если она не закончится к 15 сентября 1915 года²⁶⁴. Эта история появляется после кризиса конца августа и после, очевидно, решающей победы на Марне. Подобная новость появилась как раз перед поражением в Антверпене и началом окопной войны. Аналогично, 14 сентября, Горацио Боттомли (известный актёр) на одной из светских встреч предсказал короткую войну: «Война не будет долгой по продолжительности, как пророчили...». Г. Боттомли подразумевал, что вера в короткую войну является верным представлением²⁶⁵. Можно предположить, что вера в быстрое окончание войны до Рождества 1914 года была, прежде всего, продуктом «краткого» оптимизма в середине сентября 1914 г.

В августе иллюзия «короткой войны» действительно существовала: это особенно ощущалось среди экономически грамотного населения, в первую

²⁶³ Предсказания о продолжительности войны фактически отсутствуют в июле и августе 1914, по крайней мере, публичных заявлений нет. Лишь некоторые, кто действительно предполагал, что война, как обычно продлится, по крайней мере, до следующего года. Например, запись в дневнике Гарольда Коузинса от 9 августа 1914: «Англия, теперь вовлекается в то, что, вероятно, будет известно как Первая мировая война 1914 - вероятно, 1915 гг...». Gregory A. Op. cit. P. 300.

²⁶⁴ Gregory A. Op. cit. P. 19.

²⁶⁵ Pamphlet Bottomley's Battle Cry. L., 1914. P. 26.

очередь, либералов. Они считали, что воюющие страны будут вынуждены сесть за стол переговоров из-за краха международной торговли в ближайшем будущем. Однако даже такие люди как Г. Боттомли, утверждавшие о быстром окончании войны, не были уверены на 100% в скорой победе. Это неудивительно, поскольку Великобритании потребовались три года, чтобы победить несколько небольших бурских республик. Та война была продлена из-за партизанской борьбой, но даже обычная кампания заняла почти год. Интересное мнение о войне было высказано в «Abingdon Free Press»: «Те, кто помнит опустошение, вызванное южноафриканской войной и кто не помнит, знают, что нельзя рассматривать войну как «часть азартной игры»»²⁶⁶. Эта южноафриканская кампания привела к тому, что британцы, вероятно, меньше всех были осведомлены в Западной Европе о характере современной войны. Пока только лишь немногие ожидали четырехлетнюю войну, большинство населения, вероятно, представляло ее себе длящейся год или около этого. На последней линии обороны Западного фронта, солдаты рассуждали относительно Нового года в 1916, 1917 и 1918 гг.: «Мы верим, что война закончится в этом году»²⁶⁷. В октябре 1917 г. «John Bull» впервые напечатал статью с заголовком, утверждавшим, что война будет закончена к Рождеству. Но чувство неизвестности в отношении срока окончания войны продолжало присутствовать в умах англичан.

Неизвестность, с которой солдаты шли на войну, пугала, но при этом заставляла надеяться на её скорое окончание. После внезапного начала войны «Hackney Spectator» заявил на первой полосе: «Мы идем на войну в тишине, каждый человек, каждый ребенок знает, что война означает «красные руины»»²⁶⁸.

²⁶⁶ Abingdon Free Press, 7 August 1914. P. 5.

²⁶⁷ Gregory A. Op. cit. P. 20.

²⁶⁸ Hackney Spectator, 7 August 1914. P. 1.

Достаточно интересной выглядела позиция англиканской церкви. Англиканская церковь обычно проявляла беспокойство за страну, однако её позиция накануне войны была умеренно лояльной. Но это не останавливало отдельных клерикалов от выступлений в начале августа. Самым видным был епископ Линкольна в проповеди в Клиторпсе, в которой он предсказал, что «континентальная война будет не чем иным как войной, имеющей катастрофические последствия. Одна мысль о милитаризме Европы порождает картину ада, поля битвы, бедствий, раненых, разрушений; у нас не было ссоры с Германией, и пойти на войну без причины, по меньшей мере, глупо. Кроме того, это навлекло бы на наше промышленное сообщество одно из самых ужасных проклятий... Необходимо, чтобы [мы] все молились Богу, держали наших людей от войны подальше»²⁶⁹. Ректор церкви Св. Марии, нарисовал апокалиптическую картину, которую повлечет за собой война: «Все ужасы войны в древние времена были ничем по сравнению с ужасами войны сегодня... Все ресурсы науки призваны к созданию «прекрасного» оружия для уничтожения человечества..., ни один город в Англии не находится теперь в безопасности»²⁷⁰. В округе Боуэрчок в Уилтшире преподобный Коллет написал в своем приходском журнале: «О КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЕ, которая, к сожалению, вспыхнула и возможно, затронет нашу страну, нужно сожалеть. Независимо от того, что явилось причиной её, важно, какими могут быть неизбежные последствия: кровопролитие и страдание для многих. Верно, что национальная честь должна быть поддержана, но, конечно, этого не достигнуть без потери жизни»²⁷¹.

Пока возможно было найти англиканское духовенство, открыто выступающее против идеи войны, большинство просто молилось за мир и

²⁶⁹ The Hull Daily Mail, 3 August 1914. P. 3.

²⁷⁰ The Cambridge Daily News, 4 August 1914. P. 4.

²⁷¹ Sawyer R. L. The Bowerchalke Parish Papers: Collett's Village Newspaper 1878-1924. Gloucester, 1989. P 29.

английское правительство, которое сможет найти верное решение. Антивоенные наступления были выражены намного ярче в проповедях и в резолюциях в неконформистских часовнях. Братство Масвелл-Хилла единодушно приняло резолюцию, призывающую правительство поддержать «благородное положение миротворцев»²⁷². В Лестере в двух христианских часовнях, «Объединенной свободной церкви» и «Баптистах», поместили обращение к премьер-министру Э. Грею, в котором призывали к нейтралитету Британии. Газета «The Banbury Advertiser» сообщила, что в большинстве храмов были вознесены специальные молитвы о прекращении конфликта, и что «Братство Гримсбери» приняло резолюцию, в которой оно «с ужасом взидало на бесчинства, творимые людьми, и болезненно переживало возможную угрозу христианству, вовлеченному в европейскую войну»²⁷³. В проповеди Унитарной Часовни в Банбери в середине августа говорилось, что «моральное развитие людей Европы отстает от их интеллектуального роста»²⁷⁴. В конечном счете, неконформистские церкви приняли войну как факт, хотя процесс был долгим²⁷⁵.

Социалистическая и профсоюзная оппозиция была широко распространена на территории Великобритании. 1 августа тринадцать профсоюзов призывали к протестам при помощи газеты «The Daily Herald». Утром в воскресенье, 2 августа, прошла встреча представителей профсоюзов в Лестере, на которой член совета Халлэм заявил, что «война не сделает капиталистов или рабочих более обеспеченными. Англия должна расположить на свою сторону российскую дипломатию»²⁷⁶. «The Daily Herald» на этот раз забыла о своем антагонизме и призвала «средний класс присоединиться к

²⁷² The Islington Daily Gazette, 6 August 1914. P. 5.

²⁷³ The Banbury Advertiser, 6 August 1914. P. 6.

²⁷⁴ The Banbury Guardian, 13 August 1914. P. 5

²⁷⁵ Подробнее см: Clements K.W. 'Baptists and the Outbreak of the First World War' // Baptist Quarterly, April 1975. P. 74-92. / McEwen . J. M. (ed.), The Riddell Diaries. L., 1986. P. 87-88, entry for 3 August 1914.

²⁷⁶ Gregory A. Op. cit. P. 22.

профсоюзам для предотвращения этого «преступного безумия» (войны)²⁷⁷. В целом, профсоюзы по всей Англии высказывались против вступления Великобритании в войну.

Джордж Кук, обращаясь к толпе на Бирмингемской стадионе вечером 2 августа, выразил свое возмущение потому, что страну пытаются вовлечь в ссору между Австрией и Сербией, используя более жесткую риторику: «Рабочие уже были втянуты в промышленное сражение за лучшие экономические условия, которое было намного более важным, чем вступление в войну со своими братьями на континенте»²⁷⁸. 2 августа Эрнест Бевин²⁷⁹ обратился к профсоюзу, встреча которого проходила на Клифтонских холмах Бристоля; в своем обращении он призывал к всеобщей забастовке против войны²⁸⁰. В городе Хаддерсфилд в тот же день прошел всеобщий сбор Лейбористской партии. В церкви Святого Георгия было проведено два собрания: утреннее и вечернее, созванное Независимой рабочей партией²⁸¹. Во встречи участвовали спикеры от Независимой рабочей партии (далее - ILP), Британской социалистической партии (далее - BSP²⁸²) и профсоюзов. По итогам собраний была принята резолюция, осуждающая «безумный конфликт». Резолюция Хаддерсфилда повторяла почти ленинское положение, призывая к революции в случае войны²⁸³.

²⁷⁷ The Daily Herald, 2 August 1914. P. 6.

²⁷⁸ The Birmingham Daily Post, 3 August 1914. P. 3

²⁷⁹ Эрнест Бевин (1881—1951) - британский профсоюзный руководитель и государственный деятель. К 1914 году стал одним из трёх ведущих организаторов общенационального профсоюзного движения.

²⁸⁰ Bullock A. The Life and Times of Ernest Bevin, vol. 1. L., 1960. P. 45.

²⁸¹ Независимая рабочая партия (ILP) - политическая партия в Великобритании учреждена в 1893 году, в Брэдфорде. ILP входила в состав лейбористской партии с 1906 по 1932 гг.

²⁸² Британская социалистическая партия (BSP) - Британская Социалистическая партия (BSP) являлась марксистской политической организацией, созданной в Великобритании в 1911 г. После затяжного периода фракционной борьбы, в 1916 году сторонники антивоенных сил получили контроль над партией. После победы большевиков в революции в России в конце 1917 года и окончания Первой мировой войны в следующем году BSP предстала как революционная социалистическая организация.

²⁸³ Pearce Op. cit. P. 68.

В Ислингтоне под покровительством местного BSP и ILP прошли две антивоенных встречи, на которых было решено пройти к Трафальгарской площади и присоединиться к мирной демонстрации. Вечером были приняты резолюции против войны. В Ист-Энде «Совет по торговле» проводил массовую встречу протеста у ворот доков²⁸⁴. По всей стране более 100,000 человек приняли участие в социалистических и лейбористских антивоенных демонстрациях 2 августа²⁸⁵. Член лейбористской партии Уилл Крукс обещал от имени партии лояльность правительству: «Мы боролись за мир в прошлом, но если война должна произойти, Вы и я должны взять на себя бремя..., наш долг состоит в том, чтобы заботиться о еде для людей, не допускать голода, сделать цены на продукты доступными, чтобы бедные могли купить их; мы должны заботиться о женщинах и детях. Не забывайте, что наши обязательства начинаются теперь. Мы должны выступить единым фронтом против врага»²⁸⁶. Речь У. Крукса громко приветствовали. Возникает вопрос, по какой причине речь У. Крукса вызвала восторг: из-за поддержки правительства или осуждения «цен на продукты»? Вероятно, что оба предположения имеют право на существование.

Чувства солидарности с Францией получили широкое распространение. В то же время в обществе существовала неприязнь к Российской империи и прямое презрение к Сербии, лучше всего иллюстрируемое заголовком в журнале «John Bull» «К черту Сербию»²⁸⁷. Антигерманские предубеждения были выражены во время кризиса, но существовали и прогерманские настроения среди населения Британии²⁸⁸.

Английское общество приняло, хотя и с большим трудом, факт необходимости вступить в войну и возможные жертвы ради неё. На страницах

²⁸⁴ The Islington Daily Gazette, 5 August 1914, p. 4; Daily Herald, 3 August 1914. P. 3

²⁸⁵ Boulton D. Objection Overruled. L., 1967. P. 33.

²⁸⁶ Kentish Mercury, 7 August 1914. P. 7.

²⁸⁷ John Bull, 8 August 1914. P. 6-7.

²⁸⁸ Gregory A. Op. cit. P. 24.

газеты «The Daily Herald» уже 5 августа появилось следующее: «Война была объявлена без согласия британцев, и против чувства подавляющей массы жителей страны»²⁸⁹. И действительно, общественность не была уверена до конца. Вывод о том, что британское общество было разделено и имело двойственную позицию в отношении перспектив войны во время августовских событий является примером социального кризиса начала XX века²⁹⁰. Отношение британцев к немцам имело тенденцию поляризоваться. Проинтервентские настроения сохранялись, в основном, до 2 августа, а антиинтервентские настроения у жителей Британии оставались без изменения до конца войны.

Настроения общества по вопросу возможной войны в довоенной Великобритании были менее определенными, чем в Германии. Можно сказать, что в Великобритании средний класс больше, чем рабочий класс, выступал за вмешательство в войну. Стоит отметить, что в столице было больше провоеннонастроенных людей, чем в провинции и соседних странах (хотя казалось, что Шотландия более подвержена патриотическому чувству, чем другие). Молодежь скорее была готова вступить в войну, по сравнению со старым поколением, которое было более сдержанно; англикане поддерживали войну больше, чем нонконформисты. Британская общественность не рассматривала идею вступления в войну в каких-то абстрактных понятиях. Общество высказало определённую позицию – вступление в войну необходимо!

Несмотря на попытки беллетристов конца XIX – начала XX века повлиять на массовое сознание жителей королевства, вложить в их головы мнение о враге – немце-гунне, лишь немногим публицистам, писателям удалось сформировать эти стереотипы в сознании британцев.

²⁸⁹ The Daily Herald, 5 August 1914. P. 4.

²⁹⁰ Gregory A. Op. cit. P. 25.

Газетная пропаганда накануне войны, связанная с милитаризацией Германии и необходимостью гонки вооружений, так же не принесла особых плодов. Отношение английского общества собственно к Германии накануне Великой войны также нельзя назвать открыто враждебным.

Накануне войны Германия вызывала у британцев опасения вследствие своей военной силы и агрессивно настроенной, жаждущей активных действий немецкой молодежи. Германия воспринималась британцами как достойный потенциальный соперник. Восприятие немцев как шпионов также подразумевало наличие у них ума, образования, быстроты реакции, умения находить общий язык с окружающими, знание иностранных языков.

То, что Германия могла стать врагом Англии в будущей войне, не противоречило общей «этнической» картине мира, привычной для британцев. Европейская война была бы столкновением двух высокоразвитых промышленных держав, населенных просвещенными людьми, воспитанными на западных ценностях и потому хорошо понимающими друг друга. С началом Первой мировой войны британская пропаганда предпринимала усилия, чтобы лишить немецкий народ главного для британцев качества – принадлежности к «своим», то есть к той же цивилизационной модели. Одна из самых популярных формул для объяснения британского вмешательства была изобретена известным писателем Г. Уэллсом и гласила «Война, чтобы покончить с войной» («War to End War»)²⁹¹. Эта универсальная формулировка, обеспечившая нравственный компромисс между пацифистской и милитаристской тенденцией, стала одним из самых распространенных пропагандистских клише в 1914-начале 1915 гг. «Если когда-либо и была война против войны, то это именно та война, в которую мы вступаем сегодня»²⁹², - писала в августе 1914 г. Газета «The Times», претендовавшая на роль рупора нации. При этом всячески подчеркивалась любовь англичан к миру и

²⁹¹ Wells H. War to end War. L, 1914; Уэллс Г. Меч Мира. Пг., 1915.

²⁹² The Times, Aug.16, 1914.

спокойствию: «Британский народ борется за прочный и устойчивый мир, мир был и есть его главной целью!»²⁹³, этот мотив был одним из ведущих в британской пропаганде в начале войны. Особых успехов в этом добилось новое оружие XX века – средства массовой информации.

Таким образом, антигерманская пропаганда со стороны Великобритании, началась еще до Первой мировой войны. Трудное экономическое и политическое положение Великобритании в последней трети XIX – начале XX века способствовали активному поиску внешнего врага, виновника всех бед. Эти поиски привели англичан к активно развивающейся Германии. Военной беллетристике этого периода удалось сформировать в умах простых англичан образы возможной международной войны, которая будет превосходить по количеству жертв и своему размаху все ранее известные столкновения. Писатели «паникерского» направления показали ранее неизвестного для Британии врага – Германию. Художественной литературе удалось развернуть интересную тематику: предложение обществу сценариев возможной войны. Британское правительство, общество и элита поверили писателям-публицистам о возможном столкновении мировых держав. Беллетристике удалось создать картину возможных военных событий и их исхода, как для Британии, так и для всей Европы.

Большинство населения Британской империи вплоть до начала войны все-таки сомневались в том, что столкновение между Германией и Великобританией состоится. Особую роль в формировании образа врага – «варвара гунна-немца» и возможного покорителя Европы, сыграли средства массовой информации, которые одновременно с беллетристикой, приняли активное участие в психологической обработке населения и подготовке его к потенциальному конфликту в Европе. Самым влиятельным оказался медиамагнат владелец «The Times» и «The Daily Mail» лорд Нортклифф.

²⁹³ Ibid. Aug. 10, 1914.

Несмотря на попытки лорда Норклиффа повлиять на общественное мнение, говоря о немецкой угрозе, внимание населения в годы перед Первой мировой войной было, в основном, сосредоточено на внутренних проблемах. Однако антигерманская военно-морская кампания в британской прессе накануне войны все же смогла сформировать определенный образ врага. Рост военно-морской мощи Германии, вызывал опасение не только у правительства, но и у гражданского населения.

До наступления Первой мировой войны общественное мнение в отношении Германии в британском обществе было разделено. Для одних немцы с их имперскими замашками являлись врагами Великобритании и всего остального мира, для других большая часть информации о возможной войне являлась ложью. Однако события лета 1914 года заставили всех поверить в то, что Мировая война на европейском континенте не только возможна, но и реальна. Оккупация Бельгии и война с Францией вынудила Великобританию не только вступить в войну на стороне Антанты, но и развернуть мощную антигерманскую пропаганду как внутри страны, так и за её пределами. Но для начала необходимо было создать соответствующие институты пропаганды и наладить их работу по созданию образа врага и войны в общественном сознании.

Глава II. Институты пропаганды Великобритании в годы Первой мировой войны

§1. «Запуск английской пропагандистской машины». Чарльз Мастерман и Бюро военной пропаганды

В Первой мировой войне Великобритания отставала от своего главного противника Германии в организации и силе пропаганды. Немцы десятки лет воспитывали своих граждан в духе милитаризма, готовили их к «большой войне» за «место под солнцем». Англия до самого начала войны сомневалась в необходимости ввязываться в европейский конфликт²⁹⁴.

В тоже время к началу войны британцы имели все возможности для максимально быстрого и успешного освоения искусства пропаганды: они обладали одной из лучших в мире систем сбора и распространения информации благодаря развитой национальной «независимой» прессе и обширному опыту в области международных коммуникаций по техническим и финансовым вопросам²⁹⁵.

Эти пропагандистские структуры были запущены не сразу сначала войны²⁹⁶. Потребовалось определенное время на осознание необходимости запуска механизма пропаганды для контроля над общественным мнением и на то, чтобы механизм начал работать на полную мощность. Английские исследователи М.Л. Сандерс и Ф.М. Тэйлор отмечали: «Точные причины участия британского правительства в военной пропаганде скрыты облаком неопределенности. В результате перед нами предстает картина быстрой импровизации, размытой ответственности и метод проб и ошибок. Британские чиновники, не знакомые с управлением общественным мнением, неожиданно оказались привлечены к работе, делать которую они мало хотели и еще меньше

²⁹⁴ Цит. по: Смирнова И.В. Указ. соч. С. 52.

²⁹⁵ Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. L., 1986. P. 122.

²⁹⁶ См. Приложение. Схема 1. // Sanders M.L., Taylor Ph.M. Op. cit. P. 266-271.

умели. До 1914 г. предпочтение отдавалось скорее секретности, чем публичности. Даже после начала войны правительство почти не озаботилось иным объяснением причин или оправданием британского участия в войне, кроме подготовки к публикации «Синей книги». Рост антагонистических настроений перед войной и волна патриотического энтузиазма поначалу избавили правительство от этой заботы»²⁹⁷.

Совсем иначе была организована немецкая пропаганда. В 1890 году английский журналист Уильям Битти-Кингстон взял интервью у О. Бисмарка в его имении в Фридрихсру. О. Бисмарк сказал репортеру, что «он с оптимизмом оценивает шансы на сохранение мира в Европе, и что он считает войну между Англией и Германией очень маловероятной»²⁹⁸.

Если бы это была всего лишь иллюзия, то эту иллюзию разделили бы многие профессиональные политики того времени. Канцлер Германии Тео фон Бетман-Гольвег, будучи англофилом, проводил политику разрядки с Англией, сотрудничал с министром иностранных дел Великобритании сэром Э. Греем, особенно во время балканского кризиса 1912-13 гг., с целью улучшения отношений и снижения напряженности. Их рабочие отношения были настолько успешны, что Грей в 1912 году говорил, что различия между Англией и Германией никогда не достигнут «опасных масштабов», пока немецкой политикой в Англии занимается Т. Бетман-Гольвег. В конце августа 1914 года, описывая состояние англо-германских отношений английскому послу в Берлине сэру Эдварду Гошену, министр иностранных дел Э. Грей обозначил их так: «очень печально, видеть, как отношения двух стран рушатся как раз в тот момент, когда они стали более дружественными и сердечными, чем они были в

²⁹⁷ Ibid. P. 15.

²⁹⁸ [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://encarta.msn.com/sidebar_1741503243/Interview_with_Prince_Otto_von_Bismarck.html

течение многих лет до этого»²⁹⁹. Э. Грей имел ввиду дружеские отношения между политическими лидерами стран.

К сожалению, после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево международные отношения и, в частности, отношения между Германией и Великобританией ухудшились; период дружбы и сотрудничества между двумя ведущими европейскими державами закончился. Началась Первая мировая война, которая позволила по-новому взглянуть на бывших друзей и врагов. Практически сразу после начала войны политические, культурные и экономические отношения между Англией и Германией были прекращены. Начался период активной пропагандистской войны, продолжавшийся вплоть до окончания Великой войны.

Великобритания сразу начала действовать. Распоряжение премьер-министра Великобритании Г. Асквита о выведении из строя трансатлантического телеграфа Германии было выполнено без промедления, но решение несколько запоздало. Через пару дней после начала войны Г. Асквит получил тревожные сведения из Соединенных Штатов. Ему докладывали, что немецкие агенты, действуя в тайне до объявления войны, создали местное пропагандистское агентство – «Германское информационное бюро» (German Foreign Office). Его целью была публикация благоприятных для имиджа Германии историй непосредственно в газетах США и других нейтральных стран. Кроме того, немецкий МИД создал и финансировал «Центральное бюро иностранных служб» (Zentral stele für Auslands dienst) под руководством Маттиаса Эрцбергера, лидера католической партии и члена рейхстага. Эти пропагандистские организации были созданы при непосредственном

²⁹⁹ Great Britain and the European Crisis: Correspondence and Statements in Parliament, together with an Introductory Narrative of Events // Sir Edward Grey to Sir E. Goschen, British Ambassador at Berlin. // Foreign Office, August 4, 1914. № 159. P.79. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1756>

подстрекательстве и содействии канцлера Германии Т. Бетмана-Гольвега³⁰⁰, что для англичан оказалось удивительным.

По данным полученным из США, бюро занималось якобы сбором и изучением зарубежных печатных работ. В действительности его главной задачей было распространять печатные немецкие материалы по всему миру - скупать перспективные прогерманские материалы и пропагандистские работы различных издателей. Среди них – брошюры, книги, официальные документы, речи, сборники поэзии, военные, фантастические и детские книги. Было также несколько немецких газет и журналов, распространяемых за рубежом, особенно «The Continental Times», которая имела тираж в 15000 экземпляров в 1916 году; ежемесячник «Kriegs-Chronik» (Военная хроника), 12000 экземпляров, которого издавались на английском языке; «Der große Krieg im Bildern» (Великая война в фотографиях), переведенная на шесть языков, включая английский и еженедельник «Illustrierter Kriegs-Kurier» (Иллюстрированный военный курьер). Бюро было особенно заинтересовано в распространении фотографий, потому что наглядная агитация не нуждалась в переводе и фотографии могли влиять на эмоции людей напрямую. Позже, во время войны стали распространяться пропагандистские фильмы, демонстрируемые в кинотеатрах по всей стране, некоторые из которых тайно принадлежали бюро³⁰¹. После начала войны в ноябре 1914 г. немцы провели опрос 367 американских редакторов газет и журналов. Оказалось, что союзников поддерживали 105 редакторов, а немцев поддержали лишь 20, остальные заняли нейтральную позицию³⁰². Это говорило об ошибках немецкой пропаганды и укреплении авторитета стран союзниц в США, в первую очередь благодаря успешной английской антигерманской пропаганде за рубежом.

³⁰⁰ Epstein J. German and English propaganda in World War I. // New York Military Affairs Symposium .CUNY Graduate Center/ NYMAS. December 1. 2000. P. 2.

³⁰¹ Ibid. P.3.

³⁰² Kunczik M. “British and German Propaganda in the United States from 1914-1917. N.Y., 1998. P. 25.

Такая огромная, хорошо финансируемая и организованная работа организации застала британцев врасплох, показав им степень их неподготовленности. Лишь в 1922 г. стало известно, насколько серьезно Германия скрывала эту организацию, когда Джордж Крил³⁰³ написал статью в журнале «Popular Radio». Он писал: «Компетентные русские источники заверили нас, что агентурная сеть в Берлине потратила на пропаганду 500 млн. долларов, их расходы в Испании составили 60 млн. долларов. Они потратили 5 млн. долларов для подкупа парижской прессы; суммы, израсходованные в Мексике, исчисляются миллионами, не говоря о других странах. Я знал, что им принадлежат или они субсидируют ежедневные газеты в большинстве важных городов Испании, Южной Америки, Востока, Скандинавии, Швейцарии и Голландии; что их публикации, выпущенные на разных языках, начиная от брошюр до самых дорогих книг и альбомов, ... в каждом большом городе в каждой стране шпионы Германии давали взятки»³⁰⁴.

Расходы, о которых заявил Дж. Крил, составляли миллиарды долларов. Для сравнения, инвестиционные вливания британского правительства в пропаганду на начальном этапе войны выглядели на немецком фоне как «карманные деньги», всего лишь несколько миллионов фунтов. Английское правительство просто полагалось на джентльменское соглашение с агентством «Рейтер» относительно своих объявлений в мировой прессе. Англия, обильно оснащённая десятками трансатлантических телефонных и телеграфных

³⁰³ Джордж Крил (George Creel) (1876 - 1953). Джордж Крил формировал общественное мнение в США накануне её вступления в Первую мировую войну. Дж. Крил являлся помощником президента В. Вильсона. Когда в 1917 году конфликт с Германией стал неизбежным, Вильсон сильно беспокоился об отношении американской общественности к войне и хотел ввести закон о цензуре, который дал бы ему полный контроль над неуправляемой прессой. Дж. Крил убедил президента, что страна должна развивать последовательную провоенную политику. Он предупредил Вильсона в том, что общественное мнение американцев запутанно перекрестной пропагандой Германии и Антанты. Дж. Крил организовал Комитет Общественной информации.

³⁰⁴ Creel G. The Battle in the Air Lanes // Popular Radio, September, 1922. P. 7.

кабелей, не использовала их. Теперь же в короткие сроки нужно было составить конкуренцию германской пропаганде.

Для этого премьер-министр Г. Асквит обратился к молодому, разбирающемуся в медиа вопросах, канцлеру казначейства Дэвиду Ллойд Джорджу. Ллойд Джордж был одним из первых политиков, который понял, что средства массовой информации играют важную роль, и он активно пользовался ими в своих политических целях. Г. Асквит оценил тот успех, которого недавно достиг Д. Ллойд Джордж, манипулируя общественным мнением при помощи средств массовой информации. В 1911 г. он продемонстрировал возможное использование государственных финансовых средств для создания организации, способной влиять на общественное мнение³⁰⁵.

Речь идет о принятом в 1911 г. парламентом Законе национального страхования, который стал одним из основных краеугольных камней социального государства в Великобритании. Закон, который отстаивал Д. Ллойд Джордж и либеральное правительство, давал британским мужчинам и женщинам рабочего класса накопительную систему страхования на случай болезни и безработицы. Закон был весьма спорным и вызвал серьезные опасения среди врачей Великобритании, которые считали, что их попросту будут использовать в такой системе. Чтобы противостоять этому и доказать свою правоту, Д. Ллойд Джордж создал Национальную комиссию страхования для наблюдения за введением закона. Эта Комиссия стала первой правительственной «пропагандистской машиной». Стали активно издаваться газетные статьи, брошюры, по всей стране читались лекции в защиту этого законопроекта³⁰⁶. Во главе комиссии Д. Ллойд Джордж поставил члена парламента от Либеральной партии, молодого журналиста Ч. Мастермана. Чарльз Мастерман показал себя способным руководителем, быстро создав себе

³⁰⁵ Milton R. Best of enemies Britain and Germany: 100 years of truth and lies. Cambridge, 2007. P. 25.

³⁰⁶ Epstein J. Op. cit. P. 8.

команду, которая развернула работу по обеспечению голосов в поддержку закона и вскоре почти вся Британия голосовала в пользу этого законопроекта.

Д. Ллойд Джордж вновь вспомнил о Ч. Мастермане в 1914 г., когда ему было необходимо создать новую правительственную структуру в обстановке полной секретности. Эта структура должна была бороться с немецкой пропагандистской угрозой. Штаб-квартирой новой организации «Бюро военной пропаганды» (British War Propaganda Bureau) был выбран Веллингтон Хаус (Wellington House) в Лондоне, надлежащим образом замаскированный под национальное бюро страхования. Вскоре он стал известен тем немногим, кто знал о его существовании под именем «Веллингтон Хаус»³⁰⁷.

Веллингтон Хаус первоначально печатал брошюры и делал обзор прессы, но позже стал издавать пропагандистские газеты, выпускать фильмы, делать специальные фото выпуски. К июню 1915 г. было произведено около 2.5 миллионов экземпляров различной пропагандистской литературы на 17 языках. Год спустя

Однако, помимо Веллингтон Хаус, за годы войны была сформирована целая система британской военной пропаганды. Пропагандистская работа велась правительством, прессой и частными патриотическими организациями по трем основным «секторам»: пропаганда в Великобритании, пропаганда за границей (в некоторых случаях она делилась на иностранные государства и доминионы) и работа в области цензуры.

В государственном аппарате за первый «сектор», «домашнюю» пропаганду, отвечал Парламентский Вербовочный комитет, созданный в конце августа 1914 г. Это был координационный орган в составе правительства, организованный для управления как правительственными, так и бесчисленными частными организациями, действовавшими по всей стране. Комитет поощрял местные собрания, выступления членов партий, к марту 1915

³⁰⁷ Sanders M.L. Taylor P.M. Op. cit. P. viii.

³⁰⁸ Taylor P.M. English History 1914-1945. L., 1970. P. 38.

г. он выпустил 2 миллиона плакатов и 20 миллионов листовок³⁰⁹. Правительство старалось воздействовать на различные слои населения. Второй «сектор» фактически был полностью правительственным. За пропаганду на территории противника отвечали организации, созданные на базе министерств подотчетных правительству. В сентябре 1914 г. Ч. Мастерман был назначен директором Бюро военной пропаганды – Веллингтон Хаус. Веллингтон Хаус состоял из подразделений, основанных по языковому принципу. Пропаганда в США была очень важна, так как именно от её решения, чью сторону поддержать в конфликте, фактически зависел исход войны. Пропагандой занималось специальное отделение, которым управлял писатель и член парламента сэр Гильберт Паркер³¹⁰.

С «заграницей» работали еще две организации: Комитет прессы нейтральных государств, который предоставлял иностранным изданиям информацию о положении дел на фронте и Департамент новостей, в его ведении были официальные заявления по вопросам внешней политики Великобритании³¹¹. В 1916 г. комитет был включен в состав Департамента, при этом Бюро военной пропаганды перешло в ведение Министерства иностранных дел. В начале 1917 года на основе этих организаций под эгидой Министерства Иностранных Дел был создан Департамент информации³¹². Он имел более разветвленную структуру, включавшую в себя отделы по работе с литературой, прессой, кино, национальные подсекции.

За третий «сектор», связанный с работой цензуры, почти с самого начала войны отвечало Пресс Бюро во главе с Ф.Е. Смитом. Необходимость в цензуре была осознана раньше всего, поэтому бюро было образовано уже 7 августа 1914

³⁰⁹ Beckett Ian Frederick William A Nation in Arms: A Social Study of the British Army in the First World War. Manchester, 1985. P. 100.

³¹⁰ Sanders M.L., Taylor Ph.M. Op. cit. P. 40.

³¹¹ Epstein J. Op. cit. P. 7-8.

³¹² Clark F. The Central office of information. L., 1970. P. 23.

г³¹³. 30 сентября 1914 года Ф.Е. Смита заменил Стенли Бакместер. Его помощниками стали Фрэнк Суиттенхэм и Эдвард Кук, который, что примечательно, был журналистом. В мае 1915 г. они стали со-директорами ведомства.³¹⁴

На завершающем этапе войны появилась новая пропагандистская структура, занимавшаяся пропагандой во враждебных странах, так называемый Дом Крю (Crew House), руководителем которого стал уже упоминавшийся лорд Нортклифф. Однако это учреждение возникло не спонтанно. В начале 1918 г. британское правительство решило, что высокопоставленный правительственный деятель должен взять на себя ответственность за пропаганду. Под руководством лорда Нортклиффа были такие известные люди того времени, как Г. Уэллс, Р. Сетон-Уотсон, Г. Уикхем. Все пропагандистские учреждения, несмотря на протесты, были ликвидированы в конце 1918-1919 гг. Это было естественно, поскольку война закончилась.

Некоторые пропагандистские организации отвечали за деятельность несколько «секторов». В начале 1915 года под эгидой Министерства иностранных дел было образовано подразделение M07 (с 1916 г. - MI7) под командованием подполковника В. Дейвиса до декабря 1916 г., а впоследствии майора Д. Фишера. Оно работало по четырем основным направлениям: 1) цензура всех военных материалов в прессе и фильмах, что предполагало тесное сотрудничество с Пресс Бюро; 2) общая пропаганда в прессе; сбор и публикация технической военной информации; военная пропаганда на территории доминионов; распространение пропагандистских материалов с помощью воздухоплавательных средств; проводная и беспроводная военная пропаганда, это направление было наиболее важным 3) организация визитов на фронт; 4) краткая информация о содержании иностранной прессы³¹⁵. При этом,

³¹³ Sanders M.L., Taylor Ph.M. Op. cit. P. 20.

³¹⁴ Ibid. P. 23.

³¹⁵ Ibid. P. 52.

обязанности многих организаций пересекались, взаимодействие было недостаточно четким, их часто критиковали за неэффективность и неслаженность работы. Создание Департамента информации стало попыткой решить проблему координации, однако он не снял многие вопросы» и централизация ведомств продолжилась. 21 августа 1917 года для «надзора над пропагандой» был назначен сэр Эдвард Карсон³¹⁶.

Уже на конечном этапе войны в марте 1918 года было создано Министерство информации. Оно должно было «управлять мыслями большей части мира»³¹⁷. Его руководителем стал лорд Бивербрук. Деятельность министерства была сконцентрирована на трех направлениях: 1) пропаганда в Великобритании и за границей (была поделена географически: Соединенное королевство, иностранные государства и зона военных действий); 2) второе подразделение отвечало за связи с общественностью; 3) третье работало над «личной» пропагандой и приглашением заинтересованных лиц. Однако Национальный комитет постановки военных целей (National War Aims Committee - NWAC), до этого фактически единолично заведовавший пропагандой на территории Великобритании, выступал против наделения этого органа столь широкими полномочиями и рекомендовал не принимать участия в пропагандистской деятельности в тылу³¹⁸. В Великобритании NWAC также должен был вести конкурентную борьбу против пацифистской пропаганды.

Такой представляется аппаратная структура британской пропаганды в годы войны. Ч. Мастерман возглавил Веллингтон Хаус и начал работать с присущей ему энергией. Он нашел людей, которых завербовал еще три года назад, и в течение нескольких недель многие из молодых политтехнологов, которые до этого сидели за пишущими машинками и на телефонах в Национальной комиссии по страхованию, оказались в Веллингтон Хаус и стали

³¹⁶ Ibid. P. 68.

³¹⁷ Ibid. P. 78.

³¹⁸ Ibidem.

ломать головы над тем, каким способом повлиять на зарубежную прессу, особенно в Соединенных Штатах³¹⁹. Поддержка Антанты или Тройственного союза со стороны Америки могла поменять расклад сил, и предоставить решающий перевес одной из сторон.

Однако вскоре Ч. Мастерман понял, что для активной и успешной пропаганды ему необходимо привлечь людей публичных, известных, а именно писателей, чьи имена общественность уже знала и кому доверяла. 2 сентября 1914 г., менее чем через месяц после вступления Великобритании в войну, Ч. Мастерман пригласил выдающихся литераторов Великобритании на встречу в Веллингтон Хаус, чтобы обсудить темы, представлявшие интерес для Британии и, что более важно, получить возможность заручиться их согласием принять участие в работе Бюро. Среди 25 известных людей, приглашенных на встречу, были Артур Конан Дойл, Джеймс Барри, Арнольд Беннетт, Джон Бакен, Джон Мейсфилд, Форд Мадокс Форд, Г.К. Честертон, сэр Генри Ньюболт, Джон Голсуорси, Томас Харди, Редьярд Киплинг, Г.М. Тревельян и Герберт Уэллс. Это походило на встречу оксфордских коллег, специалистов по английской литературе³²⁰.

Встреча состоялась в обстановке полной секретности (заметим, что факт существования Бюро военной пропаганды был обнародован только в 1935 г.). Такой длительный период секретности был связан с тем, что правительство всячески пыталось скрыть свое участие в пропаганде. Безусловно, не стоит сбрасывать со счетов и то, что чувства авторов, принявших участие в пропаганде, уважались, так как они позволили использовать свой литературный талант на благо государственной политики. В секретном документе, написанном «посвященным» лицом, говорилось, что: «Существование пропагандистского издательского учреждения Веллингтон Хаус, и, тем более, связь правительства с этим учреждением, тщательно скрывалась. За

³¹⁹ Taylor A.J.P. Op. cit. P. 35-36.

³²⁰ Sanders, Taylor Op. cit. P. 39.

исключением официальных публикаций, нигде в литературе не было подтверждения о действительном происхождении Веллингтон Хаус. Более того, неофициальная литература попадала на прилавки везде, где это только было возможно, и в том, случае если она посылалась бесплатно, она являлась неофициальной, то есть посылалась от неопределенного человека..., чьему-то личному патриотизму посылка этой литературы казалась обязательной»³²¹.

В результате сентябрьского заседания ряд авторов согласились выпускать книги, статьи и брошюры, отражающие британские интересы и цели войны. Еще более важно было то, что они передавали свои работы в бюро для редактирования и цензуры. Так же была достигнута договоренность, что их труды будут публиковать в коммерческих издательствах: «Hodder & Stoughton», «Methuen, Oxford University Press», «John Murray», «Macmillan» и «Thomas Nelson».

Одним из писателей, вдохновленным происходящим и желанием принять участие в подпольной войне, был Джон Бакен, автор шпионских рассказов, в том числе рассказа «39 ступеней». Для Бюро это было очень выгодно, так как Д. Бакен являлся государственным служащим, к тому же он был директором собственного издательства «Thomas Nelson». Благодаря своей работе с Бюро Бакен стал шпионом в «реальной жизни»³²², а с 1916 года он вступил в ряды британской разведки. Д. Бакен закончил войну в должности директора Министерства информации.

Безусловно, главным результатом этой встречи было появление множества объявлений в нью-йоркских газетах, подписанных всеми крупными литераторами. В письмах писатели выражали сожаление по поводу военных

³²¹ Marlin R. Propaganda and the Ethics of Persuasion. N.Y., 2002. P. 64.

³²² Помимо службы он, занимаясь профессиональной и политической деятельностью, написал много книг. Бакен публиковал биографии («Вальтер Скотт», «Оливер Кромвель» и «Юлий Цезарь»), очерки (о шотландской церкви и британских колониях в Африке), автобиографические тексты и шпионские романы: «39 ступеней» 1915 г., где впервые появляется персонаж Ричард Ханней.

действий Германии, а также её нецивилизованного поведения. Это было очень важным для получения американской поддержки. Хотя спонтанное выражение патриотизма писателей, конечно, дело рук «Веллингтон Хаус».

Через неделю после встречи с литературными звездами, 11 сентября, Ч. Мастерман провел второе заседание, на этот раз с редакторами ведущих газет, среди которых были «Pall Mall Gazette» и «The Standard». Одним из результатов этой встречи стало формирование нейтрального комитета прессы под руководством Г. Маира, ранее занимавшего должность заместителя редактора «The Daily Chronicle». Работа Г. Маира состояла в том, чтобы организовать обмен новостями между британскими и иностранными газетами; содействовать продаже британских газет за рубежом; распространять новостные статьи среди дружественных зарубежных газет и журналов; и передавать новости за рубежом с помощью телеграмм и беспроводного вещания - радио. Подразумевалось, что новости будут транслироваться в США через радио передатчики, принадлежавшие «British Marconi» (компании, которая после войны стала главным акционером Би-Би-Си (BBC))³²³. По итогам встречи с прессой было высказано следующее: «Очень важно, чтобы были устранены все ненужные препятствия для быстрой передачи новостей, и чтобы все мнения, которые появились или будут появляться в английских газетах передавались на телеграф без дальнейшей цензуры или задержек в Лондоне»³²⁴. Последняя конференция выпустила 4 резолюции, согласно которым:

«1. Важно устранить все препятствия, мешающие быстрой и свободной передаче новостей; важно передавать все срочные извещения при помощи телеграфа и телефонной связи без цензуры или задержек со стороны Лондона.

2. Правительство должно приложить все усилия, чтобы предоставить специальные средства обмена новостями посредством телеграфа и

³²³ Sanders, Taylor Op. cit. P. 33.

³²⁴ Ibidem.

радиопередачи из Англии в нейтральные страны, особенно в те страны, которые беспрепятственно распространяют немецкие новости.

3. Рекомендуется назначить чиновника из Министерства иностранных дел, чтобы он принимал лондонских корреспондентов и представителей газеты в доминионах и нейтральных странах и давал им такую информацию какая, по мнению Министерства иностранных дел, желательна....

4. Необходимо обеспечить послов и министров профессиональной помощью со стороны журналистов, чтобы они могли отличить истинные факты от фальсифицированных, если они использованы в заявлениях, сделанных на территории нейтральных стран.»³²⁵.

Военный Пропагандистский Совет был официальной организацией, ответственной за британскую репутацию и сенсационность её пропаганды. Несмотря на эти соглашения, обстановка в Бюро оставалась нервной, ибо доверять прессе и на первых порах было достаточно проблематично. Бюро сосредоточило свою работу, главным образом, на издании недорогих брошюр.

Работу Бюро удалось достаточно быстро организовать, но успех пришел не сразу. Первая серьезная провальная попытка участия Бюро в издательской деятельности стала «ошибкой новичка», более того, в течение короткого времени им удалось запятнать свою репутацию. Эта попытка имела так же серьезные последствия для англо-германских отношений. В мае 1915 года Бюро опубликовало брошюру под названием: «Доклад о немецких зверствах». Доклад должен был стать независимым и объективным официальным обзором «истории о зверствах» немцев в Бельгии в начале войны: убийстве младенцев, насилии над монахинями и отсечение детских рук и ног и т.д. Опубликование этих историй инициировало судебное расследование правительства

³²⁵ Foreign Office: Political Departments: General Correspondence from 1906-1966 // Conference with representatives of the London press, summoned by C.F.G. Masterman, held at Wellington House, Buckingham Gate on 7 September 1914, FO 371/2209. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 25.05.2015).

Великобритании. Был создан комитет под председательством виконта Дж. Брайса, бывшего посла Великобритании в США и известного историка. Вследствие тайного участия Бюро, доклад стал чем-то гораздо более значимым, чем просто элемент черной пропаганды, включая истории, которые зачастую не имели официального подтверждения³²⁶. Подробнее «истории о немецких зверствах» мы рассмотрим в третьем параграфе второй главы.

Хотя после этой неудачной попытки доверие и было потеряно, Ч. Мастерману вскоре удалось оправдать ожидания Д. Ллойда Джорджа. Бюро подготовило список, включающий более 1100 брошюр и книг, которые были написаны «звездными» авторами. В список вошли «К оружию!» сэра Артура Конана Дойля, «Варварство в Берлине» Г.К. Честертона, «Новая армия» Редьярда Киплинга, «Две Карты Европы» Илера Беллока, две работы Арнольда Беннетта: «Свободы, Британское случайное заявление» и «Военные сцены на Западном фронте», «Равнодушная Англия?» Гилберта Паркера, «Галлиполи» и «Старая линия фронта» Джона Мэйсфилда. Герберт Уэллс выпустил несколько книг, но самый большой вклад в военную пропаганду сделан им в 1914 году. Название его книги стало самым запоминающимся лозунгом конфликта и превратила убийства на Западном фронте в почетную цель: «Война против войны»³²⁷.

Джон Бакен написал две работы «Битва в Ютландии» и «Битва на Сомме». Большой успех пришел к нему, когда он откликнулся на запрос Ч. Мастермана написать роман о шпионах, так как в 1915 году Великобританию охватила шпиономания. Бакен создал свой шедевр – приключенческий шпионский рассказ «39 шагов». Созданная за короткое время и умно выстроенная история, главным героем которой стал Ричард Ханней, имела огромный успех у публики. Успех был так велик, что в 1916 году Д. Бакен выпустил продолжение, «Greenmantle» («Зеленый плащ»), другой рассказ о

³²⁶ Milton R. Op. cit. P. 30.

³²⁷ Wells H.G. The war that will end war. L., 1914.

шпионах и международных интригах, с уже полюбившимся главным героем Р. Ханнем. В 1916 году ненависть в отношении Германии достигла апогея, и у Бакена оказалось много возможностей, чтобы создать текст, полностью отвечающий требованиям черной пропаганды. Во-первых, он создал карикатурный образ немецкого офицера, полковника фон Штумма, с обязательными атрибутами человека с круглой головой и моноклем, и с характерной манерой запугивания. Создав образ полковника, Бакен предлагает сцену, из которой мы узнаем, что мерзкий фон Штумм не что иное, как женоподобный гомосексуалист, который обливает себя дешевыми духами и пытается соблазнить нашего героя, британского секретного агента Р. Ханнея.

«Это была комната человека, которому была присуща страсть к мишуре, и который имел извращенное пристрастие к мягким нежным вещам. Все это дополняло его блеф и жестокость. Я начал видеть странную другую сторону моего хозяина, странность, сплетни о которой ходили в немецкой армии»³²⁸.

Р. Ханней не понимает, как порядочному англичанину реагировать на такого рода животное поведение и в итоге он бьет фон Штумма по носу и убегает. Очевидно, что немецкая армия была наиболее подготовленной, высококвалифицированной и дисциплинированной, но были и такие кадры как фон Штумм, которые были, мягко говоря, странными. В другом эпизоде Р. Ханней путешествует по военной Германии и ему удается встретить кайзера, который пребывает в дурном настроении. Это видно по изможденному, измученному выражению лица кайзера, он «устал» и Германия уже проиграла, хотя это только начало 1916 года³²⁹. Гомофобия – элемент викторианства, создающий негативный образ врага. Такие сюжеты были характерны для жанра военной фантастики. Бакен любил демонстрировать свой патриотизм и умело извлекал из этого выгоду. В «Иллюстрированной истории войны» Д. Бакен говорил своим читателям в 1915 г., что немцы были на грани поражения, а

³²⁸ Buchan John, Greenmantle. L., 1915. P. 65.

³²⁹ Ibid. P. 63.

потери составили более 1,3 млн. солдат по сравнению с британскими в 100,000 человек. Это был выдуманный факт, однако он был положительно воспринят правительством и использован в пропаганде³³⁰.

Сэр Артур Конан Дойл также ответил на просьбу Ч. Мастермана. Он превратил самого известного детектива в мире в героя военной истории. После выхода на пенсию Шерлок Холмс, используя свой грозный дедуктивный метод, захватил самого опасного шпиона Германии фон Борка, совершив подвиг во имя Великобритании. Роман был написан в 1917 году и пользовался популярностью³³¹.

Хотя такие авторы, как Д. Бакен и К. Дойл, охотно подыграли пропагандистской политике правительства, некоторые из их издателей не были рады этому факту. В своих послевоенных мемуарах Джозеф Дент сообщил: «Я не могу сказать, что мое сердце билось чаще, когда я думал о моей стране и справедливости». Стэнли Унвин признался в «The Truth About»: «Так велики были предрассудки военного времени, что многие книготорговцы отказались складировать или обрабатывать поступавшие в большом количестве пропагандистские работы»³³². Хотя пресса обманывала общественность, и большинство членов правительства оставались в неведении, и принимали постоянно растущий поток антигерманской литературы как спонтанное выражение чувств «обиженных людей»³³³.

Эти усилия пропагандистов нашли свое отражение в Берлине. Немецкие писатели, журналисты и художники были «привязаны» к государственной службе. Выполняя свою работу, они превозносили германское мужество,

³³⁰ Hammond M., Towheed S., Publishing in the First World War. L., 2007. P.192.

³³¹ Doyle A.C. His Last Bow: An Epilogue of Sherlock Holmes. L., 1917.

³³² Unwin S. The Truth about a Publisher.L.,1946.P. 54.

³³³ Hammond M., Towheed S., Op. cit. P. 15.

самопожертвование и воинскую доблесть и уничижали вероломство, трусость и военные неудачи Великобритании³³⁴.

Мощные пропагандистские машины Великобритании и Германии имели три основные стратегические цели. Во-первых, они были направлены на деморализацию противника, его вооруженных сил и гражданского населения, сбой в работе прессы, и сбрасывание листовок с воздуха, хотя, как будет описано ниже, Великобритания в конце войны разработала более хитроумные методы.

Во-вторых, они были направлены на свое собственное гражданское население для достижения целого ряда целей, которые множились в силу затягивания войны. К ним относятся пропагандистская обработка гражданского населения, дабы заручиться их поддержкой и иметь возможность бороться, получая моральное одобрение гражданских лиц, не участвующих в войне; развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, и убеждение людей покупать военные облигации для финансирования войны.

В-третьих, они были направлены на получение поддержки от нейтральных стран. В этом отношении, как у Великобритании, так и у Германии, имелась одна основная пропагандистская цель – Соединенные Штаты Америки. Если Германия должна была убедить США оставаться нейтральным, так как для немцев это был хороший шанс заставить Британию и Францию прекратить войну и достичь выгодного для себя мира путем переговоров. Великобритания, в свою очередь, должна была убедить США вступить в войну на стороне союзников, тогда была велика вероятность того, что Германия смогла бы быть уничтожена в военном отношении.

В течение последующих четырех лет сотрудники Веллингтон Хаус действовали как «цензурное сито», через которое проходили все заявления для прессы и все новости для внешнего мира. За небольшим исключением было

³³⁴ Milton R. Op. cit. P. 33.

предпринято незначительное число попыток фальсифицировать новости, но цензура при тщательном анализе представляла их с благоприятной для союзников стороны. Плохие новости не печатались или помещались на последних страницах, а любые немецкие успехи принижались. Справедливости ради стоит добавить, что поступая так, редакторы газет просто вели бизнес, как обычно, давая своим читателям новости, которые они хотели бы услышать.

В 1915 г. Ч. Мастерман выбрал пять журналистов, которые стали официальными военными корреспондентами британской армии. Они должны были представлять все свои доклады цензору, С.Е. Монтегю, бывшему журналисту «The Manchester Guardian». Одним из этих пяти был Филипп Гиббс, журналист, связанный с прессой лорда Нортклиффа, он получил разрешение работать самостоятельно на Западном фронте в начале 1914 года. Однако военное ведомство решило, что будет контролировать все военные отчеты при помощи цензуры, и приказало Гиббсу вернуться обратно в Англию. Ф. Гиббс отказался, был арестован и отправлен домой.

Однако по иронии судьбы, как писал Ф. Гиббс после войны, опасения военного ведомства были беспочвенными, и в официальных цензорах не было необходимости. «Мы абсолютно отождествляли себя с армией в разных областях. Мы стерли из наших умов всю мысль об удобствах и побороли искушение написать хоть одно слово, которое сделает работу чиновников и солдат более трудной или опасной. Не было никакой потребности в цензуре наших писем и сообщений. Мы были сами себе цензоры»³³⁵.

Ч. Мастерман ввел ряд правил для «участников» военной пропаганды. Эти правила соблюдались не только его звездными авторами, корреспондентами, но и британской прессой. Нельзя было публиковать никаких военных фотографий, кроме тех, которые были предоставлены двумя официальными фотографами, которых он лично назначил и отправил во

³³⁵ Цит. по: Wintour B. Britain and the Great War, 1914-1918: A Subject Bibliography of Some Selected Aspects. L., 2014. P. 190.

Францию. В частности, запрещались фотографии погибших солдат, чтобы не расстраивать британских жен и матерей.

Ч. Мастерман предвидел, что если позволить выпускать неограниченные военные фото, то это будет очень опасным для общественной морали (телевизионные картины в годы войны во Вьетнаме заставили американское общественное мнение высказаться против участия США в войне). Запрет на фотографирование был исполнен и очень серьезно контролировался, офицерам и солдатам на Западном фронте периодически напоминали об этом в бюллетенях. Например, приказ № 1137 уведомлял, что ни один офицер или солдат (или другое лицо, подлежащее военному праву) не должен иметь при себе фотокамеру»³³⁶. Иначе владение и использование фотокамеры на фронте грозило суровым наказанием, вплоть до расстрела. На практике эти правила широко игнорировались, и лондонский Имперский военный музей сегодня имеет в своей коллекции несколько миллионов фотографий, сделанных военнослужащими на фронте. Хотя было сделано множество фотографий, к печати допускались только те, которые были одобрены Бюро, остальные фото становились засекреченными или уничтожались.

У любого человека, который видел фотографии с Западного фронта, не прошедшие цензуру, не возникало никаких сомнений в том, что решение Ч. Мастермана было верным. Многие из сцен, снятых солдатами были совершенно отвратительными, а при описании их содержания появляется чувство дискомфорта. Сейчас существует небольшой частный военный музей на месте «Hill 60», в трех милях к юго-востоку от Ипра, где с помощью специального оборудования можно рассматривать сотни современных монохромных слайдов. Английский историк Ричард Милтон, однажды посетил этот музей: «Я до сих пор хорошо помню посещение музея лет двадцать назад с тремя друзьями, которые, как и я, увлекались историей Первой войны и

³³⁶ Milton R. Op. cit. P. 35.

стремились узнать больше. Я также вспоминаю, что после ухода ни один из нас не говорил, а там действительно было много того, о чем мы не могли говорить»³³⁷.

Общий запрет на снимки был, как ни парадоксально, деструктивно повлиял на работу пропаганды, потому что визуальный материал производил гораздо более мощное впечатление, чем только слова, особенно для таблоидов, которые читала широкая общественность.

В 1916 г. Ч. Мастерман пошел на эксперимент, который позволил привлечь еще больший интерес мирного населения к военным действиям. Он предложил сотрудничество талантливому художнику Мюрхерду Боуну³³⁸ и отправил его во Францию. Около 150 рисунков художника были успешно восприняты английской общественностью. Визуальные пропагандистские материалы приносили успех, так как зачастую неграмотному сельскому населению было проще воспринимать военную пропаганду «глазами», да и безусловно результат от рисунков или кинолент был куда более эффективным, чем статья в газете. Ч. Мастерман решил продолжить эксперимент.

В следующем году значительно больше художников было отправлено за границу, примерно 90 человек. Среди них были такие известные персоны, как Уильям Орпен³³⁹ и Уильям Розенштейн³⁴⁰. Однако, несмотря на свободу действий, их работы подвергались тщательной цензуре. Один из художников,

³³⁷ Цит. по: Milton R. Op. cit. P. 36.

³³⁸ Боун Мюрхерд (1876-1953), английский офортист, рисовальщик, литограф и живописец. Родился 23 марта 1876 в пригороде Глазго (Шотландия).

³³⁹ Сэр Уильям Невэнхем Монтегю Орпен (27 ноября 1878, Данлири-Ратдаун— 29 сентября 1931, Лондон) — английский и ирландский художник, один из крупнейших представителей импрессионизма на Британских островах.

³⁴⁰ Уильям Ротенштейн (29 января 1872, Бадфорд, Англия—14 февраля 1945, Лондон, Англия) — британский художник, гравёр и искусствовед. Наиболее известен как военный художник в обеих мировых войнах и как художник-портретист. Более 200 его работ находятся в коллекции Национальной портретной галереи Лондона.

Пол Нэш, посетовал, на это: «Я не имею права изображать мертвых на моих картинах, потому что, видимо, их не существует»³⁴¹.

Одним из наиболее значимых военных художников был Кристофер Невинсон³⁴², картина которого «Тропа славы» показывала мертвого Томми, насаженного на убийственную колючую проволоку. Она была запрещена Бюро, и выставлена для ограниченного просмотра только после войны. Вернувшись из Фландрии в 1917 г., глубоко потрясённый кровавой бойней, траншеями, грязью и смертями, К. Невинсон отказался идти на компромисс с директивами Ч. Мастермана и попытался показать «Тропу славы» на выставке в 1918 году. Картина была запрещена, но К. Невинсон не стал принимать это во внимание, и покрыл картину коричневой бумагой, на которой он написал: «Цензура». Это привело к официальному упреку со стороны военного ведомства и К. Невинсона больше не приглашали, для изображения официальных военных фотохроник.

Ч. Мастерман решил опубликовать часть работ в журнале под названием «Иллюстрированная история войны». Д. Бакен был назначен редактором проекта, а издательство Бакена «Thomas Nelson» печатало издания и распространяло их, а все доходы передавались военным благотворительным организациям. Журнал был крайне популярен среди английской общественности голодной до военных новостей. Копии этих работ все еще можно найти в букинистических магазинах сегодня, осязаемое наследие тайной пропагандистской войны.

В своих рутинных объявлениях прессе в последующие четыре года войны, Бюро военной пропаганды, как любой правительственный департамент,

³⁴¹ Sanders M. Taylor Ph. Op. cit. P. 157.

³⁴² Кристофер Ричард Винни Невинсон (13 августа 1889 Лондон — 7 октября 1946 г.) — английский художник. В 1917 году он был послан на Западный фронт в качестве «военного художника». В период между 1917 и 1918 годами К. Невинсон написал 60 «фронтовых» полотен, некоторые из которых были признаны настолько скандальными, что не выставлялись.

довольно часто разыгрывало свои карты. После первой ошибки с «историями о немецких зверствах», Бюро в основном сохранило свою позицию в отношении использования официальных лиц. Политтехнологи Ч. Мастермана противодействовали германской пропаганде против Англии и предоставляли на суд общественности информацию о боях, которые бушевали на фронтах Первой мировой, а так же в полной мере извлекали выгоду из реальных немецких зверств, таких как потопление пассажирского лайнера «Лузитания» в мае 1915 г., и убийство медсестры Эдит Кавелл в октябре того же года по обвинению в шпионаже.

К февралю 1917 г. Д. Ллойд Джордж занял пост премьер-министра, во многом благодаря атакам на Г. Асквита со стороны газет лорда Нортклиффа, владельца «The Times» и «The Daily Mail», который считал, что генералам должна быть предоставлена свобода действий, чтобы победить в войне. Правительство Д. Ллойда Джорджа решило перейти к тотальной пропаганде и создало новый институт военной пропаганды, а именно, Департамент информации (Department of Information) для наблюдения и контроля за всей пропагандистской деятельностью. Д. Бакен был поставлен во главе отдела и повышен до звания подполковника.

Ч. Мастерман остался ответственным за публикацию книг, брошюр, фотографий и военных картин; журналист Т. Гилмор заведовал беспроводной радио информацией, газетами, журналами и кино. Д. Ллойд Джордж терпеть не мог лорда Нортклиффа, он, как-то, выразился: «Я бы с большей радостью гулял вечерами на поле для гольфа, принимая солнечные, чем начал работать с лордом Нортклиффом»³⁴³, но он был вынужден предложить газетному магнату пост в Департаменте пропаганды, исключительно в качестве защитной меры. К счастью для Д. Ллойда Джорджа лорд Нортклифф отклонил это предложение.

³⁴³ Bourne R. Lords of Fleet Street: The Harmsworth Dynast. L., 1990. P. 49.

В следующем 1918 г. ситуация на войне стала еще более критической, и Уайтхолл решил централизовать все усилия пропаганды и переместил её в новую штаб-квартиру, в Дом Крю. Он также начал финансировать тотальную пропагандистскую кампанию, подрывающую боевой дух Германии. Уайтхолл утверждал, что пропаганда стала настолько важной, что крупные государственные деятели должны взять на себя ответственность за проведение кампании по пропаганде. Уже 4 марта лорд Бивербрук, собственник газеты «The Daily Express», был назначен министром информации. Ч. Мастерман в качестве директора публикации и Джон Бакен в качестве директора разведки подчинялись ему. На этот раз, лорд Нортклифф принял приглашение на работу и был поставлен во главе всей пропаганды, направленной против враждебных стран. Роберт Дональд, редактор «Daily Chronicle», был назначен директором отдела пропаганды в нейтральных странах³⁴⁴.

Лорд Нортклифф теперь отвечал за распространение антиправительственных листовок и газет на территории Центральных держав. Это означало, прежде всего, сброс листовок с самолетов и с воздушных шаров, а также гениально простой способ размещения пропагандистских материалов по выбранным адресам через вражескую почту. Для этого они подделывали германские и австрийские почтовые марки. Лорд Нортклифф даже предоставил в распоряжение правительственных органов сеть своих агентов в Европе³⁴⁵. Этот метод был позже успешно применен во Второй Мировой войне.

Хотя лорд Нортклифф не спешил занять «официальную» роль в правительственной пропаганде и старался не быть задействованным в ней, однако за девять месяцев до окончания войны он потребовал у правительства львиную долю послевоенного кредита за то, что «пускал пыль в глаза немцев». Это хвастовство привело к роковым последствиям, поскольку оно позволило некоторым германским офицерам утверждать, что они не были разбиты в

³⁴⁴ Taylor Ph. Op. cit. P. 5-6.

³⁴⁵ Swinton E. D. Eyewitness. L., 1932. P. 60.

военном отношении, в справедливой борьбе, а были обмануты и обвинены в поражении злым гением британской «черной» пропаганды, таким образом, это заложило основы теории немецкого национализма и милитаризма и придало им послевоенный всплеск³⁴⁶. Немцы называли лорда Нортклиффа главным оружием Великобритании в Первой мировой войне. Генерал Эрих фон Людендорф, например, писал в своих послевоенных мемуарах: «Мы были загипнотизированы вражеской пропагандой, как кролик удавом. Это был исключительно умный, и крупномасштабный по замыслу план. Он работал благодаря сильному массовому внушению, поддерживая самые близкие контакты с армией и получая сведения о военной ситуации; он был недобросовестным в выборе средств, которые использовались..... Пропаганда Антанты нанесла больше вреда немецкому народу и армии, и военно-морскому флоту; она преуспела в поддержании решимости бороться в своих собственных странах и армиях, и в борьбе против нас в нейтральных странах... В нейтральных странах мы подвергались своего рода моральной блокаде»³⁴⁷.

Похвала от врага является лучшей похвалой, хотя солдатам, таким как Э. Людендорф, также было выгодно иметь под рукой британскую пропаганду как удобное оправдание за то, что они проиграли войну в военном отношении. По-прежнему много обсуждается насколько эффективно британская пропаганда повлияла на сердца и умы людей в стране и за рубежом³⁴⁸. Возьмем, к примеру, вопрос о вербовке для вооруженных сил. Образ генерала Китченера, смотрящего вниз с плаката и декламирующего, что «Ваша страна нуждается в Вас!», является по-прежнему одним из самых запоминающихся образов пропагандистских войн спустя почти столетие. Запоминающимся, но неэффективным. Добровольный набор в армию упал ниже уровня,

³⁴⁶ Taylor Ph. Op. cit. P. 26.

³⁴⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Т. I М., 1923.С. 387-388.

³⁴⁸ Taylor Ph. Op. cit. P. 49.

необходимого в 1915 году, и правительство было вынуждено ввести обязательную воинскую повинность 1916 году.

Основной внешней мишенью для пропагандистской деятельности были США. С каждым годом пропаганда усиливалась, и давала долгожданный результат. В конце 1917 года, когда США были на грани вступления в войну, большинство американцев, в том числе политиков, считали, что действительно необходимо вступить в войну на стороне Антанты и отправить армию в Европу. И это стало неожиданностью для большинства в Сенате³⁴⁹.

Американский исследователь Томас Флеминг писал: «Ведущие газеты, такие как «The New York Tribune» и «The Los Angeles Times» заверяли своих читателей, что ни одна американская военная часть не нужна в Европе. Генерал Хью Скотт, начальник генерального штаба армии, положил меморандум в свои документы, а через месяц после отъезда объявил войну. Все верили в победу английских, французских и русских войск, у них было больше продуктов, оружия и боеприпасов за счет американских кредитов, более того им оказывалась помощь со стороны американского флота для борьбы с подводными лодками Германии»³⁵⁰. Т. Флеминг винит в этом государство, считая, что они допустили участие в войне. Говоря об эффективности британской пропаганды, он рассказывает своим читателям о резке кабелей немецких телеграфных каналов и жесткой цензуре, и это, на его взгляд, дало Британии преимущество.

Американские корреспонденты, сообщавшие о войне из Берлина, скоро узнали, что описания немецкого мастерства на поле битвы были сокращены в новостных лентах и часто удалялись. В 1916 г. обеспокоенный конгрессмен вставил в Протокол конгресса жалобу от многих корреспондентов на этот счет. «Цензоры Веллингтон Хаус», - объяснил он - «завалили страну рассказами о

³⁴⁹ Ibid. P. 42.

³⁵⁰ Fleming T. The Illusion Of Victory: Americans In World War I. N.Y., 2003. P. 278.

британских и французских военных успехах. А так же выступали в сотнях американских городов и говорили откровенную ложь»³⁵¹.

Хотя Великобритания в начале войны отставала от Германии в создании организованной системы пропаганды, в конечном счете, британская пропагандистская кампания оказалась гораздо более успешной при выполнении своих целей, как дома, так и за рубежом.

Как и английская, германская пропаганда подготовила много визуального материала и для внутреннего потребления и для влияния на общественное мнение за рубежом. Художественные творения варьировались от сложных стендовых картин кайзера, одетого в сияющие доспехи подобно тевтонскому рыцарю, возвышающегося над всеми и защищая ангелов, до издевательских комиксов. Казалось, была особая немецкая одержимость в изображении Томми, сидящим на ночном горшке, в то время как Великий Флот управлялся со всеми проблемами и выигрывал борьбу. И хотя материал был визуально привлекателен и определенно забавен, было трудно сказать, на кого были нацелены эти сообщения и что именно они должны были передать³⁵².

Главная проблема германской пропаганды состояла в том, что хотя Берлин и оценивал потенциальную важность завоевания умов и сердец, на практике германская машина просто не разбиралась в основных принципах пропаганды. Высмеивать врага может было и хорошо для морального духа у себя дома, но это не имело никакого смысла в военных целях. Более того, пропагандисты Германии порой путались в сообщениях, которые послали в качестве пропаганды, они не знали, как лучше всего донести информацию до населения. Немцы так же признали важность завоевания американского мнения. Однако германская пропаганда была зажата в тиски неспособностью лидеров понять пропагандистские методы. Немецкий посол в Вашингтоне, и ведущий немецкий пропагандист, граф Йохан Хайнрих фон Берншторфф,

³⁵¹ Ibid. P. 280.

³⁵² Marlin R. Op. cit. P. 42.

признали, что пропаганда Германии в Америке пострадала из-за нетипичного американского мышления: «Он (Американец) не заинтересован в получении «правды», которую немецкие журналисты пытаются разъяснить в прессе. Американец хочет высказать собственное суждение и, поэтому ему нужны только факты... Наши работы написаны в той манере, которая была почти всегда юридически точной, пропагандистской, но как оказывается полностью ошибочной»³⁵³.

Британский путь был гораздо сложнее. Ч. Мастерман знал, что если вы скажете людям, что думаете, то они будут возмущаться, тогда, как если вы даете им неизбежные факты и возможность, чтобы их осмыслить и сделать собственные выводы, но они не понимают, что в их головы уже кто-то залез. Хитрость в том, чтобы представить людям факты в таком понятном ракурсе, чтобы они не подвергли их сомнению, и не сочли необходимым искать свежие и возможно более точные факты в другом месте.

Британская пропаганда дома и за рубежом имела более сложную структуру, чем в Германии, и в другом важном отношении. Ч. Мастерман и его команда заботились о том, чтобы поддерживать высокий моральный дух с самого начала и придавали нотку морализаторства в большинстве вопросов, даже на простых юмористических открытках и плакатах³⁵⁴. В то время как немецкие открытки высмеивали британского солдата, изображая его, например, забинтованным и с окровавленным носом, получившим ранения от рук великой немецкой армии. Эквивалентные английский открытки также содержали в себе сообщения различного рода. Кайзера высмеивали, изображая в виде мухи, которую должны прихлопнуть солдаты многих народов, но он, в то же время, его представляли в виде международной угрозы. Плакаты намекали, что

³⁵³ Reinhard R. Doerries . Imperial challenge: Ambassador Count Bernstorff and German-American relations, 1908-1917. University of North Carolina Press, 1989. P.45.

³⁵⁴ Ibid. P. 51.

цивилизованные народы должны собраться вместе, чтобы искоренить зло. Точно так же предмет, выбранный для официальных британских плакатов, часто показывал, что его авторы управляли чувствами союзников, направляя их против Германии.

Окончательный крах пропаганды Германии произошел в Версале. В Версальском мирном договоре 1919 г. союзники настояли на пункте о возложении вины за развязывание войны исключительно на Германию. Это послужило доказательством провальной пропагандисткой политики Германии и разгромной победы британской пропагандисткой военной машины.

Трудно сказать, насколько сильно повлияла политика победителей на успешное становление пропаганды. Великобритания, Франция, Бельгия и Италия, все хотели, чтобы кто-нибудь понес наказание, чтобы финансово были возмещены убытки за гибель людей и разрушения, уничтожившие экономические системы воюющих стран за четыре года войны. Населению и лидерам этих стран было ясно, что побежденные немцы были виновны и должны заплатить. Но чтобы все было официально, необходимо было провести мирную конференцию.

Немецкая делегация вначале сопротивлялась этому требованию. Они отметили, что лица, которые представляли партию войны, в том числе кайзер и его генералы, пропали и были заменены новыми, демократическими избранниками, состоящих из лиц, которые боролись за мир, что весь народ не может быть признан виновным в преступлениях немногих. Они отметили, что зверства, приписываемые им в пропаганде союзников были в значительной степени ложным³⁵⁵. Они указывали, что Англия и Франция просто защищали собственные финансовые и имперские интересы, ведя войну с Германией и

³⁵⁵ Creel G. The Battle in the Air Lanes // Popular Radio, September, 1922. P. 10.

теперь были намерены забрать заморские владения Германии для того, чтобы увеличить свои коммерческие интересы³⁵⁶.

Несмотря на максимальные усилия американского президента Вудро Вильсона, который стремился установить коллективную безопасность при помощи Лиги Наций, Германия не хотела признавать себя виноватой в развязывании войны. В статье 231 Версальского договора было написано, что исключительно Германия и другие Центральные державы несли ответственность за начало Первой мировой войны³⁵⁷.

Намеренно или нет, но этот единичный акт узаконил все победы пропаганды союзников предыдущих четырех лет войны. Германии не было смысла публично протестовать, говоря: «Да, это правда, мы начали войну, в которой погибли 20 миллионов человек, но мы не насиловали монахинь и не сажали на штыки младенцев»³⁵⁸. В Версале Германия проиграла то, что оказалось самым важным сражением всей войны – битву за свою репутацию.

Итоги Первой мировой войны показали, что создание английской пропагандистской машины было совершенно не напрасным. К началу войны британцы имели все возможности для максимально быстрого и успешного развития пропаганды. Они обладали одной из лучших в мире системой сбора и распространения информации благодаря развитой национальной «независимой» прессе и большому опыту в области международных коммуникаций по техническим и финансовым вопросам, в том числе при помощи собственных радиопередач и телеграфа³⁵⁹. Успех британской пропаганды на начальном этапе войны в большей степени зависел от немецких действий на территории Бельгии и Франции. К счастью для британцев, Германия предоставила много скандальных историй, на которые впоследствии

³⁵⁶ Marlin R. Op. cit. P. 44-45.

³⁵⁷ Treaty of Versailles - Conditions of Peace. General Reference Collection LB.31.c.6113. 1919. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bl.uk/collection-items/treaty-of-versailles>

³⁵⁸ Milton R. Op. cit. P. 47.

³⁵⁹ Jowett G.S. Op. cit. P. 122.

смогла опереться английская пропаганда. Британской пропагандистской машине удалось преувеличить размер германских злодеяний до такой степени, что любой мало-мальски грамотный человек поверил бы в те ужасы, которые английская пропаганда открыла широкой публике, в первую очередь, при помощи печатных изданий.

Во второй половине 1915 года истории о немецких злодеяниях и их подробное освещение начинают исчезать. Частично это произошло, потому что новости быстро устаревали, так как, действуя во имя «возмездия» союзнические войска начинали терять чувство морального превосходства. Но к этому времени неблагоприятный имидж Германии был уже сформирован. Создание такого образа врага было гораздо более сложным процессом, чем обычно считается. Он состоял в том, чтобы изучить образ врага-гунна – «демона - Германию» через его понимание британской пропагандой, пользующейся самой продаваемой ежедневной газетой в Великобритании, «The Daily Mail» и не менее крупным изданием «The Times», принадлежавших лорду Нортклиффу.

§2. Влияние нортклиффской прессы на формирование образа врага в начале Первой мировой войны

Средства массовой информации стали играть особую роль к началу Первой мировой войны: это был «золотой век» массовой газеты, рассчитанной на уже упомянутую увеличивающуюся прослойку образованного, политически активного населения.

Известно, что пропаганда в мирное, и особенно в военное время, сильно воздействует на умы и настроения целых народов. Одно и то же событие с умелой пропагандистской подачей можно наглядно, животрепещуще и ярко героизировать, или в таком же духе демонизировать неприятельскую сторону, тем более, что ни одна война не обходится без того, что именуется «преступлениями против человечности». Английская пропаганда, которую ничуть не смущала достоверность приводимых ею фактов, демонстрировала наиболее яркие образцы такой «демонизации» германской стороны во время Первой мировой войны, а потом и Второй мировой войны. На страницах прессы лорда Нортклиффа и стран Антанты немцы были настоящими варварами и чудовищами с другой планеты, одетыми в военную форму.

О личности самого лорда Нортклиффа известно немало. Альфред Чарльз Уильям Хармсуорт, позже лорд Нортклифф (15 июля 1865-14 августа 1922) – английский бизнесмен и общественный деятель, создатель первой британской массовой деловой газеты «The Daily Mail», владелец «The Times». В 1904 году получил титул баронета Эльмвуда, с 1905 года – барон Нортклифф, с 1918 года – виконт Нортклифф. Альфред женился на Мэри Элизабет Милнер 11 апреля 1888, она стала именоваться баронессой Нортклифф с 27 декабря 1905 г. и виконтессой Нортклифф с 14 января 1918 года³⁶⁰.

³⁶⁰ Taylor S. J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere and the Daily Mail. L., 1996. P. 47.

Лорд Нортклифф, с целью увеличения тиража своей газеты, учредил приз в 1000 фунтов первому лётчику, который пересечёт Ла-Манш на самолёте. 25 июля 1909 года Луи Блерио завоевал этот приз. В маркетинге и рекламе этот ход стал новаторским, главной целью мероприятия была именно раскрутка спонсора. Тиражи «The Daily Mail» резко пошли вверх, после чего это мероприятие превратилось в регулярное соревнование под эгидой газеты. Первый номер «The Daily Mail» вышел 4 мая 1896 года. Продавалась она по цене полпенни за экземпляр и была рассчитана на широкие массы грамотных британцев, появившихся благодаря Закону об образовании от 1870 года, то есть на «людей, у которых потенциально есть тысяча фунтов в год». Бывший премьер-министр лорд Солсбери с презрением говорил, что это газета, в которой «конторские рассылные пишут для конторских рассылных», однако первый же ее номер разошелся в количестве 397 215 экземпляров, что намного превзошло ожидания владельца «The Daily Mail» Альфреда Хармсуорта. «Это, в сущности, газета для занятых людей», - писал он³⁶¹.

А. Хармсуорт был сыном изобретательного, но неудачливого ирландского адвоката. Он покинул школу в 16 лет, чтобы стать журналистом. Его первым успехом стал развлекательный журнал под названием «Answers to Correspondents on Every Subject Under the Sun» («Ответы корреспондентам обо всех вещах под солнцем»), в котором обсуждались всякие курьезы вроде вопроса о том, как долго может сохранять сознание отрубленная голова. Когда журнал «Answers» начал приносить прибыль, А. Хармсуорт привлек к делу своего брата Гарольда, поручив ему финансовую сторону. Журнал процветал во многом благодаря талантам А. Хармсуорта в области рекламы. В 1889 году он придумал схему, которую назвал «Фунт в неделю пожизненно». Она обещала постоянный доход тому читателю, который точнее всего назовет количество золота в Банке Англии. Всего журнал получил в итоге 718 218 почтовых

³⁶¹ Ibid. P. 59.

открыток. Именно Альфред стал победителем конкурса – землемер из Саутгемптона благодаря награде смог жениться³⁶².

Популярность газеты превратила А. Хармсуорта в политическую силу. Во времена англо-бурской войны его газета восхваляла империалистический проект Сесила Родса. Вскоре тираж «The Daily Mail» превысил миллион экземпляров и стал самым большим в мире. К 1903 году Альфреду и его братьям Гарольду и Лестеру принадлежали «The Daily Mail», «The Evening News», «The Daily Mirror» и «The Daily Record». А. Хармсуорт, получивший в 1904 году титул баронета (он шутил, что его превратили «из г-на Армсуорта в сэра Хальфреда») и ставший в 1905 году лордом Нортклиффом, без зазрения совести манипулировал общественным мнением. «Я заставлю всю страну, есть “стандартный хлеб”», – похвастался он, прочитав памфлет об опасности белого хлеба, написанный землевладельцем из Стаффордшира по имени сэр Освальд Мосли. К 1914 году каждая вторая газета, которую читали в Лондоне, принадлежала лорду Нортклиффу. Через два года он, используя свою прессу, способствовал низложению правительства Г. Асквита. Во время Первой мировой войны «The Daily Mail» заняла воинственную позицию. Ее стали называть «другом солдата». В феврале 1918 года лорд Нортклифф принял предложение премьер-министра Ллойда Джорджа занять должность руководителя отдела пропаганды в неприятельских странах. Когда в 1922 году лорд Нортклифф умер от болезни сердца, газету унаследовал его брат Гарольд, получивший к этому моменту титул лорда Ротермира.

К персоне лорда Нортклиффа и его печатной империи отношение было разное, подчас крайне негативное. Кэролин Плэйн утверждала, что

³⁶² Подробнее о жизни и деятельности лорда Нортклиффа см: Boyce D.G. Harmsworth, Alfred Charles William, Viscount Northcliffe (1865–1922). Oxford, 2004.; Thompson J. Lee Press Barons in Politics 1865-1922 L., 2000; Hamilton Fyfe Northcliffe: an intimate biography, L., 1930; Taylor S.J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere, and the Daily Mail L., 1996.

«Результатом успешной журналистики лорда Нортклиффа, в частности, стала возможность на всем протяжении войны умело играть на нервах страны»³⁶³. Известная британская исследовательница Первой мировой войны Кейт Хэйсте считала, что: «Пресса, в первую очередь газеты лорда Нортклиффа, придавала огромное значение историям о немецких зверствах. В отсутствие фактической информации... истории о зверствах давали необходимый материал... Эти истории были сенсационными новостями. Никакие усилия не прикладывались, чтобы огородить читателей от кровавых подробностей—это был действительно сильный повод ненавидеть, вызывающий жажду животной крови»³⁶⁴.

Интересное мнение высказал Макс Пембертон, библиограф лорда Нортклиффа: «Моё первое воспоминание о лорде Нортклиффе в годы Первой мировой войны, уносит меня в среднюю больницу в бельгийском городе Фурнес, где он присел у кровати бедной старухи восьмидесяти лет, раненой осколком гранаты. Он был очень взволнован... «Что она сделала?», - спросил он меня, указывая на несчастную седую страдальцу. «Что она такого сделала, что война так наказала её?» Такие вопросы были типичны для него»³⁶⁵.

Отношение общественности к лорду Нортклиффу и его газетной империи могло быть разным, но все сходятся в едином мнении, он был гением газетной пропаганды. Его «The Daily Mail» была издательским феноменом своего времени³⁶⁶. Она была прототипом современной британской прессы: дешевой, ежедневной и имеющей крупный тираж. Это была первая газета, которая достигла регулярного ежедневного тиража в более чем миллион экземпляров. «The Daily Mail» несомненно, была самой влиятельной и единственной газетой для массового потребления в 1914 году, хотя нужно отметить, что читающая публика принадлежала в основном к среднему классу. Она имела успех

³⁶³ Playne C. Society at War. L., 1931. P. 286.

³⁶⁴ Haste C. Op. cit. P. 83-84.

³⁶⁵ Pemberton Max. Lord Northcliffe a memoir. L., 1922. P. 148.

³⁶⁶ Подробнее см: Taylor S.J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere and the Daily Mail. L., 1992.

благодаря низкой цене и содержанию понятному и интересному простому обывателю.

В начале XX века «The Daily Mail» стала синонимом германофобии, отражая взгляды Нортклиффа. Более того, сам лорд Нортклифф стремился быть

с
а
м
о
с
т
о
я

Как только вспыхнула война, «The Daily Mail», наряду с остальными газетами, в том числе и нортклиффской «The Times», стала печатать истории о немецких зверствах. Те сообщения могут показаться «мягкими» современному читателю, но они оказали огромное эмоциональное влияние на тогдашних английских читателей. 6 августа 1914 года «The Daily Mail» выпустила в качестве передовой статьи информацию о разрушении бельгийской деревни и описала его как «чудовищное преступление против международного права». В газете также рассказывалось о морских минах, заложенных на мелководье, как «непоколебимой и жестокой форме войны»³⁶⁸. Конечно для нас живущих в мире информационных технологий, идеи о свободно плавающих морских минах, вряд ли кажутся «зверством», но для морской нации в 1914 году это было очень серьезно. Степень осуждения постепенно увеличивается: на третьей странице выпуска газеты от 10 августа можно найти подзаголовок «Бельгийские сообщения о немецких действиях». Два дня спустя вышла первая передовая статья о «немецкой жестокости». Она стала разоблачительной.

³⁶⁷ Taylor A.J.P. English History ... P. 55-56.

³⁶⁸ The Daily Mail, 6 August 1914.

б
р
и
т

«Также сообщается, что во многих местах плохо обращаются с гражданскими лицами, против которых ведется необоснованная война с особой жестокостью. Наш специальный корреспондент в Бельгии, г-н Джеффрис говорит, что не может заставить себя поверить этим историям и надеется, что они не смогут подтвердиться, но мрачный свет сегодняшнего времени доказывает, что немцы стреляли в разоруженных французов с единственной целью – чтобы услышать крик ‘Vive La France’»³⁶⁹.

Военный отчет за неделю был полон скептицизма, который собственный корреспондент высказывал в отношении злодеяний, и в то же время он приводил противоположное мнение, якобы услышанное от французской прессы. Передовая статья сообщала:

«В Бельгии немцы уничтожали деревни, где было оказано любое сопротивление их нападению, это похоже на дикость. Крестьяне были застрелены; здания были варварски сожжены; заложников схватили и плохо с ними обращались или вынуждали идти перед немецкими войсками как щит там, где они могли больше всего пострадать от огня бельгийской армии.

Таковы методы людей, которые требуют цивилизованных привилегий. Варварское нападение на небольшую Бельгию уже дискредитировало репутацию Германии. В Северном море немцы продолжают показывать, что их принципы ведения боя на воде так же жестоки, как их на земле. Закладывая мины по маршруту международного морского движения, они подвергают опасности судоходство нейтральных держав, а так же ужасному риску подвергаются невинные женщины и дети»³⁷⁰. Необходимо отметить, что в этом комментарии ни одно слово фактически не является правдивым³⁷¹. Все описанное здесь произошло до 12 августа. В той истории есть риторическое преувеличение: минирование международных путей сообщения действительно

³⁶⁹ Ibid. 12 August 1914. P. 3.

³⁷⁰ Ibidem. P. 7.

³⁷¹ Taylor S.J. Op. cit. P. 146.

подвергло серьезной опасности мирное население, но в основном взрослых мужчин. К этому числу количество женщин и детей погибших в море было минимальным.

Даже сомневающийся гражданин г-н Джеффрис предоставляет информацию о мелкомасштабных «немецких злодеяниях»: старика закололи насмерть штыком³⁷². На следующей неделе в прессе появилось еще несколько историй о «немецкой жестокости».

Повышения «градуса» общественного настроения произошло с выходом статьи Гамильтона Файфа 21 августа 1914 г., под названием «Варварство немецких войск - грехи против Цивилизации». Она начиналась так: «В военное время все истории, рассказанные одной стороной против другой (даже если это собственная сторона), нужно читать и слушать с осторожностью. Поэтому я скептически относился к рассказам об ужасах, которые появляются во французских газетах, обвиняющих немцев в убийстве и жестокости». Теперь Г. Файф утверждает, что больше не может игнорировать «доказательства»:

«К сожалению, нет больше сомнений, что немцы ведут войну путем, который действительно очень далек от того, чтобы быть цивилизованным. Назвать его «диким» или «варварским» было бы чудовищно несправедливо по отношению к нецивилизованным войнам... Не думайте, что я хочу применять его ко всем солдатам Германии или даже большинству из них... Но то, что большое количество из них действовали не как люди, а как дьяволы является теперь несомненным».

За этим высказыванием следует четыре параграфа французских историй о злодеяниях, пересказанных Г. Файфом. Рассказ Г. Файфа можно трактовать по-разному. Необходимо либо принять худшее, что есть в писателе: нюансы, скептицизм и предпринятый риторический баланс, чтобы смягчить для читателя реальное дискредитирование врага. Либо нужно признать, что

³⁷² The Daily Mail, 14, 17 August 1914.

возможно, Г. Файф пытался сказать правду, которую он её видел. К 21 августа действительность немецких военных преступлений и преувеличенные слухи о них среди беженцев стали слишком явными, чтобы даже журналист-скептик мог их проигнорировать. Интересным документом, стала содержащая недостоверные факты передовая статья от 22 августа в газете «The Daily Mail» под названием «Муки Бельгии», в которой сообщалось о «несчастных страдающих людях». Статья утверждала, что бельгийские чиновники были прикованы к стремяни лошади Ахлана, что кажется маловероятным; а жители Брюсселя были оштрафованы на 8 млн. фунтов в «наказание» за бельгийское сопротивление, которое, кстати говоря, реально существовало³⁷³. Редакторы, обозреватели и журналисты знали и то, что что-то ужасное происходило в городе и то, что это искажалось в сообщении. Отсутствие прямого доступа к информации порождало ненадежные истории, как выразился один писатель: «Ежедневно я слышу истории о прусских ужасах, которые заворачивают кровь, и если удалить слой преувеличения и искажения, то останется незабываемая история о лимбургском священнике»³⁷⁴. Использование этих примеров фактически привело к довольно искаженному впечатлению от происходившего. Поразительно, что в течение первых трех недель войны информация о злодеяниях в Бельгии занимала очень мало места в «The Daily Mail», всего лишь несколько передовых статей и колонок репортажа на внутренних страницах³⁷⁵. Только с 26 августа данные о злодеяниях действительно начинают появляться в заголовках. Первой публикацией стал отчет «официальной» бельгийской следственной комиссии.

В сообщении об «официальных» результатах работы комиссии, мы видим, что в «The Daily Mail» впервые появляются классические истории злодеяния. «Гражданку Деглимм несли полуголую к месту на расстоянии в две

³⁷³ Ibid. 22 August 1914.

³⁷⁴ Ibid. 24 August 1914.

³⁷⁵ Roberts R. The Classic Slum, republished Harmondsworth: L., 1973. P. 188.

мили, под обстрелом немецкой армии и она выжила...Старик был искалечен, повешен вниз головой и сожжен заживо... Молодые девушки и маленькие дети были изнасилованы в Орамнеле, где несколько жителей перенесли муки, слишком ужасные, чтобы их описать... Мужчины были расстреляны на глазах своих жен и детей»³⁷⁶. Статья предала гласности «официальный» отчет.

Рассказы об умышленном садистском членовредительстве, вероятно, вообще не соответствуют действительности (хотя возможные инциденты не следует исключать). Неправильная интерпретация числа случайных жертв среди гражданского населения, которые получили страшные раны, нанесенные современным оружием, возможно, лежат в основе некоторых из этих историй. Изнасилование является наиболее спорным вопросом. Послевоенные расследования выявили мало случаев изнасилований, совершенных немецкими войсками в 1914 году (хотя надо заметить, что некоторые подтвердились). Но определенную степень осторожности должна вызывать реальность послевоенных расследований. Предположение о том, что каждую женщину насилует немецкий солдат в 1914 году, охотно подтверждались «очевидцами». Таким образом, несмотря на сообщения об изнасиловании в 1914 году, они почти наверняка сильно преувеличены. Некоторые из этих проблем стали очевидными уже в 1914 году. 5 октября 1914 г. «The Daily Mail» цитировала отчет бельгийской комиссии: «В Аиршоте как и везде, произошло много нападений на женщин и девушек. Но на данный конкретный момент, ответить на какие-либо вопросы практически невозможно, поскольку потерпевшие ссылались на слухи, а их родственники, как правило, оставляя без ответа любые вопросы, связанные с этим фактом»³⁷⁷.

В 1914 году был один выбор – поверить в слухи. Мужчины на войне совершают изнасилования. Солдаты в захваченной стране сталкиваются с очевидным гражданским сопротивлением и становятся более склонными к

³⁷⁶ The Daily Mail, 26 August 1914.

³⁷⁷ Ibid. 5 October 1914.

совершению жестоких, порой показательных, действий. Все эти факты были бы невероятными, если бы не значительное число ужасающих случаев в Бельгии в 1914 году.

Следующая неделя была освещена прессой гораздо подробнее. О разрушении города Левена сначала сообщают 29 августа в статье с заголовком «Военные Боги: ужасная месть; бельгийский город в пепле» и 1 сентября со свидетельства очевидцев в статье «Что я видел в Левене» приводят тринадцать параграфов текста, самую длинную «историю о немецких злодеяниях» до этой даты. Истории о Левене являлись главными в течение следующей недели. Передовая статья в «The Daily Mail» от 8 сентября под названием «Ужас Левена» рассказывала следующее:

«Они вели женщин и детей в поле и совершали над ними злодеяния, которые не могут быть описаны без эмоций. Никакой язык осуждения не может выразить всю несправедливость. Но те, кто знает и помнит омерзительные пытки в комнатах Нюрнберга и Регенсбурга и беспощадное обращение с животными в Фатерлянде, не будут удивлены этой жестокостью»³⁷⁸. Обвинение в жестокости по отношению к животным является английской выдумкой³⁷⁹. Такие эпизоды жестокости позволили английской пропаганде утверждать, что варвары-немцы уничтожают все живое, даже животных, что, по истине, является крайне жестоким поведением.

Для прессы события в Левене явились самыми ужасными злодеяниями 1914 года в Бельгии. Важно понять, почему. Основной причиной был доступ к информации. После разрушений, причиненных городу немцами, у прессы появились реальные факты, с которыми можно было работать, а не только слухи и рассказы беженцев.

³⁷⁸ Ibid. 5 September 1914.

³⁷⁹ Ibid. 1 December 1914. Подобные новости о жестоким обращении с животными еще не раз повторялись в газете.

Но было и нечто большее, чем просто доступ к фактам. В конце концов, с точки зрения человеческих жертв, 209 гражданских лиц были убиты всего за четыре дня; события в Левене ничем не отличались от событий дюжины других бельгийских городов в августе и сентябре. Что придало Левену особый статус, так это физические разрушения.

Историки, которые привыкли иметь дело с текстом, пропускали значение этих картин. Все же такой фотографический компонент освещения новостей был шокирующим и важным для читателей «The Daily Mail». Эти фотографические карточки августа и сентября 1914 года показывали полностью разрушенные здания. На тот момент было совсем немного новостей о немецких злодеяниях: большое число фотографий, информация о разрушении зданий, но не об убийствах гражданских лиц. Все это стало начальным этапом формирования образа немца как «варвара-гунна».

Для британцев среднего класса неприкосновенность дома и общественной собственности являлись одними из основополагающих идей в 1914 году. Информация о разрушении собственности произвела глубокое и продолжительное впечатление. 18 ноября 1914 г., спустя почти три месяца после факта разрушений, история описывает «тяжелую руку гунна» и государства: «Ужас Левена неопишем, можно было бы подумать, что это был последний день Помпеи»³⁸⁰. Интересно отметить, что термин «гунн» довольно поздно появляется в «The Daily Mail». Самое раннее его использование датируется 25 августа: «Мы стараемся жить спокойно, как будто мы живем в обычное время, как будто гунны не стучатся в ворота»³⁸¹. Ужасы Левена способствовали распространению этого термина. Кроме того, контекст использования термина был разоблачающим. Гунн является врагом цивилизации и определенно разрушителем физических проявлений цивилизации. Современный писатель, возможно, использовал бы термин

³⁸⁰ В действительности, всего лишь 12 % зданий в городе Левен были разрушены.

³⁸¹ The Daily Mail, 25 August 1914.

«вандал», поскольку французская пресса делала именно так³⁸². Это, в свою очередь, приводит нас к определенной важности понимания событий в Левене. В отличие от анонимно заминированных городов, на которые пал главный удар германской мощи, Левен был культурным городом, драгоценным «камнем» Бельгии. Среди сожженных дотла зданий был старый рынок, суконные ряды четырнадцатого века и университет восемнадцатого века, библиотека, которая потеряла 250,000 книг, 800 инкунабул³⁸³ и 950 рукописей. Серьезный ущерб был нанесен церкви пятнадцатого века Святого Петра³⁸⁴. Неудивительно, что академики в Оксфорде и Кембридже особенно яростно отреагировали. Действительно, было предложено, чтобы Левен стал «Сараево» европейских интеллектуалов³⁸⁵. Британское и французское осуждение событий в Левене и Реймсе привело в свою очередь к манифесту 93 немецких академиков, защищающих действия Германии в октябре 1914 года и возмущенному ответу на это британских академиков³⁸⁶.

Ущерб, причиненный Реймскому собору, стал очевидным доказательством и укрепил мнение об угрозе со стороны «гуннов» физической, культурной и социальной жизни европейской цивилизации. «The Daily Mail» подавала эту историю, используя необычный заголовок:

«КАК РЕЙМСКИЙ СОБОР БЫЛ ОБСТРЕЛЯН: ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ УЖАСНЕЙШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАЙЗЕРА»

Фотографии на последней страницы так же сопровождались надписью:

«ХУЖЕ, ЧЕМ ЛЕВЕН» НЕМЦЫ РАЗРУШАЮТ РЕЙМСКИЙ СОБОР».

Фактически разрушения собора от снаряда были очень преувеличены и, по крайней мере, никак не были юридически описаны в Гаагской конвенцией, в

³⁸² Gregory A. Op. cit. P. 51.

³⁸³ Первопечатные книги до 1500г.

³⁸⁴ Ponsonby A. Op. cit. P. 83.

³⁸⁵ Maclean N. The Great Discovery Glasgow. 1915. P. 39.

³⁸⁶ Cecil H. and P. Liddle (eds), Facing Armageddon: The First World War Experienced. L., 1988, P. 617-629.

которой Левен не упоминался³⁸⁷. В передовой статье от 21 сентября «The Daily Mail» прокомментировала эти события: «Отчет о немецком насилии и вандализме сегодня дополнен печальными новостями о разрушении вражеской артиллерией Реймского собора. Эти апостолы «культуры», более варвары, чем гунны Аттилы, разрушили одно из архитектурных достояний мира»³⁸⁸.

Английский исследователь, ректор университета в Эссексе, Эндрю Кларк, в сборнике «Английские слова военного времени» впервые отмечает словосочетание «методы, характерные для гунна», в газете «The Scotsman» 8 сентября 1914 г., тогда как его первое упоминание о «гунне» мы находим в той же самой газете 17 сентября³⁸⁹.

Кажется странным, что информация об имущественном ущербе получила приоритет в «The Daily Mail» по сравнению с информацией о преступлениях против людей. Но это действительно говорит о стиле газеты. Факт имущественного ущерба было легче проверить и проще представить на всеобщее обозрение. В него было также легче поверить, чем в убийства и прочие злодеяния. Да и сам лорд Нортклифф понимал, что большая часть информации, поступающая в его издательство, не поддавалась проверке, следовательно, доверять ей было нельзя.

За первые четыре месяца войны «истории о зверствах» составляли мизерную часть содержания выпуска «The Daily Mail». Они напрямую зависели от продвижения немецкой армии и её действий на территории Бельгии. В августе 1914 года они составили не более 5% печатного материала газеты. Так как изображение разрушенных зданий считалось очень важным по причинам упомянутыми выше, то они составляли значительно более высокий

³⁸⁷ Taylor S.J. Op. cit. P. 146, 150.

³⁸⁸ Daily Mail, 21 September 1914.

³⁸⁹ Clark A. English Words in Wartime. Oxford, 2004 P. 266, 267. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wordsinwartime.wordpress.com/about/the-project/andrew-clark-collecting-words-and-history/>

процент наглядной информации. В сентябре и число, и значимость таких историй значительно повысилось, и в результате они составили около 10% печатного материала газеты и впервые появились на передовых страницах и в заголовках. В октябре число историй о злодеяниях сократилось, а к ноябрю показатель стал совсем маленьким – около 1-3%. Подавляющая часть репортажей газеты «The Daily Mail» затрагивали обычные военные вопросы, по большей части это были переработанные или ненадежные официальные бюллетени. Обычные «внутренние новости» по-прежнему занимали отведенное им место.

В напечатанных историях злодеяний больше половины содержания было точным, ссылаясь на массовое убийство бельгийских гражданских лиц и на случаи причинения материального ущерба бельгийским городам. Истории, в которых содержалось наибольшее число лжи и преувеличения, приходили из переизданных бельгийских «официальных сообщений»³⁹⁰.

Даже в этих случаях, большая часть из того, что было переиздано, было недалеко от истины. Например, в истории от 21 ноября 1914 г. под заголовком «400 крестьян хладнокровно убито «гуннами» в Бельгии», сообщалось, что «город Динан был разграблен и разрушен немецкой армией, а его население истребляли 22, 23, 24 и 25 августа» и, что в той области более 700 жителей были убиты»³⁹¹. Учитывая тот факт, что по очевидным причинам Германия не разрешала доступ журналистов к этим областям, поразительный интерес этой истории состоял в том, что она была основана на свидетельских показаниях, которые оказались на удивление точными³⁹².

³⁹⁰ Rohde D.A Safe Area. Srebenica: Europe's Worst Massacre since the End of the Second World War. L., 1997. P. 348

³⁹¹ Tuchman B. August 1914. L., 1994. P. 307-308.

³⁹² Наиболее явное несоответствие действительности о немецких зверствах в Бельгии появилось в американской прессе 3 сентября 1914 года: знаменитая декларация пяти известных американских журналистов (Роджер Льюис, Ирвин Кобб, Гарри Хансен, Джеймс О'Доннелл Беннет и Джон Маккатчен), после того, как им была предоставлена экскурсия по немецкой армии. «Мы не смогли найти хотя бы один случай незаслуженного наказания или

Но было бы неправильно отрицать тот факт, что некоторые истории совсем не соответствовали воображаемой классической модели, созданной английской прессой. 18 сентября 1914 года в статье под заголовком «Больше немецких злодеяний и горящие дома» были приведены в основном истории о поджогах. Но там также присутствовала и такая информация, предоставленная очевидцем: «То, что произошло в деревне за последний час трудно осознать даже сейчас. Одиннадцать мужчин были убиты, женщины были изнасилованы, и все дома были сожжены»³⁹³. Самым ужасным моментом в истории был следующим: «Мой друг, ответственное должностное лицо, нашел среди руин зданий ногу маленького ребенка с переломанной лодыжкой»³⁹⁴. Эти слова были иллюстрированы фотографией, очевидно, человека, держащего ногу ребенка. Таким образом, по крайней мере, одна история искалеченного ребенка, пострадавшего от жестокого обращения, действительно появилась в «The Daily Mail» в 1914 году и была правдива.

Самые ужасные истории злодеяния выходят в свет в январе 1915 года вместе с переизданием некоторых пунктов французского правительственного отчета о немецких преступлениях. В соответствии с заголовком, который гласил «Книга ярости: Убийство, насилие и огонь баварцев» («The Book of Outrages: Murder, Rape and Fire by Bavarians»), в отчете говорилось следующее: «М. Аднот был застрелен, у мадам Х отрезали грудь и правую руку. Маленькой девочке одиннадцати лет отрезали ногу. Мальчику пяти лет перерезали горло. Мадам Х и одиннадцатилетний ребенок были изнасилованы перед смертью. Случай мадам Массон из Эмбеснила известен всем. Храбрость и благородное

должной меры возмездия. Мы не способны подтвердить какие-либо слухи в отношении жестокого обращения с заключенными и гражданскими». Филипп Найтли говорил, что ни один из этих журналистов не замечал вопиющих противоречий. Он заявлял, что Ирвин Кобб дал сведения, что только около 10% жестоких историй были правдой. Knightley Ph. *The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq*. L., 2004. P. 120.

³⁹³ Daily Mail, 18 September 1914.

³⁹⁴ Ibidem.

поведение этой молодой женщины, которая на момент убийства была беременна»³⁹⁵.

Именно в этом докладе мы находим первое упоминание об изнасилованных монахинях. На следующий день пришла информация из бельгийского отчета о расстреле и повешении священников. Необходимо отметить, что это известие не сразу стало считаться официальным сообщением. В течение 1914 года редакция «The Daily Mail» старалась избегать сексуальных и садистских тем. Это была своего рода сознательная политика самого лорда Нортклиффа, который хорошо знал о насмешках над «сенсационностью» его статей и стремился представить «The Daily Mail» как почтенную газету. В сообщении от 3 ноября 1914 г о свидетельских показаниях бельгийца это явно заметно. «Некоторые факты, предоставленные очевидцем, негодны к публикации»³⁹⁶. Другие печатные издания были более свободны в публикации своих историй. В марте 1915 г. популярный карикатурный еженедельник «The Passing Show» опубликовал статью Арнольда Вайта, утверждающего, что около тысячи бельгийских женщин, включая монахинь и 16-летних девочек и пребывавших в Лондоне, ожидали детей, будучи изнасилованными пьяными немецкими чиновниками³⁹⁷. Замалчивание таких историй может быть двусмысленно понято. Или это циничное приглашение читателю использовать свое воображение, чтобы детально все представить себе, или это подлинная попытка остаться добропорядочным. Бесспорным является тот факт, что читатели действительно воображали детали.

Стоит привести свидетельство одного из журналистов газеты «The Daily Mail», который фактически предоставлял информацию из Бельгии до своего отъезда в то время. Дж. М. Н. Джеффрис в автобиографии 1930 г. утверждает, что он и другие журналисты, работающие на газету, полностью поддерживали

³⁹⁵ Ibid. 8 January 1915.

³⁹⁶ Ibid. 3 November 1914.

³⁹⁷ The Passing Show, 20 March 1915. P. 12.

профессиональные стандарты и сообщали новости настолько добросовестно, насколько они могли с учетом очень тяжелых обстоятельств. Он также заявил, что они не испытывали никакого редакционного давления, толкающего их на поиски фактов об ужасных злодеяниях. «Редактор написал ему, что такие истории приходили из «многих источников», и требуется много сил, чтобы узнать правдивы они или нет». Он ответил, что не засвидетельствовал злодеяний лично, но те истории, которые он посылал, являются правдивыми, так как доказательства свидетеля были надежными. В конце диалога он обращается к А. Понсонби и другим скептикам: «Я пишу это в нашу защиту, но я знаю, что пишу напрасно. Любая статья, которую я буду когда-либо читать о пропаганде и о военной истерии, будет предполагать, что «в массовой прессе было много лжи», и это будет верное убеждение, без каких-либо сомнений»³⁹⁸. Защитнический тон Джеффриса понятен и может восприниматься как самооправдание, но содержание и тон его газеты, полностью соответствуют той информации, которая появилась в печати в 1914 году. И намного точнее и вернее, по сравнению с «мнением разнообразных критиков прессы», которые предполагали, что «рассказы о злодеяниях были слегка преувеличены»³⁹⁹.

Если Левен был назван интеллектуалами вторым «Сараево», то для большей части населения это был лишь эпизод войны. А конкретным, переломным моментом, доказывающим, вне всякого сомнения, варварство противников, стала бомбардировка Хартлпула и Скарборо. В своем дневнике Этель Билсборо периодически отмечала истории в прессе, рассказывающие о разрушениях в Бельгии, но эта бомбардировка восточного побережья Англии германским военно-морским флотом потрясла её воображение: «убийство гражданских лиц, среди которых были женщины, дети и младенцы, очевидно, считалось их выражением галантности. Более 100 жизней были потеряны, или скорее уничтожены». Она по-прежнему связывала это разрушение с Бельгией:

³⁹⁸ Jeffries J. M. N., *Front Everywhere*. L., 1930. P.124-125.

³⁹⁹ Ibidem.

«Ужасно думать, что такие вещи могут происходить в наши просвещенные дни, но немцы каждый день доказывают, что у них нет права и справедливости, морали и чести». Она находит две фотографии из газеты и добавляет свой собственный комментарий к одной из них: «Дом в Скарборо, где после бомбардировки были найдены мертвые младенцы»⁴⁰⁰.

Разрушение архитектурных сокровищ, горящие дома и убийство гражданских лиц в Бельгии, конечно, были предосудительны, но разрушенные дома и убийство мужчин, женщин и детей в Великобритании были намного худшим злом для читателей. Кроме того, у прессы был полный доступ к информации, которого явно не было в Бельгии. Ни один инцидент в Бельгии никогда еще не получал такого подобного освещения. 17 декабря 1914 г., на следующий день после налета, целых три страницы «The Daily Mail» были посвящены этим событиям. Эта катастрофа давила на прессу в течение трех последующих дней и способствовала росту тиража для всех газет: 19 декабря «The Evening News» отметила, что экземпляры газеты «The Times» распродали в Лондоне к 9:15, и что продавцы явно завышали цены⁴⁰¹.

Касательно событий в Скарборо, в «The Daily Mail» вышла статья под названием «Повреждение церквей, отеля и частных домов», в которой сообщалось: «К сожалению, мы понесли потери - убитыми. Имена 17 погибших были названы полицией, но есть также и раненые. Большая часть из них – женщины и дети»⁴⁰². Редакционный комментарий был следующим: «Вчера впервые за два века британские города были обстреляны иностранным противником, и британская кровь была пролита на британскую почву. Какова была немецкая цель при нападении на неукрепленные курорты побережья и торговый порт?»⁴⁰³.

⁴⁰⁰ Macdonagh M. London during the Great War. L., 1935. P. 98-99. .

⁴⁰¹ The Evening News, 19 December 1914. P. 4.

⁴⁰² The Daily Mail, 17 December 1914.

⁴⁰³ Ibidem.

Нападение на восточное побережье дало прессе возможность создать намного более яркие и непосредственные сообщения. Коронеры провели ряд следственных экспериментов, связанных с гибелью женщины и детей; оставшиеся в живых предоставили рассказы очевидцев; были сделаны фотографии разрушенных зданий. Все это создало благоприятную почву для создания сенсации.

Шанс напечатать фотографии жертв, пожалуй, был самым благоприятным. На каждой странице «The Daily Mail» использовала семейные фотографии детей, убитых и раненых бомбардировкой, чтобы проиллюстрировать эту историю.

Это злодеяние не нужно было проверять, и оно касалось непосредственно гражданского населения, что вызывало небывалый доселе человеческий интерес. Например, в Хартлпуле германская артиллерия разбомбила дом Диксона. Отец уехал в армию Китченера, но его жена была покалечена, а трое из их шести детей были убиты и двое травмированы⁴⁰⁴. В течение недели об этом нападении в газетах говорили и писали больше, чем о немецких злодеяниях в Бельгии за предыдущие два месяца.

Город Скарборо вызывал у населения Великобритании приятные воспоминания о замечательном морском курорте, который был знаком большому числу городского населения северной Англии. Но стоит заметить, что Хартлпул пострадал намного больше⁴⁰⁵. Фраза «Помним Скарборо» стала лозунгом на севере Британии. Стихотворение Джесси Поупа, которое было явно пропагандистским, но тем не менее, получило по-настоящему широкое распространение в газетах:

Еда Янга Брауна была холодной.

Хотя он только что приступил к ней.

Он сверкнул глазами и сказал:

⁴⁰⁴ Miller F. The Hartlepoons during the Great War. Hartlepool, 1920. P. 88.

⁴⁰⁵ Ibid. P. 88-107.

«Касл-Хилл... Что же он наделал»
Война не тронула его до сих пор;
Он приветствовал бы своих приятелей,
которые уже отправились,
И все же заплатил шесть пенсов при входе,
Во время футбольного матча.
Но Скарборо! Он любил это место.
Счастливое прибежище летних пирушек,
Бомбардировка! Кровь прилила к его лицу,
«Дьяволы!»
Те Йоркширские женщины лежат мертвыми!
Новости стали размытыми - он попытался просмотреть их,
Затем привстал, «Это»; он спокойно сказал,
«Предел».
Он отправился в призывной центр,
он шагнул - он почти, казалось, управлял телом.
«Я хочу дать им затрещину», сказал Браун,
«ГОТОВО»⁴⁰⁶.

В стихотворении было приведено бесспорное доказательство германской жестокости и циничности. Уинстон Черчилль назвал военно-морской флот Германии «детоубийцами Скарборо»⁴⁰⁷.

18 декабря 1914 г. в передовой статье под названием «Отметка (След) Гунна», «The Daily Mail» сообщила: «Одним из доказательств того, что мы восприняли урок нападения близко к сердцу, будет прекращение рассуждений о необходимости ссылаться на статьи Гаагской конвенции перед лицом врага.

⁴⁰⁶ Willis I., England's Holy War. L., 1928. P. 186.

⁴⁰⁷ The Daily Mail, 25 January 1915.

Все бумажные ограничения, способные остановить войну, оказались в мусорной корзине, и война была объявлена»⁴⁰⁸.

Даже в марте 1915 года все еще было возможно найти в сообщении «The Daily Mail» некоторые похвальные примеры немецкого поведения. В статье с заголовком «Лодки, буксируемые услужливым Пиратом» командующего немецкой субмарины U32 хвалят за тактичное обращение с экипажем захваченного торгового судна «Дельмира». Он, как сообщалось, дал им время, чтобы добраться до своих лодок и предложил им бутылку вина, от которого они отказались. Он сказал им, что возьмет их на буксир и спросил, «Где я могу оставить Вас?». Они попросили отбуксировать их к английскому побережью. «Хорошо»,- сказал он, - «Я не смогу подплыть слишком близко, потому что я должен учитывать возможный риск потери моего судна. Я буду буксировать Вас, пока я не размещу Вас на борту другого судна»⁴⁰⁹.

В период от заявления о создании зоны блокады вокруг Британских островов в феврале 1915 года до уничтожения трансатлантического пассажирского лайнера «Лузитания» в мае того же года, подводная война считалась британцами совершенно ужасным немецким злодеянием.

В споре о праве на главенство и неправильных методах войны в море произошло столкновение культур. Являясь ведущей морской державой мира, полностью зависящей от импорта и перевозящей большое количество грузов на своих судах, Великобритания имела очень строгие представления о том, что было допустимо и недопустимо в военно-морской войне. Германия же была новичком и прежде никогда не участвовала в крупной военно-морской войне.

Британские представления были следующими: торговые нападения должны быть закончены, если невоюющие стороны дадут определенные гарантии. Это означало, что налетчики могли остановить судно в поиске контрабанды и уничтожить судно, везущее контрабанду на борту. Они могли

⁴⁰⁸ Ibid. 18 December, 1914.

⁴⁰⁹ Ibid. 27 March 1915. P. 5.

сделать это только, если безопасности гражданских лиц на борту ничего не угрожает. В идеале это означало, что необходимо брать пассажиров на свое судно и доставлять их до берега. По крайней мере, позволить гражданским лицам брать лодки и побираться до берега самостоятельно. Установка оружия на торговых судах или перевоз контрабандных боеприпасов ни в коем случае не меняла эти гуманитарные обязанности, и ни позволяла использование известных веками уловок таких, как использование флагов нейтральных стран⁴¹⁰.

Немцы, с другой стороны, применяли тактику в море, аналогичную сухопутной войне. Таким образом, вооруженные торговые суда были франко-бельгийскими и, как таковые подлежали уничтожению на месте. Следовательно, если некоторые торговые суда были вооружены, то немецкие подводные лодки были вправе предполагать, что любое торговое судно вооружено, и что немцы могли действовать по инструкции. Суда, имеющие боеприпасы на борту, можно было рассматривать как военные и уничтожать их независимо от риска для гражданских лиц; использование фальшивых флагов походило на ношение ложной униформы, что соответствовало преступлению, которое каралось смертью. Такие взгляды были совершенно чуждыми и варварскими для британцев⁴¹¹.

За пределами данного уже определенного нами столкновения было столкновение второго порядка – мировоззренческое. Чтобы понять это, важно проанализировать понятие культуры - что под ней подразумевали собственно немцы, и что, с точки зрения британцев в 1914-1915 гг., немцы понимали под этим понятием.

Первоначально в Германии понятия культура и цивилизация не стояли в бинарной оппозиции. Каждое из них прошло период становления и

⁴¹⁰ Gregory A. Op. cit. P. 58.

⁴¹¹ The Daily Express, 31 October 1914. P. 4.

самоусовершенствования. В XVIII веке появилась идея использования термина «Kultur» (культура), который противостоял термину «Zivilization» (цивилизация). Понятие «цивилизация» считалось определенно немецким явлением: внутреннее, честное самоусовершенствование немецкого характера, воспитанного в протестантском благочестии. Отношения между данными понятиями прояснились во время кризиса Первой мировой войны. В 1914 году, столкнувшись с войной против Франции и Великобритании, понятие «Kultur» отошло на второй план, поскольку немецкая моральная оппозиция была лицемерной, а понятие «Zivilization» возродилось в среде немецких интеллектуалов и стало методом самооправдания для военных и политических элит. Подобный расклад сил был на руку британским пропагандистам.

До 1914 года британский средний класс часто преклонял колени перед понятием «немецкой Культуры». Даже антигерманское чувство могло сделать исключение для духа Бетховена и Баха, Гете и Шиллера. Средние классы были музыкально грамотными, поэтому представления о немцах как о талантливых музыкантах была распространенной⁴¹².

Но как только Германия начала открыто критиковать понятие «цивилизации» и в британских глазах разрушения и злодеяния оправдывались от имени «культуры», сам термин приобрел зловещий аспект. Когда Вильгельм II дал интервью американской прессе, пытающейся неуклюже объяснить эти различия, «The Daily Mail» ответила следующим образом: «Есть, некоторое жизненное, но неуловимое различие между «Культурой» и «Цивилизацией». Таким образом, согласно Кайзеру, любой, кто входит в английскую гостиную, видит сразу, что мы - очень цивилизованная страна...

Но «культура», в истинном, тевтонском смысле, отворачивается от нас. Это некий внутренний дух, некое отношение к жизни, некий набор инстинктов,

⁴¹² Неслучайно, одной из самых жарких дискуссий осенью 1914 года была как раз дискуссия о немецкой музыке, которая все равно должна была публично исполняться. Считалось, что без немецких композиторов музыкальный репертуар будет второсортным.

который основан на глубочайшей сознательности и высшей морали, которая совершенно ускользает от нас. Фактически только у немцев она и есть. Но мы в Великобритании обеспокоены тем, насколько хорошо они смогут сохранить её»⁴¹³.

Острые разногласия были теперь четко выражены. Для британцев цивилизация означала норму права и гуманный обычай, который был чрезвычайно универсальным и не подлежал обсуждению. Например, были вещи, которые просто никто не должен был делать. Для Германии периода культурного релятивизма, эти британские претензии на универсальность были просто идеологией самооправдания доминирующей власти. То, что британцы могли утверждать, что их блокада была законной, а немецкая блокада не была таковой, являлось простым лицемерием в глазах немцев. Германия была более откровенна: если соборы использовались в качестве наблюдательных пунктов вражеской артиллерии, то они становились целью; если бомбардировка гражданских лиц или использование ядовитого газа ускоряли военную победу и спасала жизни немецких солдат, то разве не обязанность немецких вооруженных сил принять эти меры?

Технические достижения Великобритании, прошлых лет, отводили на второй план вопрос необходимости совершенствования военного потенциала. Позже во время войны британцы стали чрезвычайно гордиться своей технологией, танками, в частности, но в 1914-1915 гг. в то время как у немцев была технологическая мощь, машинная война предполагалась. Немцы праздновали свои успехи в инновационных военных технологиях: ядовитый газ, цеппелины (дирижабли), огнеметы и подводные лодки⁴¹⁴. Использование этого оружия считалось британской прессой незаконным. 13 октября 1914 года «The Daily Mail» высказалась по этому поводу: «Немецкие пилоты бомбардировщиков возобновляют свою бесчеловечную деятельность,

⁴¹³ The Daily Mail, 4 February 1915.

⁴¹⁴ См: Halpern P., A Naval History of the First World War. Los Angeles, 1994. P. 202-203.

сбрасывая бомбы на Париж... Бомбовые удары допустимы, когда получен некоторый военный заказ, например, на разрушение военных складов, военных мастерских, нефтехранилищ или складов с печатной пропагандой (листовки, брошюры, литература). Убивать мирное население без мотива и цели – это не война, а убийство. Пилоты на аэропланах «Таубе» убивали женщин и детей с жесткостью»⁴¹⁵.

После первого воздушного налета на Великобританию 20 января 1915 года передовая статья «The Daily Mail» была названа «В конце дирижабли»: «Дирижабли впервые появились в стране и привели к первым британским потерям. Жертвам их жестоких налетов сочувствует вся нация, но мир пойдет дальше. Они были убиты ни ради какой-то военной цели. Ярмут не был укрепленным городом, и должно было быть уведомление гражданскому населению перед любой бомбардировкой, в соответствии с Гаагской конвенцией [чтобы не цитировать книгу правил после Скарборо], которую Германия подписала. Немцы действовали в Ярмуте, таким образом, как они действовали в Хартлпуле и Скарборо и таким образом, как их войска действовали в бесчисленных местах в Бельгии и Франции»⁴¹⁶. С каждым месяцем войны становилось более очевидным, что неприкосновенность гражданских лиц от фактического театра боевых действий, которой они ранее обладали, закончилась.

Удушающий газ в особенности пробудил британскую враждебность. На следующий день после использования немецкой армией хлора на Ипре, Г. Валентайн Уильямс предложил свою собственную версию появления ядовитого пара в «The Daily Mail» в статье под заголовком «Мышление гунна»: «Его (гунна) методы войны не выдерживают сравнение с такими дикими, но благородными людьми, как зулусы. У его дикости, однако, нет щита и метательного копья. Это – хладнокровное применение каждого устройства

⁴¹⁵ The Daily Mail, 13 October 1914.

⁴¹⁶ The Daily Mail, 20 January, 1915.

современной науки, удушающие бомбы, зажигательные пластины и т.п., независимо от законов цивилизованной войны. Изумительная смесь примитивного варварства, низкого развитого хитрого и подготовленного интеллекта, который он (гунн) заключает в слове «культура»⁴¹⁷.

Остается удивляться, является ли это примером примитивного варварства или высококвалифицированного интеллекта, который вероятно был даже более оскорбителен для читателей «The Daily Mail».

Для Верховного командования Германии ядовитый газ был просто методом, приближающим победу, возможно даже гуманное действие, позволяющее закончить войну. Точно такой же аргумент позже оправдывал бомбардировку Хиросимы. Техническая незаконность применения подобных методов и непосредственные страдания населения не относились к делу. А для британцев в 1914 г., они были как раз важны.

Это столкновение восприятия войны в целом привело непосредственно к самому большому преступлению в глазах британского народа – потоплению «Лузитании». Ее история слишком известна, чтобы её подробно повторять. Тем не менее, стоит указать на несколько аспектов, которые были опущены в бесконечных доводах о крушении корабля⁴¹⁸. Во-первых, одно из важнейших последствий крушения «Лузитании» состояла в том, что после трагедии сформировалась американская позиция по данному вопросу, хотя подавляющее большинство из тех, кто погиб на корабле, и были британцами. Во-вторых, на «Лузитании» были реальные случаи детоубийства. Девяносто четыре пассажира, погибших на корабле, были детьми; тридцать пять из них – «младенцы». Даже сегодня фотография из морга и больницы Квинстауна,

⁴¹⁷ Ibid. 26 April 1915.

⁴¹⁸ Подробнее о потоплении корабля см: Simpson C. The Lusitania. L., 1972; Bailey T. A. and. Ryan P. B. The Lusitania Disaster. N. Y., 1975.

напечатанная в «The Daily Mail», все еще оказывает сильное впечатление, производя психологический эффект (Рис. 1)⁴¹⁹.

В-третьих, сколько бы британская пропаганда не использовала этот случай в своих целях, радостная реакция в Германии шокировала британцев и американцев. Праздничные настроения проявились в том, что немцы выпустили «Медаль Лузитании». Она была неофициальной копией подлинной, немецкой медали, выпущенной предпринимателем К. Гётцем по собственной инициативе. Британское правительство разрешило крупномасштабное производство этой медали, сильно превышающее оригинальное немецкое производство, и медаль была широко продавалась в Соединенном Королевстве и появилась также в Соединенных Штатах. Однако подобная ситуация не была разновидностью черной пропагандой, как можно было первоначально подумать. Британские медали продавались как копии немецких. Медаль полностью отражала официальную немецкую пропагандистскую линию: немецкая общественность действительно «праздновала» гибель экипажа подводной лодки, которая затонула в ходе крушения «Лузитании», и медаль была выпущена в честь памяти о погибших немецких солдатах. История с медалью, как и многое в британской пропаганде, «была серой, а не черной»⁴²⁰, хотя и вводящей в заблуждение.

И, в-четвертых, те многочисленные объяснения, которые поступили по поводу немецких действий, были отклонены в Великобритании, так как около 1.200 человек было «хладнокровно убитыми». То, что на борту «Лузитании» провозили боеприпасы, включая по всей вероятности, незаконный, незаявленный компонент, абсолютно не относилось к делу. Командующий подводной лодки, которая нанесла удар, возможно, и не знал об этом. Тем не менее, «Лузитания» с большим количеством гражданских на борту затонула.

⁴¹⁹ См. приложение. Рис.1.

⁴²⁰ Gregory Op. cit. P. 61.

Линия Левена - Скарборо - цеппелинов - ядовитого газа – «Лузитания» была теперь окончательно нарисована. В самом начале 1915 года «The Daily Mail» переиздала карикатурные зарисовки Уилла Дайсона⁴²¹. На последней странице были изображены две обезьяны в немецких касках в самолете, сбрасывающие бомбы на гражданских лиц (Рис. 2)⁴²². Это изображение в «The Daily Mail» показывало технологически продвинутых, но пока еще недостаточно эволюционировавших недочеловеков, параллельно утверждая, то, что немцы как люди были испорчены, развращены и, возможно, являлись сущим злом. Это изображение обезьян достигло классической формы в публикации «The Passing Show» через неделю после уничтожения «Лузитании», показывая немцев, поклоняющихся идолу клыкастой обезьяны, уносящей ребенка⁴²³.

Торпедирование лайнера стало заключительным доказательством, необходимым для демонизации образа врага в общественном мнении. К подобным доказательствам также относились военные действия, которые повлекли за собой преднамеренное убийство более, чем тысячи гражданских лиц. Каждый шаг на пути к демонизации Германии был связан с реальными событиями, хотя события интерпретировались в очень пристрастной форме. Обсуждая пропаганду немецких зверств, должно было принимать во внимание действительность этих злодеяний.

Итоговым результатом годовой подготовки к тотальной войне стала растущая вера в «расовую» развращенность немцев. 7 июля 1915 года в газете «The Daily Mail» вышла в свет статья американского журналиста Фредерика Уильяма Вайла под названием «Немецкий инстинкт убийства»⁴²⁴. Начав с анекдота о чикагском мяснике Огасте Беккере, который был повешен за

⁴²¹ Уильям Генри Дайсон (3 сентября 1880 – 21 января 1938) был Австралийский иллюстратор и политический карикатурист.

⁴²² Daily Mail, 1 January 1915. См. Приложение. Рис.2.

⁴²³ The Passing Show, 15 May 1915. P. 13.

⁴²⁴ Wile F. W. «The German Murder Instinct» // Daily Mail, 7 July, 1915.

убийство жены и кипячение её останков в машине для производства колбасы, У. Вайл детально представил три наиболее ужасных дела об убийствах, совершенных Германией. Они были описаны как «истории абсолютно типичного немецкого преступления». Поэтому, «Левен, удушающий газ и «Лузитания» являются логическим выражением жестокости и грубости современной немецкой природы». Он цитирует статистику о незаконном убийстве населения в Германии и Англии, отдает «преимущество» Германии и затем повторяет, что «Левен, ядовитый газ и «Лузитания» больше не являются тайнами»⁴²⁵. Эти представления были повсюду в «желтой» прессе.

В «The Passing Show» У. Ле Кё предположил, что концепция «прусского милитаризма» была работой «прогерманских апологетов». «Большинство позорных и зверских поступков немецкой армии... полностью одобрены массой той выродившейся страны»⁴²⁶. Возможно, что представления о возрастающем расизме в британских газетах были ответом на давление еженедельных немецких журналов.

В мае лорда Нортклиффа обвинили в «непатриотической» критике лорда Китченера. В конце концов, сомнительно, что это могло стать инструментом решения этой проблемы. Пресса и общественность совместно углубляли ненависть к Германии. Наиболее язвительным был расистский еженедельник «John Bull», его тираж увеличился на 300,000 экземпляров в начале 1915 г., доказав, что у него хорошая аудитория, жаждущая истребительной риторики в адрес немцев⁴²⁷.

Последствия и выводы были ясны: больше не существовало никаких различий между хорошими и плохими немцами так, как самые первые газетные сообщения говорили, что нет больше сдержанности и честной игры.

⁴²⁵ Gregory A. A Clash of Cultures // A Call to Arms. Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War / Ed. by T. Paddock L., 2004. P. 38.

⁴²⁶ The Passing Show, 15 May 1915. P. 10-11.

⁴²⁷ Gregory A. A Clash of... P.38.

Единственно верным ответом стало возмездие – ядовитый газ, который столкнется с ядовитым газом и «карательная» бомбежка немецких городов. Иначе говоря, убейте их всех, и пусть Бог во всем разбирается.

Эндрю Кларк был активным коллекционером слухов. В его дневнике от 29 октября 1914 г., есть запись о том, что, по словам Ф. Б. Роджерса, «среди руин школы нашли маленькую девочку с переломанными руками»⁴²⁸. Э. Кларк записывал все слухи, в которые он верил или не верил, в сборник «Herodotean». И он действительно уделял значительное внимание рассказам солдат. 12 октября он перечитывал рассказ солдата, воевавшего в Бельгии. В нем солдат выражал серьезные сомнения относительно представлений прессы о немцах, и заявлял, что немецкие солдаты действовали в рамках самообороны, когда «бельгийские девочки в возрасте пятнадцать или шестнадцать лет с револьвером в руке мчались на улицы, чтобы стрелять в немцев». Это изображение, фактически благоприятное для немцев, является, конечно, столь же очень неправдоподобной фантазией, как и отсечение рук. Свидетельство другого солдата намного больше соответствует обычному изображению немецких злодеяний. Гуляя по Оксфорду 20 ноября 1914 г., Э. Кларк встретил раненого служащего дипломатического корпуса. «Он сказал, что все, что было напечатано в газетах о германской жестокости, является истинной правдой. В Шато британские войска нашли большую группу немцев, которые убили жителей и пьянствовали в погребе. В то время как они были все еще пьяны, британские войска незаметно подошли и взяли их в плен... В другой деревне родители рассказали о двух своих дочерях, шестнадцати и восемь лет которым отрезали обе груди и оставили истекать кровью, что бы те умерли»⁴²⁹.

Свидетельство такого рода переворачивают обычное понимание пропаганды с ног на голову. Пресса подверглась критике со стороны солдат за

⁴²⁸ Clark A. *Echoes of the Great War*. Oxford, 1988. P. 26.

⁴²⁹ Ibid. P. 32-33.

то, что она не уделяет достаточного внимания немецким преступлениям⁴³⁰. Такое поведение подрывало обычный имидж «святых», «страдающих» британских солдат, обманутых циниками с Флит-Стрит. Самая позорная из всех историй злодеяний, которые появились в прессе, была следующей: офицер Солсбери, вернувшись с фронта, утверждал, что обнаружил бельгийского ребенка, наколотого на штык. Эта история была сначала напечатана в либеральной «The Daily Chronicle», а затем была подхвачена и развита газетой «The Evening News» под подзаголовком «Ребенок на штыке»⁴³¹. Маловероятно, что «The Daily Chronicle» намеренно придумала такую историю, скорее всего, газета была одурачена лживым солдатом.

Кроме сообщений официальных корреспондентов, свою особую роль в формировании образа врага и «ужасов» войны сыграли слухи и военная цензура.

Солдаты распространяли слухи, но и мирные жители от них не отставали. В брошюрах с советами 1914 года предусматривалось следующее обязательное положение для граждан: «Не распространять неподтвержденные слухи». И оно стало одним из наиболее проигнорированных запретов, когда-либо издававшихся в военное время⁴³². Великобритания стала эпицентром военных слухов. Истории о немецких зверствах были частью того мира, но только одной частью. Самые известные военные слухи начального периода войны были связаны с русскими.

Один из самых известных слухов был найден в дневниковой записи Уинифреда Тауэrsa от 29 августа 1914 года: «Мы впервые услышали «отличный слух». Сообщалось о том, что от 40.000 до 22.000 тысяч русских (по различным подсчетам) загрузились в Архангельске, и высадились в различных

⁴³⁰ Подобного рода солдатские письма можно обнаружить в следующих работах: Armitage F. B. Leicester 1914-18. Leicester, 1933. P.78-9, и. Lee J. A Todmorden in the Great War. Todmorden, 1922. P. 113.

⁴³¹ Evening News, 3 October 1914. P. 3.

⁴³² Wartime Tips for Soldiers and Civilians. L., 1914. P. 73.

местах на побережье Шотландии, потом были перевезены на поезде через Англию и теперь собирались высадиться во Франции в тылу немецких армий, продвигающихся к Парижу, и уничтожать их линии коммуникации... У каждого был друг или дворецкий, который видел их. О них сообщали во всех частях страны; многие истории были неопределенными, неправдоподобными, некоторые были очень забавными, как та история, в которой старая леди была уверена, что русские прошли Виллесден, потому что она увидела на снегу отпечатки их ботинок на платформе. Однако многие были действительно уверены, что видели их. Сообщалось, что в Саутгемптоне появились казаки. Конечно, были глупые скептически настроенные люди, которые говорили, что нельзя погрузить в Архангельске большую армию.... Все верили в существование русских, большинство людей продолжало верить в их присутствие, несмотря на очень решительное опровержение этой истории со стороны Пресс-бюро». На следующий день была сделана еще одна показательная запись: «Ситуация выглядит довольно скверной, у всех нас плохое настроение, хотя мысль о русских ободряла нас»⁴³³.

Это описание характеризует особенности слухов военного времени. Во-первых, чувство отсутствия или ненадежности «официальной информации». Военная пресса в большой степени подвергалась цензуре чрезмерно жесткой в тех вопросах, которые могли иметь стратегическое значение, и это влияние цензуры было возможно, преувеличено. Пресса жаловалась на жесткую цензуру. В результате, это привело к эклектичной попытке понять разрозненные факты и связать их в единый рассказ. Все большую поддержку стали получать слухи. Возможно потому, что существовал почва для распространения. Наконец, и особенно удивительным в военном слухе было то,

⁴³³ Towers W. L. B., First World War diary. P. 46-48. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://www.british-history.ac.uk/london-record-soc/vol37/pp70-93>

что услышав его, люди понимали, что это слух, и даже пытались предположить откуда он появился⁴³⁴.

Весь «мир слухов» Эндрю Кларка пополнился десятками записей в ходе войны. 21 августа 1914 года появился слух, что пять иностранцев попытались отравить водохранилище в Чингфорде. Он упоминает русских 30 августа, и вновь 3 сентября; а с 26 сентября появились слухи о шпионах Германии, и снова 20 октября, 24 октября, 26 октября, 29 октября, 30 октября и 9 ноября.

«В течение 1915 года вокруг деревни ходило много слухов, что некий Сибрук Уолтхем был арестован как шпион и застрелен 24 октября 1915 г. Э. Кларк отмечает, что «История Сибрука является выдумкой – история Сибрука фикция». 15 января 1916 года появляется непроверенных слух: «В текущем докладе, стало известно, что один из сыновей Кайзера заключен в Тауэре»⁴³⁵.

Первое, что необходимо отметить, так это то, что при пересказе этих лживых злодеяний нет никакой ссылки на прессу. «Как следствие, их слова являются беспочвенными. Эти истории – городские мифы».

Обращая внимание на то, что в каждом случае они повторяют классическую модель, согласно которой свидетелем является «друг друга». Доказательства находились, но достаточно далеко, чтобы их можно было проверить. Выбор времени также имел значение. Большинство слухов появлялись спустя месяц после первого большого сообщения в прессе о злодеяниях против бельгийских гражданских лиц.

Мы считаем, что зверские истории, прежде всего, представляли собой разновидность слуха, наряду с историями о шпионах, «русских» и «Ангелах Монса». Попытка рассмотреть пропаганду злодеяний как «технику», в которой истории создавались с определенной целью, и затем распространялись через СМИ, основана на фундаментальном непонимании. Вместо того, чтобы быть навязанными «сверху» легковверной общественности, большинство историй о

⁴³⁴ Macdonagh M. Op. cit. P. 21-22.

⁴³⁵ Clark A. Op. cit. P. 85-92.

злодеяниях проникали в средства массовой информации из этого «ада слухов». Тщательное рассмотрение даже тех случаев, на которые ссылается А. Понсонби, фактически предлагает нам такую интерпретацию: часто история начинались не с журналистских или передовых статей, а с письма в прессу.

Большая часть британцев уже в середине сентября 1914 года не сомневались в том, что Германия несет ответственность за войну. Кроме того, у них не было сомнений, что было что-то ощутимо неправильное в тех способах, которыми Германия вела войну. Например, популярная история канадского сержанта, замученного в Ипре в 1915 г., не может, конечно, быть понята без участия бесспорного факта, что в том сражении канадское подразделение подверглось нападению с использованием отравляющего газа. Истории преследования бельгийских детей и изнасилования бельгийских женщин не кажутся маловероятными, когда образы «бедной маленькой Бельгии» и «Нарушение бельгийского нейтралитета» использовались в прессе чуть ли не каждый день. Это прямое использование семиотики, эволюция знаковых образов в прессе – от «Бедной искалеченной маленькой Бельгии» до «Бедных искалеченных маленьких бельгийцев», или от «Насилия в Бельгии», как метафоры к фактическому изнасилованию бельгийских женщин.

Пресса, в первую очередь нортклиффская, действительно служила той почвой, в которой процветали истории злодеяний. Намекая на отвратительные ужасы, пресса более или менее гарантировала, что об этих ужасах будут говорить и далее. Прессе удалось создать настолько правдоподобные образы немецких преступлений, что фактически любое зверство казалось вероятным.

Но не пресса начинала процесс дегуманизации врага; немецкие военные и военно-морские командующие сами сделали злодеяния правдой. В конце концов, это были реальные преступления или военные действия, которые воспринимались как зверства со стороны Германии, которые увеличивали

общественную ярость. Особенно ярко британское негодование выразилось в мае 1915 г. посредством массовых выступлений по всей Британии ⁴³⁶.

Мысль о том, что функция пропаганды во время войны заключалась только лишь в искусственном создании ненависти по отношению к Германии в нейтральных странах, являлась не совсем верной. Когда положительная история о «немце A1» появилась в «The Evening News» в октябре 1914 г., и газета описала, как умирающий немецкий солдат отказался от воды и настоял на том, чтобы её отдали раненому британскому солдату⁴³⁷, Э. Кларк сделал записку на полях, охарактеризовав её как «разновидность беллетристики. Один из вредителей военного времени»⁴³⁸.

Создание образа «ужасного гунна» было хорошим бизнесом; справедливость могла бы быть губительной. Общественность была самым неистовым ненавистником, по сравнению со значительной частью британской прессы, а пресса была более склонна к неприязни, чем официальные агентства. Процесс шел скорее снизу вверх, чем наоборот. В сентябре 1914 года Горацио Боттомли был возмущен фактом конфискации открыток, которые он напечатал. Они были изъяты полицией для того, чтобы дискредитировать кайзера. Тот факт, что рука правительства действовала в период войны против демонизации вражеского главы государства, кажется столь экстраординарным теперь, как и в то время⁴³⁹.

Реальный результат правительственных пропагандистских усилий был положительным: неоднократные публичные заявления, что Великобритания не была ответственна за войну, были фактически единственным серьезным

⁴³⁶ Gregory Op. cit. P. 69.

⁴³⁷ Evening News, 10 October 1914. P. 2.

⁴³⁸ Clark A. English Words... Vol. viii. P. 272.

⁴³⁹ Collins L. J., Theatre at War. L., 1998. P. 196, P. 199.

пропагандистским сообщением. Но все более и более пропаганда превращалась в две связанные, но с трудом совместимые, цели: одна цель состояла в уверенности общественности, что победа была неизбежна, другая – в наставлении населения для активного участия в войне. Несправедливость врага могла в основном считаться само собой разумеющимся; вопрос теперь состоял в том, каким образом нужно победить врага. Особую роль в формировании образа врага, варвара-гунна, жесткого и непредсказуемого немца, сыграл доклад специально созданной комиссии под руководством лорда Брайса, изданный 12 мая 1915 года.

§3. Мифологизация войны

С момента начала Первой мировой войны в августе 1914 года, когда немецкая армия прошла через Бельгию и Францию, Германию обвиняли в совершении военных преступлений. Рассказы были настолько широко распространены, что стали ценным подарком для пропаганды стран Антанты. Британское Бюро военной пропаганды, не тратя время на «обоснование» фактов с помощью официального отчета, запустила их в широкую печать, в первую очередь, в нейтральной Америке.

В Великобритании не было ни одного человека, в отличие от Соединенных Штатов, кто бы не слышал или не читал об «одичавших» немецких солдатах, о тех ужасах, которые происходили, когда они как звери шли через города и села Бельгии и Франции, убивая женщин и детей без разбора, насиловали монахинь, отрезав детские руки и ноги, и убивали младенцев в их детских колясках.

Мало кто в то время задумывался над тем, что немецкая армия в 1914 году была одним из самых дисциплинированных военных инструментов в мире; инструмент, который полностью подчинялся должностным лицам. Если бы кто и задал вопрос, как такая сила может осуществлять такие зверские поступки, то ответ был прост – они должны были подчиняться приказам.

Наиболее загадочным аспектом историй о немецких зверствах является то, что десятилетия исследования дали немного фактов на пути убедительных доказательств этих «сказок», распространённых британской пропагандой. Так с чего же начались эти истории?

По крайней мере, два достоверно подтвержденных случая – в Динане и Левене в Бельгии. Германские войска утверждали, что были обстреляны снайперами и приняли ответные меры: яростно убивая мирных граждан и сжигая их дома. Но эти инциденты, несмотря на их дикость, не могли доказать британским утверждениям, что армия Вильгельма II приступила к реализации

планируемой стратегии зверства. Чтобы понять, как британская пропаганда смогла изобразить истории о зверствах в виде преднамеренной немецкой политики, мы должны более внимательно взглянуть на фактические элементы, из которых были сфабрикованы агитационные мифы. Эти элементы включали в себя нарушение Германией бельгийского нейтралитета, преднамеренный захват заложников во французских деревнях, чтобы противостоять партизанской войне. И, наконец, самое главное, пропагандистское «сырье» – городские мифы, которые в результате этих обстоятельств были переделаны и представлены как исторический факт, который был безжалостно использован британской пиар-машиной. Когда эти элементы собрались воедино, получился образ «варвара–гунна», явившегося одним из самых необычных пропагандистских наследие Первой мировой войны.

Первым «пропагандистским подарком» Германии союзникам стало вторжение в Бельгию, несмотря на договор, гарантирующий международный бельгийский нейтралитет, подписанный Англией, Францией, Россией, Австрией и Германией. На самом деле нарушение границы не было вызвано каким-то злым умыслом, все дело было в железнодорожном расписании. Немецкие планы мобилизации привели к перевозке не менее чем 2,5 миллионов человек на фронт. Для этого немецкая армия монополизировала всю железнодорожную сеть и «поставила» на неё 11.000 поездов. Ввод такого большого числа поездов сразу создал бы заторы на оживленных железнодорожных узлах, особенно на главном переходе в Аахене на немецко-бельгийской границе, в результате чего произошел бы железнодорожный коллапс. Чтобы сохранить работу сети, поездам, которые достигли Аахена, было необходимо продолжать двигаться вперед к месту назначения через территорию Бельгии ⁴⁴⁰.

⁴⁴⁰ Taylor A.J.P. English history.... P. 11.

Известный английский историк А. Тейлор отметил, что по этой и другим причинам немецкий план заведомо включал нарушение бельгийского нейтралитета. Создателем плана занимался граф фон Шлиффен, который должен был понимать последствия своей стратегии для международной дипломатии, но он был солдатом, а не дипломатом, и его цель была не в том, чтобы защитить репутацию Германии, а в том, чтобы выиграть войну против Франции и России и не бороться на двух фронтах одновременно.

Существует мнение о том, что кайзер Вильгельм II и его военные советники действительно понимали, что мобилизация армии неизбежно приведет к войне. После того как Вильгельм II отдал приказ о мобилизации в августе 1914 года, он позже пытался отменить эту директиву и приказал начальнику Генерального штаба генералу фон Мольтке остановить некоторые эшелоны, но было слишком поздно, войска уже пересекли границу с Бельгией. В эмоциональном разговоре с британским послом, сэром Эдвардом Гошеном в роковой день 4 августа канцлер Германии Бетман-Гольвег умолял понять, что нарушение бельгийского нейтралитета было вопросом жизни и смерти для Германии и директивы уже не могут быть отменены. В том же разговоре канцлер Бетман-Гольвег, отклонил договор, гарантирующий бельгийский нейтралитет, посчитав его не более чем «клочком бумаги», тем самым теряя всякую надежду на восстановление респектабельность Германии⁴⁴¹. Вторая проблема, с которой столкнулась немецкая армия, привела к еще более жестоким упрекам на международной арене.

Когда массивные германские колонны двинулись через Францию, армия брала заложников в каждой деревне. Причиной этой политики явился её опыт во франко-прусской войне 1870 года, когда французские партизаны в гражданской одежде стреляли с огневых позиций в домах или коттеджах. Это

⁴⁴¹ Sir E. Goschen to Sir E. Grey. London, 8 August 1914 // Great Britain and the European crisis: correspondence, and statements in Parliament, together with an introductory narrative of events. L., 1914. P. 78.

вызвало панику и потерю духа в рядах обычно дисциплинированного прусского войска, и количество жертв среди солдат порядком возросло⁴⁴².

Чтобы этого не случилось снова, в августе 1914 года, когда немецкая армия вступила на территорию Франции, в каждом городе и деревне на протяжении всего маршрута вторжения были расклеены плакаты. Плакаты сообщали потенциальным партизанам, что если немецкие солдаты будут обстреляны, то в отместку будут казнены заложники. На практике схема работала. Оказавшись взятыми врасплох благодаря такой тщательной подготовке германской армии, французские партизаны фактически не приняли участие в сопротивлении. В отличие от 1870 года, было всего лишь несколько случаев обстрела немецких солдат, а заложники были освобождены целыми и невредимыми. В военном отношении это был большой успех. Но в условиях пропагандистской войны это стало вторым крупным поражением Германии⁴⁴³, так как немецкое правительство показала свою слабость и обеспокоенность враждебно настроенным наслоением Франции, что не могло не стать поводом для использования этого факта британской пропагандой.

Когда новость о таком хладнокровном и тщательно спланированном захвате заложников дошла до Лондона, английская пресса встретила её с беспрецедентной враждебностью. Вскоре слово «зверство» появилось во всех заголовках газет лорда Нортклиффа в «The Times», «The Daily Mail», и в других изданиях за рубежом. Для обычных читателей газет лорд Нортклиффа в таких новостях было что-то крайне интересное, тайное, был показан немецкий хладнокровный расчет, угроза похитить и убить; это казалось крайне враждебным, варварским отношением. Такой хладнокровный шантаж населения воспринимался как деятельность бандитов, а не солдат, и свидетельствовал об истинной природе «зверских гуннов».

⁴⁴² Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford, 1971. P. 206.

⁴⁴³ Milton R. Op. cit. P. 50-51.

В действительности, немецкий план был основан на британском прецеденте. Четырнадцать лет назад в Южной Африке британские войска под командованием лорда Китченера, брали в заложники жен и детей буров и помещали их в концентрационные лагеря. Так что, это было британское, а не немецкое изобретение.

Условия в лагерях были ужасные, они были переполнены, практически отсутствовали медицинские учреждения, царил антисанитария. Женам и детям буров, которые продолжали воевать, убрали мясо из рациона, и не давали никаких свежих овощей и молока для детей и младенцев. В результате различных заболеваний и эпидемии погибли 26370 женщин и детей в концентрационных лагерях. Причем дети составили подавляющее большинство. Буры в конечном итоге сдались⁴⁴⁴.

Эта «успешная» акция стала моделью, на которую немецкое командование опиралось в своих планах захвата заложников в 1914 году, в то время как лорду Китченеру «аплодировали» в британской прессе и он вернулся домой героем, поведение немцев спровоцировало национальную ненависть.

Такая реакция значительно усилилась, когда немецкие войска заняли бельгийские города Динан и Левен и заявили, что их обстреляли снайперы, и они вынуждены были применить репрессии, которые проявились в убийстве мирных жителей, грабежах и поджоге домов. Действия в Динане и Левене означали, что истории о зверствах в британской и американской прессе будут преумножаться и полностью выйдут из-под контроля. Армия, которая была способна заранее планировать похищение жителей и стрельбу в мирное население, была способна на все⁴⁴⁵. Вскоре британские и французские газеты наперебой печатали худшие истории о «немецких злодеяниях». Женщин насиловали под угрозой применения оружия, а их детей ставят у стен и

⁴⁴⁴ Pakenham T. The Boer War, N. Y., 1979. P. 607; Idem. The Scramble for Africa. N. Y., 1991. P. 578-579.

⁴⁴⁵ Taylor A.J.P., The Struggle ... P. 212.

расстреливают. Младенцев закалывают штыками в своих кроватках. Малышам отрезают руки и ноги. Женщинам отрезают груди. Монахинь насилуют, а священников используют в качестве языка в колоколах собственных церквей. Такие истории утвердились как самые причудливые бульварные изобретения всех времен. Позже Веллингтон Хаус даже утверждал, что немцы занимались кипячением органов собственных мертвых солдат, чтобы сделать мыло и глицерин, хотя где немцы нашли время, чтобы сделать это промышленным производством, Веллингтон Хаус не объяснил.

Германию оскорбили международные обвинения в том, что она вторглась в Бельгию без причины, и поэтому она стремилась опровергнуть их. Немцы заявили, что Франция и Великобритания первыми нарушили бельгийский нейтралитет. В «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» от 24 ноября 1914 года доктор Мюнстерберг сказал, что «Бельгия решила принять сторону Франции, которой она всегда симпатизировала.... Бельгия была одним большим укрепленным лагерем [против Германии]⁴⁴⁶.

На самом деле, немцы были правы – Франция была вооружена и её войска находились в Бельгии уже 30 июля, и англичане высадили десант в Остенде в тот же день. Доктор Мюнстерберг жаловался, что «когда Германия прошла через Бельгию, Америка разделяла возмущение Англии, для которой это послужило желанным предлогом. Но, что Франция оказалась раньше нас в Бельгии, держится в секрете от большинства американских газет»⁴⁴⁷.

Возможно, что нарушение бельгийского нейтралитета, захват заложников, усиленный произволом в Динане и Левене, были достаточными, чтобы подпитывать британскую и американскую массовую прессу историями о «немецких зверствах»: изнасилованиях и убийствах младенцев. Но когда международные репортеры начинали появляться в зоне боевых действий, они встречали беженцев, которые подтверждали истории и, казалось, придавали

⁴⁴⁶ Epstein J. Op. cit. P. 16.

⁴⁴⁷ Ibidem.

правду рассказам о «немецких зверствах», однако чаще всего беженцы рассказывали об артиллерийских обстрелах и разрушениях, следовавших за ними.

Английский исследователь А. Дж. Тейлор отметил, что если бы Наполеон вернулся к жизни в 1914 году, он нашел бы немного отличий от битвы при Ватерлоо: «массы людей, идущих в бой и несущих винтовки и рюкзаки, в то время как в 1915 г. он бы вряд ли признал Западный фронт полем боя»⁴⁴⁸. Слишком разнились орудия, стратегия и техника ведения войны. В первые дни войны бельгийские города и деревни были обстреляны. Результатом стал очень высокий уровень потерь среди гражданского населения, а беженцы отправлялись подальше от обстрелов, многие из них были также сильно ранены в ходе бомбардировок.

Так получилось, что, когда немецкая армия двинулась через Бельгию в Северную Францию в августе 1914 г., её мобильная артиллерия нанесла серьезный ущерб, повлекший за собой большое число раненных и убитых, повреждение и разрушение зданий в гораздо большем масштабе по сравнению с войной 1870 г. Уровень разрушений шокировал всех, включая немцев. Вид сотен беженцев, некоторые из которых страдали от страшных увечий, укрепили веру в рассказы о зверствах немецких солдаты.

По понятным причинам бельгийская тема особенно активно использовалась британской пропагандой. Понимая, что газетные статьи могут не дать должного эффекта, правительство позаботилось о том, чтобы придать публикуемым фактам больший вес⁴⁴⁹. События в Бельгии совпали с созданием Бюро военной пропаганды Д. Ллойдом Джорджем. Как уже говорилось, одним из первых крупных успехов Бюро стало издание доклада лорда Дж. Брайса

⁴⁴⁸ Taylor A.J.P. The Struggle... P. 488.

⁴⁴⁹ См.: Фомин А.М. Национализм и национальная идея в Первой мировой войне // Первая мировая война и судьба европейской цивилизации / Под. ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014. С. 368.

«Отчет о предполагаемых немецких зверствах» от 12 мая 1915 г.⁴⁵⁰. Комитет юристов, под руководством виконта Дж. Брайса объявил, что отчет является независимым и объективным официальным обзором историй о зверствах в Бельгии⁴⁵¹. Дж. Брайс, который до 1913 года являлся британским послом в Соединенных Штатах, был там известной и уважаемой фигурой, а также являлся выдающимся историком. Номинально комитет был полностью независимым, и его вовлечение в Бюро пропаганды Ч. Мастермана было секретным. На самом деле Дж. Брайс был выбран потому, что его слово имело вес для американской общественности, и документ был опубликован одновременно на 30 языках, чтобы убедить другие нейтральные страны. Дж. Брайс оценил оказанное ему доверие и подошел к делу со всей ответственностью. Материал составлялся как из рассказов британских военных, так и по свидетельствам французов и бельгийцев, однако превалировали все же свидетельства соотечественников Дж. Брайса. Использовались также попавшие в руки союзнических армий дневники немецких солдат. Составители документа предупреждали, что требовать от солдат, попавших в незнакомую страну, точности в воспроизведении иностранных названий нет смысла. Это не декларировалось как главная цель «Комиссии по расследованию предполагаемых немецких бесчинств» (так называлась экспертная группа, возглавляемая Дж. Брайсом). Подготовленный ею документ пестрит всевозможными шокирующими фактами. Всюду можно встретить хрестоматийные рассказы о детях с отрубленными руками или ушами. Этот широко растиражированный жуткий образ можно охарактеризовать как квинтэссенцию антигерманской пропаганды. Несмотря на старания членов Комиссии представить армию Германию ордой дикарей, в документе можно

⁴⁵⁰ Report of the Committee on Alleged German Outrages by James Bryce // Great Britain Committee on Alleged German Outrages, L., 1915.

⁴⁵¹ Джеймс Брайс (1838 - 1922) - британский историк, дипломат. В 1907-1913 гг. был послом Великобритании в США. Помимо расследования преступлений, совершенных немцами в Бельгии, собирал материалы о геноциде армян в Турции.

найти упоминания о человеческих отцах - командирах. Все-таки образ немцев как «просвещенной нации» не до конца стерся из сознания британцев⁴⁵². В разделе «Обращение с женщинами и детьми» упоминается некий офицер, который, глядя на вакханалию, устроенную солдатами, произнес: «Я сам отец, и мне трудно терпеть все это. Это не война, а скотобойня»⁴⁵³.

Рядовые и офицеры, по версии доклада Дж. Брайса, были подвержены пьянству. Докладчики приводят ряд случаев, когда злодеи понесли должное наказание за издевательства над мирными жителями; некоторые солдаты были приговорены к расстрелу. И опять, не обошлось без вмешательства офицеров, которые, тем не менее, чаще поощряли своих подчиненных в грабеже и насилии, чем наказывали за это. Иногда жертвы, как говорится в документе, сами провоцировали своих обидчиков, говоря что-то обидное, или отказывались дать пищи или воды. Имело место использование мирного населения в качестве заградительного щита от пуль. Члены Комиссии характеризовали такой метод как подрывающий традиционные правила ведения войны.

В докладе за истину принимается практически каждый рассказ очевидцев, в большинстве случаев без подтверждения. Он также признал, что такие действия как отсечение рук и групповое изнасилование молодых женщин происходили и являлись обычным делом. В некоторых случаях принятие зверств контрастирует резко с фактическими свидетельствами очевидцев. Согласно докладу членов комитета Дж. Брайса: «Они были проинструктированы, чтобы не «давить» на свидетелей, или делать какие-то предложения им, а также убедить их в необходимости внимательности и точности в предоставлении своих доказательств...Они должны задавать

⁴⁵² Цит. по: Забелина Н.Ю. Указ. соч. С. 78.

⁴⁵³ Report of the... P. 38.

вопросы и критически относится к показанию свидетелей и всячески проверять эти показания»⁴⁵⁴.

Комитет также настоял, на том, чтобы «полностью» включать все заявления, «которые оправдывать германское войско», и отклонять любое свидетельство от сомнительных свидетелей. Тем не менее, комитет пришел к заключению, что «в нынешней войне это тягчайшее обвинение против немецкой армии...факты показывают, что убийство мирного населения доходило до такой степени жестокости, что ни одна предыдущая война между народами не может предоставить подобный прецедент»⁴⁵⁵.

Примером такого рода ужаса, могут являться показания очевидцев, на которых и был основан отчет: «В Малине один из свидетелей видел, как немецкий солдат отрезал груди женщины после того, как он убил ее, и видел множество других трупов женщин на улицах Бельгии... В Херенте другой свидетель показал, что видел пьяного немецкого солдата убившего двухлетнего ребенка: Солдат проткнул штыком живот ребенка, поднял ребенка в воздух на штык, он и его товарищи начали петь. Другие свидетели видели немецких солдат, которые отрезали руки и ноги ребенку»⁴⁵⁶. В итоговой части доклада авторы сделали заключение, что преступления, совершенные германскими войсками в Бельгии, являлись частью продуманной стратегии, основанной на терроре. Такого количества убийств и случаев мародерства, считали члены Комиссии, не было в истории ни одной войны между цивилизованными нациями за последние три столетия⁴⁵⁷. Здесь стоит указать на то, что место Германии среди цивилизованных наций Дж. Брайсом и его соратниками не ставилось под сомнение. Тем не менее, увиденное и услышанное шло вразрез с традиционными представлениями. Начиная с 1915 г. и до конца войны развитие

⁴⁵⁴ Ibid. P.2.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 30.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 19-22.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 61.

темы преступлений, совершенных немецкими военными, стало беспримысленным приемом британской пропаганды.

Бюро военной пропаганды пыталось найти и другие способы воздействия на население. Д. Бакен представил бюро известного голландского карикатуриста Луи Раймекерса. Он получил заказ произвести иллюстрации к брошюре, изображая немцев, совершающих предполагаемые злодеяния. Он сделал их со своим обычным мастерством как художник-иллюстратор⁴⁵⁸. Умение Л. Раймекера изображать на своих картинах немецкого солдата так похожего на «зверского гунна» так разозлило немецкое правительство, что они предлагали награду 12000 гульденов за его голову.

Еще до того, как доклад Дж. Брайса был опубликован, газеты в Англии и Франции уже были полны сообщениями о «немецких зверствах». 27 августа 1914 г. репортер газеты «The Times» сообщал: «Почти все люди, которых я опросил, рассказывали о немецких зверствах. Целые деревни, говорили они, были преданы огню и мечу. Один человек рассказывал, что он видел своими глазами, как чиновники католической общины отрубили руки малыша, который цеплялся за юбку матери»⁴⁵⁹.

К январю 1915 г. «The Times» подтвердила своим читателям, что доклад Дж. Брайса не был преувеличением: «Рассказы об изнасиловании настолько ужасно детально описаны, что их публикация может показаться почти невозможной, если бы не необходимость показать в полной мере природу диких зверей, сражающихся под немецким флагом»⁴⁶⁰.

Едва ли менее сенсационным было отчет Ф. Кэмпбелла, который находился в Париже в первые месяцы войны и писал о прибытии бельгийских беженцев в своей книге 1915 года «Обратно на фронт». «В одном вагоне сидела на полу, обнаженная девушка около 23 лет. Одна из ее старших сестер, более

⁴⁵⁸ Sanders M.L. Taylor Ph. Op. cit. P. 176.

⁴⁵⁹ The Times, 27 August 1914.

⁴⁶⁰ Ibid. 15 January 1915.

удачливая, обладала нижним бельем. Она порвала его пополам и покрыла переднюю часть бедного тела сестры. Она была пропитана кровью от ее отрезанной груди. На коленях лежал ее маленький ребенок, мертвый. Были женщины, которые были избиты, женщины, чьи дома сожгли, мальчики, искалеченные без рук и ног, их раны были ужасными. С одной стороны двери сидел солдат, который потерял обе ноги, и он поддерживал мальчика, у которого не было рук. Один Горец умолял меня, чтобы я ушла - «Уходи, девчушка, - сказал он, тяжело. Они не мужчины, они бесы!». Его глаза, казались, умирающими, смотрящими на что-то ужасное»⁴⁶¹.

Многие британцы, как среди гражданского населения, так и в вооруженных силах, читали и верили в зверские истории. Образованная часть общества относились к ним с осторожностью, и несколько писателей полностью отвергли их. Маргарет Коул, английская социалистка и феминистка, выступала против воинской повинности в 1914 г., но позже приняла в ней активное участие во время Второй мировой войны. Она написала: «Обязательная воинская повинность была введена только в 1916 г., хотя были даны торжественные обещания не вводить воинскую повинность, но она была использована для укомплектования армии добровольцами; но с самого начала критики войны подверглись преследованию военной истерии...узнав новости из Монса и Шарлеруа; стало казаться, что наша армия и французские войска не шли на Берлин, а убегали от него; шквал ложных и глупых «историй о зверствах», о детях, с отрезанными руками, о священниках, которых использовали в качестве «человека-трещотки» для собственных колоколов, и тому подобное оказалось враньем»⁴⁶².

Ирвин Кобб был одним из нескольких американских репортеров в Бельгии, когда страна была оккупирована немецкой армией в 1914 году. И. Кобб писал: «Каждому бельгийскому беженцу было что рассказать о немецких

⁴⁶¹ Campbell Ph. Back of the front. L., 1915. P. 76.

⁴⁶² Cole M. Growing up into revolution. L., 1949. P. 51.

зверствах над мирным населением, но мы не нашли очевидцев таких вещей. Всегда наши информаторы лишь слышали о пытках, нанесения увечий или убийству, но никогда не видели лично. Это всегда происходило в другом городе, никогда не в их родном»⁴⁶³.

Молодой офицер Роберт Грейвс, служивший на Западном фронте в годы Первой мировой войны, записал свои впечатления в своей книге «Прощай за все»: «Агитационные отчеты о зверствах были смешны. Мы больше не верили в «немецкие зверства» в Бельгии. Под зверством мы понимали, в частности, изнасилование, нанесение увечий, пытки и – расстрелы подозреваемых шпионов, укрывательство шпионов, или непослушание местных чиновников. Если в список злодеяний включить случайные цели при бомбардировках или обстрел гражданских лиц с воздуха, то союзники сейчас был бы такими же злодеями, как немцы»⁴⁶⁴.

«Французские и бельгийские мирные жители часто пытались завоевать нашу симпатию, демонстрируя увечья детей без рук и ног, например, - представляя это как преднамеренную, дьявольскую жестокость, когда, как, вероятнее, всего они были лишь результатом попадания снарядов. Мы не считаем, что изнасилования были распространены больше на немецкой стороне, чем на стороне союзников.

Что касается преступлений совершенных против солдат – где следует провести черту? Британские солдаты, во-первых, рассматривали использование ножей Боуи⁴⁶⁵ немецкими патрулями как зверство. Через некоторое время они сами научились пользоваться ими; они были «чище» для убийства, чем револьверы или бомба. Немцы считали в свою очередь жестоким

⁴⁶³ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spartacus-educational.com/FWWatrocities.htm>

⁴⁶⁴ Graves R., Goodbye to All That. L., 1961. P. 145.

⁴⁶⁵ Нож назван по имени изобретателя—Джеймса (Джима) Боуи, героя Техасской революции.

использование пуль Mark VII⁴⁶⁶ с большим поражающим эффектом в британских винтовках. Для истинных зверств, означающих скорее личные, чем военные нарушения кодекса войны, за исключением периода между сдачей заключенных и их прибытия (или неприбытия) в штаб-квартиру. Почти каждый инструктор в кают-компании мог бы привести конкретные примеры того, кто из заключенных был умерщвлен на обратном пути. Наиболее распространенными мотивами, кажется, были месть за смерть друзей или родственников, зависть по поводу пребывания заключенного в комфортабельном лагере для военнопленных в Англии, военный энтузиазм, или нетерпение от сопровождения. В любом из этих случаев проводник сообщал по прибытии в штаб-квартиру, что немецкий снаряд убил пленных; и не возникало никаких вопросов. Мы имели все основания полагать, что то же самое происходило на немецкой стороне, где заключенные были как «беспольные рты», которых нужно кормить, а в стране уже ощущалась нехватка пайков...»⁴⁶⁷.

Немецкое бюро пропаганды дало отпор английской пропагандистской машине, опубликовав в мае 1915 г. «Белую книгу» о зверствах, совершенных против своих собственных сил. Там утверждалось, что: «Было установлено, вне всякого сомнения, что бельгийские мирные жители грабили, убивали и даже отвратительно уродовали раненых немецких солдат, в этих зверствах принимали участие женщины и дети. Таким образом, были выколоты глаза у немецких раненых солдат, отсутствовали уши, носы и пальцы были отрезаны, они были кастрированы или выпотрошены. В других случаях немецкие солдаты

⁴⁶⁶ Mk. VII — английский винтовочный унитарный патрон с гильзой с выступающей закраиной, патрон образца 1910 года с остроконечной оболочечной пулей массой 147 гран и зарядом бездымного пороха. Пуля с лёгким носиком (бакелитовый или алюминиевый вкладыш) обеспечивает поражающее действие, близкое к экспансивным пулям.

⁴⁶⁷ Graves R. Op. cit. P. 162.

отравлены или вздернуты на деревьях; горячая жидкость выливалась на них, или они были сожжены иначе так, что они умерли в ужасных пытках»⁴⁶⁸.

Это была удачная попытка немецкой пропаганды, но было слишком поздно учувствовать в пропагандистской гонке. Доклад лорда Брайса, по крайней мере, в военные годы и не без помощи прессы, заставил общественность во Франции, Великобритании и США воспринимать немцев как милитаристских, жестоких, трусливых, звероподобных и бессмысленных варваров, неспособных чувствовать и едва ли достойных занимать место в международном сообществе цивилизованных наций.

Такой эффективной оказалась «черная» пропаганда, что ей верили почти повсеместно, не только в «целевых» нейтральных странах, но и в самой Англии. И хотя Чарльз Мастерман старался сохранить свою организацию максимально безупречной на оставшуюся часть войны, но, в конце концов, в 1917 году бюро опубликовало информацию об интересном случае на «трупной фабрике».

В конце марта 1917 г. бельгийская газета напечатала отчет, в котором говорилось, что в Голландии был обнаружен железнодорожный вагон загруженный трупами немецких солдат. Было заявлено, что тела были предназначены для завода в Льеже, где из них должны были сделать мыло, но были посланы в Голландию по ошибке. 10 апреля Берлинская газета «Lokal Anzeiger» публикует историю о заводе, на котором из человеческих останков делали военные товары. Через неделю «The Times» в Лондоне обвинила немцев в том, что они производят из трупов погибших солдат мыло, и Министерство иностранных дел начало собственное расследование⁴⁶⁹.

Под непосредственным давлением членов разведывательного бюро Мастерману пришлось подтвердить историю в официальной брошюре, но он все же сопротивлялся в течение некоторого времени. Он понял, что в истории

⁴⁶⁸ The German army in Belgium, the white book of May 1915.L., 1921. P. 48, 68, 100, 191.

⁴⁶⁹ Milton R. Op. cit. P. 62.

присутствовало очень мало фактических данных, а дальнейшие исследования показали, что это были не человеческие, а лошадиные трупы. В Веллингтон Хаус эксперты немецкого языка спорили о точном значении слова *cadaver* («труп»), которое использовалось в немецкой прессе для обозначения то ли человеческих, то ли лошадиных трупов.

Вопрос о том, должна ли история стать предметом пропаганды был решен министром иностранных дел лордом Бальфуром, который признался, что доказательства были неубедительными, но добавил: «Не желательно, что Правительство Его Величества должно брать на себя ответственность в отношении этой истории, до получения дополнительной информации, ввиду многочисленных зверских действий, в которых немцы виновны, не вижу никаких причин, почему и эта история не должно быть правдой»⁴⁷⁰.

Конечно, немцы были далеко не безупречными, и очень тяжело отличить «зверские действия», о котором говорил лорд Бальфур, от тех, о которых говорится в отчете Дж. Брайса. Это означало, что один сфабрикованный пропагандой документ был использован, чтобы оправдать издание второго, столь же фиктивного.

В результате решения лорда Бальфура Веллингтон Хаусу было поручено отправлять брошюры в Португалию, Испанию, Швецию и Голландию. В 1917 году Ч. Мастерман неохотно опубликовал брошюру под названием «Фабрика по переработке трупов» (A Corpse - Conversion Factory) которая, казалась, должна была предоставить окончательное, убедительное доказательство немецкого варварства, жестокости и отсутствия цивилизованных ценностей⁴⁷¹.

Эти чувства сохраняются на протяжении 1920-х и 30-х годов. И Германия воспринималась Великобританией крайне отрицательно, особенно теми, кто принимал установки военного времени и пропагандистские кампании. Например, британские танки считались гениальным оборонительным

⁴⁷⁰ Milton R. Op. cit. P. 62-63.

⁴⁷¹ Taylor Ph. M. Op. cit. P. 41.

вооружением, а немецкие – орудием «варвара-гунна». Британский отравляющий газ был попыткой использовать науку гуманно, чтобы закончить войну; Немецкий отравляющий газ был всего лишь еще одним доказательством варварства. Немецкая оккупация Эльзас-Лотарингии было преступлением против демократии; Британская оккупация Индии был актом гуманитарной благотворительности, защиты индийского народа от дикарей, таких как немцы.

Такое релятивистское отношение к истине было очевидно для тех, кто был у власти в Германии, и это раздражало не только во время Первой мировой войны, но в течение десятилетий после этого. Йозеф Геббельс припомнил Англии ее жестокость в англо-бурской войне в 1941 году, когда обвинил Великобританию в создании концлагерей и производстве исторического пропагандистского фильма под названием «Ohm Kruger» (Дядюшка Крюгер), в котором высокомерные, английский офицеры не только согнали жен буров в концентрации лагеря, но и насиловали их под дулом пистолета⁴⁷². В то время как в фильме присутствовали некоторые искажения, эта картина все же была несколько ближе к фактам, чем английские и французские истории о немцах в газетах 1914-15 гг.

Спустя десять лет после окончания войны, никто не пытался рассказать правду о зверских историях. В 1928 году член парламента А. Понсонби разошелся во взглядах со своими коллегами и опубликовал бескомпромиссную книгу «Ложь во время войны»⁴⁷³.

А. Понсонби был депутатом либеральной партии, которая вместе с другими, выступала против войны и британского участия в ней. В своей книге он попытался успокоить своих бывших правительственных коллег, говоря, что его книга не была предназначена для того, чтобы «переложить вину на власти

⁴⁷² Ohm Kruger, 1941, film directed by Hans Steinhoff.[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://archive.org/details/Ohm.Krueger.1941.Ger.vo.satkurger.ver2.AC3.Rus> (дата обращения: 18.03.2015).

⁴⁷³ Ponsonby A. Falsehood in War-time. L., 1928.

или частных лиц»⁴⁷⁴. Сделав это лицемерное заявление, А. Понсонби затем заполнил почти 200 страниц книги подробными примерами откровенной лжи и черной пропаганды, произведенной в основном, британскими государственными ведомствами и цензорами, управлявшими газетами (например, лордом Нортклиффом), с 1914 - 1918 гг.

Тщательно изучив и сравнив газеты в разных странах, А. Понсонби удалось разыскать источник одного из самых странных из первых рассказов о зверствах - ужасной судьбе священников в Антверпене. То, что он показал, оказалось очень похоже на игру в сломанный телефон между главными газетами Англии, Франции и Италии, все в равной степени были заинтересованы в поднятии патриотического духа.

В ноябре 1914 года немецкая газета «Kölnische Zeitung» сообщила: «Когда осенью стало известно о падении Антверпена, церковные колокола зазвонили»⁴⁷⁵. В этой истории упоминается звон церковных колоколов, чтобы отпраздновать немецкую победу. Но эта деталь была подхвачена во Франции и переработана французской газетой «Le Matin», которая непреднамеренно представила эту историю под другим углом: «В соответствии с «Kölnische Zeitung», духовенство Антверпена было вынуждено звонить в церковные колокола, когда крепость была взята»⁴⁷⁶.

К тому времени, история дошла до Лондона, «The Times» упростила её еще больше: «По информации «Le Matin», полученной от «Kölnische Zeitung», несчастных бельгийских священников, отказавшихся звонить в церковные колокола, когда Антверпен был взят, изгнали со своих мест»⁴⁷⁷.

И когда история, в свою очередь, дошла до Италии в итальянской «Corriere della Sera», священнослужители Антверпена пострадали

⁴⁷⁴ Ibid. P. 3.

⁴⁷⁵ Ibid. P 73.

⁴⁷⁶ Ibidem.

⁴⁷⁷ Ibidem.

еще более жестко: «По информации «The Times», полученной из Кельна через Париж, несчастных бельгийских священников, отказавшихся звонить в церковные колокола, когда Антверпен был взят, приговорили к каторжным работам»⁴⁷⁸.

А когда история попала опять в «Le Matin», оказалось, что незадачливые священники заплатили высокую цену за своё упрямство: «По информации, напечатанной в «Corriere della Sera», из Кельна через Лондон, было подтверждено, что варварские завоеватели Антверпена наказали несчастных бельгийских священников, за их героический отказ звонить в церковные колокола, подвесив их в качестве живых погремушек с колокольчиками (человек-трещотка)»⁴⁷⁹.

Независимо от истинных фактов, пропагандистское бюро Великобритании быстро превратило истории о «немецких зверствах» лорда Брайса в различные формы антинемецкой пропаганды.

Плакат, изданный Союзом Британской империи, предупреждал «Однажды немец всегда немец» (Рис. 3)⁴⁸⁰ и показывал различные рисунки гуннов с усами, одетых в военную форму в момент совершения злодеяний, которые сейчас стали знакомы всем: убийство младенца; поджог дома; изнасилование женщин; подготовка раненого Томми Аткинса к расстрелу; и уничтожение безоружных британских торговых судов.

Пожалуй, самый порочащий плакат показывает немецкую медсестру, стоящую рядом с раненым британским солдатом, который лежит в своей бедной импровизированной постели для больного, под бдительным оком улыбающегося кайзера Вильгельма II и одного из его отъевшихся генералов. Надпись гласила: «Наш раненый и заключенный солдат просит воды. Немецкая «сестра» выливает её на землю на его глазах. Нет такой женщины в Британии,

⁴⁷⁸ Ibidem.

⁴⁷⁹ Ibidem.

⁴⁸⁰ См приложение. Рис. 3. Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/posters/uk.htm>

которая сделает так же. Нет такой женщины в Британии, которая забудет это» (Рис. 4)⁴⁸¹. На плакате изображена немецкая медсестра выливающая воду на землю, в то время как беспомощный раненый Томми протягивает руку, прося выпить хотя бы глоток.

Помимо ужасной грубости и лжи в изображениях, трудно увидеть что-либо, кроме того, что авторы этого плаката надеялись достичь – внушить британским женщинам ненависть ко всем немцам, которая должна длиться всю жизнь.

Многие люди будут реагировать на анализ такого рода, говоря: «Ну и что? Это была тотальная война, мы или они. Все это справедливо в войне. В любом случае, каждый знает, что «немецкие солдаты – сволочи, отбросы. А мы должны были только отвечать тем же».

А. Понсонби говорит нам предельно ясно, почему возникала реакция заблуждения: «Если ложь использовалась только, чтобы обмануть врага в военной игре, то она не стоит внимания. Но, поскольку цель лжи в большинстве состоит в том, чтобы раздуть негодование и побудить молодёжь страны быть готовой принести высшую жертву, тогда это становится серьезным вопросом»⁴⁸². Агитационная ложь есть ложь, которая убивает невинных людей, как правило, самых молодых и легко поддающихся влиянию.

Вторая проблема активного использования пропаганды состоит в том, что она игнорирует нанесенный урон общественному мнению. Если приемлемо для правительственного департамента лгать общественности в экстремальных условиях, то где мы проведем границу между ложью вынужденной и реальной? Если основания для лжи состояли в том, что это было сделано из лучших побуждений, чтобы добиться наибольшей пользы для наибольшего числа

⁴⁸¹ См приложение. Рис. 4. Режим доступа: <http://www.firstworldwar.com/posters/uk.htm>

⁴⁸² Ponsonby A. Op. cit. P. 112.

людей, то одновременно была заложена основа для «официальной культуры расположения» из лучших побуждений⁴⁸³.

На практике это именно то наследие, которое Первая мировая война оставила для последующих поколений: «случайное «удаление» официальных объявлений со словами: Это только государственная пропаганда».

Если внимательно посмотреть на англо-германские отношения до и после Первой мировой войны, кажется очевидным, что вред, причинённый пропагандистской войной, оказался самым разрушительным и самым долгим в своей перспективе. Безусловно, личные муки и разрушения, вызванные траншейной борьбой, неограниченной подводной войной, и бомбардировкой с воздуха гражданских объектов, создали длительную физическую и эмоциональную травму людям и долгую вражду между странами. Но неизгладимое воспоминание о зверских историях, которые произошли только в воображении британских пропагандистских агентов, оказались сильнее и настойчивее каких-либо фактов. Преимущество мифов над фактами стало реальным наследием Первой мировой войны. Оно оказалось важным фактором, повлиявшим на будущие англо-германские отношения, как с британской, так и с немецкой точек зрения.

И это мнение, применительно не только к Европе. Эти последствия продолжили влиять на будущие события в мире. По мнению Р. Милтона, пропаганда была своеобразным джинном, которого оказалось еще более трудно засунуть обратно в бутылку в Соединенных Штатах⁴⁸⁴.

Справочное бюро Германии и британское Бюро военной пропаганды имели одинаковые цели деятельности. В мировой войне они, естественно, добивались расположения мировой аудитории, но «главным призом», конечно, были США. Что может убедить Америку вступить в войну на стороне союзников? Или может она останется нейтральной навсегда? Эти вопросы, в

⁴⁸³ Milton R. Op. cit. P. 67.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 69.

конечном счете, решали исход войны. Ответ на этот вопрос дала пропагандистская гонка между Уайтхоллом и Берлином.

В конце концов, вопрос об участии США решили эффективной пропагандой в «свои ворота» сами немцы, когда по настоянию адмирала А. Тирпица и войной группировки Германия возобновила неограниченную подводную войну в 1917 году. Германское Верховное Командование считало, что оно может заставить голодающую Англию пойти на переговоры, прежде чем Америка отреагирует и мобилизует свою армию в Европу. Но немцы просчитались, а общественное мнение в США требовало немедленных действий. Истории о мыловарении из трупов людей и животных, и бельгийских детях с отрубленными руками, доклад комиссии Дж. Брайса с непроверенными данными – все это стало символом пропаганды (прежде всего, британской) времен Первой мировой войны и воспринимается как очевидная подтасовка фактов. По мнению немецкого историка Х. Бикеля, не все истории о военных преступлениях немцев сразу принимались на веру, но благодаря количеству и интенсивности распространения слухов англичане добились необходимого результата: ненависти всего мира по отношению к Германии⁴⁸⁵. Он одобрял публикацию работы А. Понсонби, в которой раскрывалась сущность пропаганды. Накануне Второй мировой войны Х. Бикель призывал своих соотечественников поучиться у англичан в сфере пропаганды, где Германия в 1914-1918 гг. полностью провалилась. Конструктивными действиями в этом направлении он называл создание в 1933 г. в Германии Имперского министерства народного просвещения и пропаганды⁴⁸⁶.

Свидетельства британских очевидцев (не служивших в армии), многие из которых не были изначально настроены антигермански, подтверждают случаи жестокости немецкой армии по отношению к местному населению. Наблюдая

⁴⁸⁵ Bickel H. Englische Propaganda für das Recht der kleinen Völker während des Weltkrieges. Jena, 1939. S. 25.

⁴⁸⁶ Ibid. S. 77-78.

за поведением немцев, а порой и страдая от него, британцы испытывали разочарование в народе, который ранее казался таким понятным, близким по духу, просвещенным. Британцы имели сформированные ожидания относительно моделей поведения противника. В процессе общения ряд ожиданий не подтвердился, так как правила поведения были немцами нарушены. В свою очередь, немцы выдвигали аналогичные обвинения против англичан. Противоречия такого рода можно видеть как на примере пропаганды, так и в рассказах британских очевидцев. Таким образом, между двумя народами шла идейно-психологическая борьба за право олицетворять собой западную цивилизацию. Британцы больше, чем их соперники, преуспели в этом противостоянии, что признавалось обеими сторонами. Немцев обвиняли в осквернении символов культуры: университетов, соборов, библиотек. Ответственность за крах цивилизационных норм в итоге была возложена на Германию⁴⁸⁷.

Мифологизацию врага, выстроенную в годы Первой мировой войны, при помощи британской пропагандистской машины, можно назвать успешной. Усилия, которые Бюро военной пропаганды потратило на формирование образа «немца-гунна», «варвара», разрушителя европейской цивилизации, не были напрасны. Но такая огромная проделанная работа не была бы столь успешной, если бы британское правительство не уделяло огромное значение визуализации врага. Многообразие визуальной пропаганды периода войны включает изображения, целью которых являлся процесс трансляции идей, обусловленных военным положением, с расчетом на их усвоение целевой аудиторией. К визуальным средствам воздействия мы можем отнести детские игрушки, открытки, плакаты, фотографии, иллюстрации, карикатуры, кинематографические ленты и др.

⁴⁸⁷ Цит. по: Забелина Н. Ю. Указ. соч. С. 120-121.

Особую роль в войне и системе английской пропаганды стал играть кинематограф. Военная кинопропаганда в первую очередь использовалась для влияния на общественное мнение внутри страны. Как и многие другие формы пропаганды, кино зачастую основывалось на созданных пропагандистских мифах и непроверенных фактах.

§4. Визуализация войны: кинопропаганда

Первая мировая война стала поворотным пунктом в развитии теории и практики пропаганды. В самом начале войны правительства воюющих стран пришли к выводу о необходимости создания органов для оказания информационно-психологического воздействия на войска и население противника, а также для воздействия на общественное мнение в нейтральных странах и внутри своих стран. Великобритания в этом смысле не стала исключением.

Напомним, что работа в области английской пропаганды велась правительством, прессой и частными патриотическими организациями по трем основным секторам: пропаганда в Великобритании (за которую отвечал Парламентский Вербовочный комитет, созданный в конце августа 1914 г.); пропаганда за границей (созданная на базе различных министерств и подотчетная правительству, а в сентябре 1914 г. переименованная в Бюро военной пропаганды Веллингтон Хаус, директором которого бы назначен Ч. Мастерман; цензура (Пресс Бюро во главе с Ф.Е. Смитом)⁴⁸⁸.

Во время Первой мировой Войны британское правительство впервые начало систематическую и последовательную кампанию по официальной кинопропаганде. В военные годы официальная британская кинопропаганда была ориентирована на внутреннее население, служила одним из ранних примеров попытки правительства использовать новые средства влияния на массы – кино, без опыта такого рода деятельности.

Английское правительство не сразу стало использовать кино как средство воздействия на массы. Первый официальный пропагандистский фильм о войне

⁴⁸⁸ Подробнее об организации Британской пропаганды см: Badsey S. Propaganda: Media in War politics. P. 3-5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/propaganda_media_in_war_politics; Селиверстов Д.М. Институты пропаганды Великобритании в годы Первой мировой войны: к постановке вопроса // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 23. Брянск, 2014.

вышел на большой экран лишь 29 декабря 1915 г. под названием «Великобритания подготовилась». Премьера состоялась в Лондоне⁴⁸⁹. Такая длительная задержка была вызвана рядом обстоятельств, главным из которых было вхождение кино в систему английской пропагандистской машины.

Кино было сравнительно молодым явлением в британском обществе, но оно быстро нашло свою нишу в массовой культуре. В начале войны кино стало доминирующей формой массового развлечения, которой сразу воспользовалось английское правительство. Оно активно проводило политику ценообразования, снижая цены на билеты в театры и мюзик-холлы. К лету 1916 г. около 20 миллионов билетов в кино продавались каждую неделю⁴⁹⁰. Кроме того, британский опыт никоим образом не был исключительным, и кино укоренилось в каждом индустриальном обществе. Таким образом, если стремление состояло в том, чтобы влиять на массовое общественное мнение дома и за границей, среда кино была уникальным явлением XX века, чтобы достигнуть той огромной целевой аудитории, так необходимой английской пропаганде.

Почему первый фильм был снят лишь в конце 1915 г.? Объяснение находится, прежде всего, в преобладающем числе учреждений связанных с кино, а также с тем, что правительство нуждалось в новой форме общественной пропаганды. Жена Мастермана Люси, конечно, преуменьшила ситуацию, когда она писала, что «кино все еще расценивалось как своего рода разновидность мюзик-холла, вероятно вульгарная и без какой-либо серьезной значимости»⁴⁹¹. Уже к началу XX века киноиндустрия, несмотря на свой относительно небольшой возраст, укоренилась в сфере английских развлечений, ей удалось сформировать свою собственную аудиторию, в основном рабочий класс (т.к. билеты в кино были дешевыми и их могли позволить себе почти все).

⁴⁸⁹ The Times, 30 December 1915. P.10.

⁴⁹⁰ Hiley N. The British cinema auditorium' // Dibbets K. and Hogenkamp B. (eds), Film and the First World War. Amsterdam, 1995. P. 162.

⁴⁹¹ Masterman L. Op. cit. P. 283.

Это было расценено, в лучшем случае, как тривиальное, в худшем случае как пагубное средство проведения досуга тех, кто не знал лучшего (театр, мюзикл), а сама идея, что кино могло бы сделать некоторый серьезный вклад в победу в войне, была непостижима. Ч. Мастерман и его Бюро были другого представления о возможностях кино. Ч. Мастерман был обеспокоен фактом влияния на общественное мнение за границей, понимая насколько важно было заручиться поддержкой нейтральных стран, в первую очередь США. Это было очень важно, тем более, что немецкие фильмы все больше и больше использовались на Балканах и в странах Азии, имея успех у «огромного числа неграмотного населения, для которого никакая литература не подходила»⁴⁹².

Чарльз Мастерман и его коллеги по Бюро прекрасно понимали, насколько важно привлечь киноиндустрию, а вместе с тем и огромную целевую аудиторию, к военной пропаганде. Воздействие на массы через кинофильмы не могло не внушать оптимизма Бюро военной пропаганды. Однако, без согласия Военного министерства и Адмиралтейства, внедрить кинематограф в систему военной пропаганды было невозможно⁴⁹³. Переговоры о внедрении кинематографа продолжались несколько месяцев, вплоть до ноября 1915 г., пока киноиндустрия не стала частью английской пропаганды.

Можно выделить три этапа формирования официального кинопроизводства. Первый этап – с ноября 1915 г. до октября 1916 г. В течение этого времени работа была распределена между Trade Topical Committee (далее ТТС) и Веллингтон Хаус. Второй период, который длился с ноября 1916 по март 1918 гг., был отмечен расширением количества и ассортимента производимых пленок. Изменения также произошли в организации: Trade Topical Committee был заменен на британский комитет Военного Министерства Кинематографии (the British Topical Committee for War Films), а Веллингтон Хаус преобразовался в Министерство информации. Более того, к концу этого

⁴⁹² Ibid. P. 283-4.

⁴⁹³ Reeves N. Official... P. 45.

периода возросло значительное число кинокомпаний и других государственных ведомств, занятых в официальной пропаганде фильма, и в результате ситуация становилась все более сложной и запутанной. В третий и последний период, с марта 1918 г. до конца войны, доминировала попытка исправить эту путаницу путем интеграции всех официальных ведомств, занимающихся пропагандой фильма в Отдел кинематографа МВД (MOI Cinematograph Department).

С первых дней войны, ТТС стремилась убедить власти в потенциально выгодной роли фильмов для официальной пропаганды. Для этого в конце августа 1914 г. была опубликована статья в одной из ведущих коммерческих газет, в которой говорилось, что фильмы не только могут «пробудить патриотизм», они так же обладают большим потенциалом в области подготовки вооруженных сил; власти должны попытаться понять потенциал кино⁴⁹⁴. На этом деятельность ТТС не прекратилась, а лишь набирала обороты. Стало известно, что канадское правительство организовало группу кинооператоров для сопровождения своих сил в Европе, а в феврале пришло известие, что Германия приступила к осуществлению программы кинопропаганды⁴⁹⁵. Два месяца спустя известие о том, что французское правительство решило бороться с германской пропагандой собственными фильмами о войне, заставило вновь всколыхнуться британское общество и правительство⁴⁹⁶. Газета «The Times» на следующий день после новости о решении французского правительства выпустила статью, в которой утверждалось: «Роль фильма уникальна, потому, что киноаудитория состоит из молодых людей призывного возраста; актуальность фильма о войне будет действовать как мощный стимул для пополнения армии»⁴⁹⁷. На самом деле, ТТС не была одинока в своей борьбе за право снимать фильмы о войне, еще в начале войны член парламента сэр Генри

⁴⁹⁴ The cinematograph and lantern weekly, 27 August 1914.

⁴⁹⁵ Bioscope, 18 September 1915. P. 603.

⁴⁹⁶ Ibid. 15 April 1915. P. 179

⁴⁹⁷ The Times, 14 April 1915. P. 5.

Норман писал в «The Times»: «Призываю назначить, по крайней мере, одного официального оператора для фронта...»⁴⁹⁸.

Те, кто вели дискуссию о необходимости пропаганды фильма, не знали о том, что Ч. Мастерман уже обращался, и не безуспешно, к правительству с просьбой отправить британских телеоператоров в Бельгию, и даже получил на это разрешение, однако после поражения бельгийской армии это разрешение было отозвано⁴⁹⁹. Эта неудача никоим образом не заставила его отступить, напротив известие о немецкой кинопропаганде и растущие запросы британского общества сделали его более решительным в проведении официальной пропаганды фильма⁵⁰⁰. Главным своим аргументом в защиту кинопропаганды Ч. Мастерман выбрал «доступность и понятность» фильмов для простого, порой неграмотного населения.

Возникает вопрос, почему же тогда Военный комитет не желал присутствия фото и кинооператоров на Западном фронте? Ведь еще в сентябре 1900 г. первый британский режиссер Р.В. Пол снял ряд фильмов под общим названием «Армейская жизнь» или «Из чего сделаны солдаты». Эти короткометражки были сняты при активном участии Военного министерства⁵⁰¹. Эти фильмы объединяли фактические кадры с постановочными сценами. В период с 1900 по 1909 год было снято еще несколько фильмов об английской армии, и ее готовности вести войну с любым противником⁵⁰². В связи с этими обстоятельствами ТТС была практически уверена в том, что правительство не будет возражать против присутствия кинооператоров на фронте боевых действий. Однако оптимизм компании оказался совершенно неуместным, ибо в сентябре 1914 г. лорд Китченер «изгнал» всех корреспондентов и фотографов с

З

⁴⁹⁸ Ibid. 28 August 1914. P. 5.

⁴⁹⁹ Masterman L. Op. cit. P. 286.

⁵⁰⁰ Ibid. 286-287.

⁵⁰¹ Low R., Manvell R. The History of the British film 1896-1906, L., 1970. P. 55-56.

⁵⁰² Reeves N. Op. cit. P. 48.

⁵⁰³ Knightley Ph. The first casualty, L., 1975. P. 85-86.

Д

Н

О

Г

О

Утверждалось, что основной причиной «изгнания» было равнодушие чиновников к работе корреспондентов, но учитывая довоенную традицию сотрудничества, это кажется маловероятным⁵⁰⁴. Что было гораздо более значительным, так это отношение к управлению новостями с фронта, которое развилось в британских военных кругах с осени 1914 года. Важную роль теперь стал играть фактор цензуры любой информации с полей сражений. Истоки этих взглядов лежат в опыте русско-японской войны 1904-05 гг. В течение этой войны японцы (в отличие от русских) ввели жесткую цензуру на любые сообщения поступающие с фронта. В Британии считали, что необходимо использовать именно такую стратегию в отношении военных дел любого рода. Тем более лорд Китченер имел давнее недоверие к журналистам, не последнюю роль в этом сыграл его конфликт с сэром У. Черчиллем, который выступал корреспондентом в годы англо-бурской войны и поднял многие проблемы, с которыми столкнулась английская армия⁵⁰⁵. Помимо этого, в печати появились статьи, в которых противники кинопропаганды напоминали печальный опыт англо-бурской войны, связанный с фальсификацией фильмов⁵⁰⁶. Именно по этим причинам лорд Китченер был полон решимости ввести жесткое управление новостями с фронта.

Фальсифицированные военные фильмы показывались прежде на экране, особенно во время англо-бурской войны, и наследие того опыта создало значительный скептицизм аудитории о фильмах, которые должны были представлять факты войны. Если целью официальных фильмов был успех, то они должны были очень отличаться от более ранних фильмов, и было единодушное ожидание, что сам факт их официального происхождения убедит

⁵⁰⁴ Badsey S.D. "Battle of the Somme": British war-propaganda // Historical journal of film, radio and television, Vol. 3, No.2, 1983. P. 20.

⁵⁰⁵ Phillip Towle "The Debate of Wartime censorship in Britain 1902-1914" // Brian Bond and Ian Roy, War and society. A yearbook of military history, L., 1975. P. 103-116.

⁵⁰⁶ Kinematograph Weekly, 13 August 1914. P. 27.

аудиторию, что фильмы были действительно подлинными. Таким образом, в маркетинге фильмов очень большой акцент был сделан на их правдивом характере. Это был подход, который сам по себе отделял пропаганду фильма от почти любой формы официальной пропаганды; мало того, что не была предпринята никакая попытка, чтобы скрыть его происхождение, пропагандисты сделали все возможное, чтобы привлечь внимание аудитории к нему.

Однако, несмотря на эти факты, Ч. Мастерману и возглавляемому им Бюро военной пропаганды все же удалось убедить правительство пойти на переговоры с ТТС. Первая встреча была инициирована ТТС в марте 1915 г., при поддержке тех компаний, которые были заинтересованы в кинопропаганде: the

В
а
г
к
М

о Спустя шесть недель после этих событий на конференции в военном ведомстве была достигнута договорённость, согласно которой Военный комитет разрешил допустить операторов во Францию для съемок боевых действий⁵⁰⁸. Однако, это соглашение не отменяло того факта, что жесткая цензура со стороны военного и военно-морского министерства будет контролировать работу операторов.

t В любом случае, в начале мая 1915 г., были достигнуты успехи в продвижении официальных фильмов, и уже спустя два дня после этих событий Б. Уилкинсон предоставил полную схему планируемых работ сэру Реджинальду

⁵⁰⁷ Wilkinson B.J. Films and Censorship in England, Chapter XI: "The War Years", P. 292-294. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6762587> (дата обращения 24.07.2015).
⁵⁰⁸ Bioscope, 22 April 1915. P. 278.

С
о
m
р
а

Брэди (секретарю Военного министерства и Совета армии). Решение было принято не сразу, еще в течение нескольких месяцев ТТС и Военное министерство не могли договориться в отношении финансовой стороны вопроса. 20 июня 1915 г. Военное министерство наконец-то одобрило предложенный план: кинооператорам разрешили работать на фронте под надзором Совета армии; фильмы разделялись на два класса: кадры для немедленного показа и кадры, снятые с целью исторической записи, для возможного показа после войны. 22 июля ТТС приняла эти условия, даже согласившись взять на себя первоначальные расходы. Офицером связи между операторами и Верховным ведомством был назначен Дистин Мэддик (хозяин лондонского театра «The Scala»).

В этом соглашении, однако, ни слова не говорилось о кинопропаганде. Этим вопросом активно занялся лично Ч. Мастерман. В течение трех последующих месяцев после подписания договора в офисе Веллингтон Хаус были проведены отдельные переговоры, главной целью которых было утвердить кино как средство пропаганды. По новому соглашению между ТТС и военным министерством, которое было подписано в октябре 1915 г., военное ведомство брало на себя оплату расходов операторов, но при этом оно не отвечало за их безопасность. Военное министерство так же отвечало за распространение кинофильмов, как в Великобритании, так и в её доминионах, в том числе, в Индии и Египте. ТТС выплачивала заработную плату операторам, снабжала их всем необходимым оборудованием для съемок (за счет военного

и Новое соглашение устанавливало более точные рекомендации по контролю фильмов. Д. Мэддик должен был контролировать работу кинооператоров на фронте. Военное ведомство совместно с представителями Веллингтон Хаус оставляло за собой право изменять и редактировать

⁵⁰⁹ Reeves N. Op. cit. P. 52.

(подвергать цензуре) предоставленный им материал. Важное решение для ТТС было принято и в отношении съемки на территории Франции. По соглашению Военное министерство гарантировало, что никакая другая компания, кроме ТТС, не будет допущена к съемкам во Франции и Фландрии, Бельгии или Германии. И, наконец, новое соглашение предполагало, что фильмы будут показаны полностью, то есть без вставок кинохроники и дальнейшего

Итак, после более чем года ожидания, 2 ноября 1915 года на Западный фронт были отправлены два первых официальных кинооператора с разрешением съемки: мистер Э.К. Тон, представитель Jury's Imperial Pictures и

В то время, пока ТТС и Военное министерство решали вопросы о новом соглашении, предприимчивый Б. Уилкинсон, не теряя времени, обратился к Ч. Мастерману с предложением начать кинопропаганду с фронта. Он считал, что для создания пропагандистского фильма накопилось достаточно злободневного

а

и

и

и

⁵¹⁰

а

и

а

⁵¹²

Ч. Мастерман решил создать комитет кино, состоящий из Чарльза Урбана, Т.А.

⁵¹⁰ Ibid. P. 52-53.

Уэллса, У. Жюри и Б. Уилкинсона. Комитетом в течение короткого времени на

⁵¹¹ Wilkinson Op. cit. P. 296.

основании полученных материалов удалось выпустить первый фильм под названием

⁵¹² Ibid. P. 303.

«Когда-то давно»⁵¹³. Этот фильм-компиляция был показан в августе 1915 г.

важным правительственным чиновникам: сэру А. Дж. Бальфуру (в тот момент

первому Лорду Адмиралтейства) и другим чиновникам из Адмиралтейства и

Веллингтон Хаус. Несмотря на успех фильма у «важных персон», члены

Комитета кино остались недовольны собственной работой. Б. Уилкинсон

предложил «снять новый фильм, который показал бы силу военно-морского

Идею Б. Уилкинсона охотно поддержал и сэр Бальфур. В одном из писем к сэру Джону Джеллико, главнокомандующему флотом, он активно выступает за создание такого фильма: «Немецкие пропагандистские фильмы, - утверждал он, - сделали немецкую армию знакомой всему миру, потому что кино может повлиять на «интеллект менее умных», не в последнюю очередь, потому что просмотр фильма не требует никакого чтения и не оказывает напряжения на зрителя; в то время как союзные войска (противники Германии) до сих пор используют «газетные абстракции». Кроме того, наши опасения о возможном разглашении военной тайны не обоснованы, так как немецкий разведывательный штаб наверняка уже знает число и характер британских кораблей, а так же число солдат, которые задействованы как внутри страны, так и за рубежом. В любом случае независимо от риска мы должны показать наш Великий флот во всей красе, таким каким его знают британцы..., мы должны сделать его знакомым народам Франции и России, не говоря уже об Америке и других нейтральных странах, для которых это имеет еще большее значение»⁵¹⁵. Аргументы сэра Бальфура оказались неубедительными, в первую очередь потому, что Д. Фишер (Лорд Адмиралтейства) проявил враждебность к созданию такого фильма.

В конце августа Бюро пропаганды активно пыталось убедить лорда Фишера в необходимости пропагандистских фильмов, пока тот окончательно не отверг это предложение. Решающим фактом в убеждении «рыбака» (так в кулуарах называли Д. Фишера), стал просмотр им фильма «Флот в мирное время». Сэр Бальфур был приглашен на показ этого фильма вместе с Д. Фишером и представителями Бюро английской пропаганды; в результате

⁵¹⁵ Balfour papers. Vol. XXXII. Correspondence with Admirals Jackson, Jellicoe, Wemyss and Beatty; 1912-1928 // Balfour to Jellicoe, 19 August 1915 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europeana1914-1918.eu/en/europeana/record/9200283/BibliographicResource_3000061843383 (дата обращения 18.07.2015).

просмотра Фишер стал неохотным «новообращенным» в кинопропаганду⁵¹⁶. Как позже сообщил сэр Бальфур адмиралу Д. Джеллико: «Фишер ненавидел кино и рекламу, однако пропагандистам Веллингтон Хаус удалось убедить его в том, что действительно важно было просветить союзнические и нейтральные страны о «реальности и величине» английского флота»⁵¹⁷. Таким образом, последняя преграда на пути официальной кинопропаганды была решена.

Дальнейшее обсуждение касалось того, что может быть снято в качестве пропагандистского фильма. Однако уже к концу ноября 1915 г. Комитет кино

о
б
ъ
я
в
и
л
о

т Столь затяжные переговоры можно объяснить рядом причин. Во-первых, как официальные пропагандисты в лице Веллингтон Хаус, так и ТТС были допущены к фактической пропаганде с первых дней войны. Но тот факт, что они не смогли обеспечить активное взаимодействие и сотрудничество всех структур, включая Военное министерство и Адмиралтейство, безусловно,

⁵¹⁶ Reeves N. Op. cit. P. 54.

⁵¹⁷ Balfour papers.. Vol. XXXII. Correspondence with Admirals Jackson, Jellicoe, Wemyss and Beatty; 1912-1928 // Balfour to Jellicoe's, 19 August 1915. / Электронный ресурс].Режим доступа:http://www.europeana1914-1918.eu/en/europeana/record/9200283/BibliographicResource_3000061843383 (дата обращения: 27.05.2015).

⁵¹⁸ Reeves N. Op. cit. P.55.

⁵¹⁹ Ibid. P.55.

а
т
е
р
и

тормозил процесс становления официальной кинопропаганды и делало любые переговоры еще сложнее. Во-вторых, военное министерство опасалось выпускать какие-либо новости о войне на всеобщее обсуждение бесконтрольно, доверяя людям, которые, как им казалось, занимались банальным, коммерческим предприятием, для развлечения масс, было попросту невозможно. И, в-третьих, без вмешательства Бюро английской пропаганды, которое прекрасно понимало выгоду, исходившую от кинофильмов о войне, договоренности, которые были достигнуты между ТТС и Военным министерством, скорее всего, были бы невозможны.

Таким образом, долгие месяцы переговоров привели к желаемому результату. Премьера фильма под названием «Великобритания подготовилась» состоялась лишь 29 декабря 1915 г. Фильм произвел настоящий фурор и произвел впечатление, как на политиков, так и на простое население Великобритании, союзнических и нейтральных стран. После этого уже никто не сомневался в том, что кино заняло свое особое место в системе английской пропаганды периода Первой мировой войны.

В конечном счете, ожидания и пропагандистов и ТТС оправдались, и те и другие были особенно рады, прочитав на следующий день статью в «The Manchester Guardian», в которой утверждалось, «что показ фильма продемонстрировал, что кино является чем-то большим, чем «простое развлечение»... и его важность увеличится со временем. Движущаяся картинка – новый универсальный язык»⁵²⁰. Действительно, картинка на экране воспринималась гораздо лучше и давала зрителю визуальное представление о войне и военных действиях лучше, чем, например, статья в газете или фотография в сборнике.

Фильм был показан в других лондонских кинотеатрах, к маю 1916 года показ прошел в 61 городе за пределами Лондона и еще около 50 городов ждали

⁵²⁰ The Manchester Guardian, 30 December 1915. P. 4.

своей очереди. Это был, в конце концов, первый официальный фильм, и в то время как он действительно не больше, чем демонстрировал изображения производства боеприпасов, военного и военно-морского обучения, аудитория воспринимало показанное с энтузиазмом, будучи убежденной фильмом (несомненно, впечатляющим) в превосходстве британской технологической, военной и военно-морской силы.

В то время как в фильме «Великобритания подготовилась», не утверждалось чего-то больше, чем демонстрация британской подготовленности к войне, то первые фильмы, произведенные в соответствии с соглашением ТТС с Военным министерством, были проданы другим способом – рекламное объявление на целую страницу в прессе, в котором говорилось «О британской армии во Франции. Официальные Картины»⁵²¹. За последующие шесть месяцев 27 короткометражных фильмов были выпущены, и пропагандисты ожидали, что они будут восприняты с еще большим энтузиазмом. В действительности, в то время как первые два фильма были восторженно восприняты (газета «The Times» в особенности утверждала, что они были «превосходны, и в предмете и в мастерстве»⁵²²), дальнейшее представление фильмов очень отличалось. «The Times» предположила, что можно было определить тяжелую руку цензора, другие были еще более критично настроены. «The Star» признала, что «большинство людей было разочаровано», утверждая, что фильмы, возможно, также были сняты во время довоенных маневров»⁵²³, а «The Cinema» высказало самую жесткую критику из всех. В передовой статье, озаглавленной «“Сделано” Снова!» – утверждалось, что маркетинг фильмов представлял собой не что иное как «мошенничество на многострадальном британском кинообществе»⁵²⁴.

⁵²¹ Bioscope, 13 January 1916. P. 190.

⁵²² The Times, 5 January 1916. P. 11.

⁵²³ The Star, 5 January 1916. P. 3.

⁵²⁴ The Cinema, 17 January 1916. P. 2.

Природа выпускаемых фильмов приводила население к разочарованию. Давнее желание ТТС снять действия на фронте, показать драматическую видеозапись борьбы с врагом, было вызвано потребностями «платящих» за просмотр фильмов зрителей. На практике комбинация технологических ограничений камер и очень осторожного подхода офицеров разведки, которые контролировали операторов, означала, что ни один из этих фильмов не включал никакую подобную видеозапись, концентрируясь вместо этого на тех скорее более приземленных, и менее драматических действиях, которые были ключевой ролью в жизни на фронте⁵²⁵. Таким образом, фильмы с Западного фронта, опубликованные в первой половине 1916 г., демонстрировали, что даже в решительно благоприятном общественно-политическом климате пропагандистские фильмы потерпели неудачу.

Все существенно изменилось с выпуском следующего фильма, «Битва на Сомме», в августе 1916 г. Этот фильм поймал популярное общественное «воображение», и его выпуск открыл период успеха для официальных фильмов⁵²⁶. «Битва на Сомме» представляет собой видеозапись, снятую двумя официальными операторами, Джефффри Мэлинсом и Дж. Б. МакДауэллом. Мэлинс начал снимать 25 июня 1916 г.; а 29 июня к нему присоединился МакДауэлл, они продолжали снимать даже в период крупной артиллерийской бомбардировки⁵²⁷. 1 июля они были в распоряжении четвертой армией Роулинсона, чтобы снять день начала наступления, и продолжали снимать на Сомме до 10 июля. Два дня спустя первые варианты их видеозаписи были просмотрены в Лондоне представителями ТТС, участники были так впечатлены, что было решено выпустить их в форме единственного главного фильма. Чуть менее чем через месяц, 7 августа 1916 г., состоялся премьерный показ фильма, который шел в течение 20 минут, и три дня спустя он был

⁵²⁵ Reeves N. Op. cit. P. 94-113.

⁵²⁶ Ibid. P. 34.

⁵²⁷ Badsey S.D Op. cit. P. 99-115.

показан на большом экране приглашенной аудитории. При просмотре он получил восторженную поддержку Д. Ллойда Джорджа (недавно назначенного премьер министром), также отлично восприняли его и приглашенные гости, и о фильме сообщили в центральной прессе на следующий день. Три недели спустя кинолента получила самое престижное одобрение – после закрытого показа в Виндзоре король Георг V убедил население посмотреть его, и об этом также широко сообщили. Эта реклама была дополнена обширными сообщениями в отраслевой прессе и ряде новых показов в кинотеатрах⁵²⁸.

Затраченные на киноленту средства и силы быстро окупились, когда «Битва на Сомме»⁵²⁹ была показана на общественной выставке в Лондоне 21 августа, а затем в не менее чем 34 кинотеатрах одновременно; неделю спустя более 100 копий киноленты, распространили по всей стране. Фильм имел успех везде, где его показывали. Первая неделя показа в Лондоне оказалась чрезвычайно популярной, кинотеатры сообщали, что они просто неспособны справиться с масштабом требований, и лондонский эксперимент показа фильма одновременно во многих различных кинотеатрах (необычная практика в то время) был повторен в большинстве крупнейших городов. Кроме того, в кинотеатрах продолжали показываться фильм в течение многих месяцев, таким образом, большинство населения Великобритании смогло увидеть фильм. Это было действительно экстраординарное явление, не имевшее прецедента в истории британского кино.

В лучших традициях господствующего коммерческого кино пропагандисты не замедлили повторить свой успех, и шесть месяцев спустя, в январе 1917 г., они выпустили «Сражение у Анкре и наступление танков»⁵³⁰. В

⁵²⁸ Reeves N. The power of film propaganda. Myth or Reality? L., 2004. P. 34.

⁵²⁹ The Battle of the Somme (1916) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UhHdZLioRZg> (дата обращения: 19.03.2015).

⁵³⁰ The Battle of the Ancre and Advance of the tanks (1917). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060008185> (дата обращения: 24.03.2015).

то время как подход к съемке был подобен «Битве на Сомме», «Сражения у Анкре» было значительно дополнено включением обширной записи танков, нового чудо-оружия британской армии, и это имело успех. Кроме того, к тому времени, когда фильм был показан на экране, пропагандисты уже наслаждались другим огромным успехом – фильмом «Король посещает свою армию накануне большого наступления», выпущенном в октябре 1916 г. В то время как популярность этого фильма не могли объяснить, так как он был не похож на предыдущие, тот факт, что была показана неофициальная картина с королем, объясняя энтузиазм, с которым зрители реагировали на фильм. В целом, пропагандисты фильма могли, конечно, расценить первые 15 месяцев своей работы со значительным удовлетворением. Кинолента «Великобритания подготовилась» дала замечательный импульс британской киноиндустрии, в то время как начальный успех военного кино не был поддержан короткометражками с Западного фронта, которые были выпущены за первые шесть месяцев 1916 года. Вскоре этот провал был забыт перед лицом впечатляющих успехов трех основных фильмов, вышедших в период с августа 1916 по январь 1917 гг. На фоне внутреннего успеха фильмов к концу 1917 года британские фильмы были отправлены приблизительно в 40 иностранных стран⁵³¹, где они также имели успех.

В течение нескольких недель после выпуска фильма «Сражения у Анкре» ситуация изменилась еще раз. В июне 1917 г. третий фильм «Немецкое отступление и битва под Аррасом»⁵³² достиг кинотеатров, было ясно, что общественный интерес к официальным фильмам такого формата преодолел свой пик, действительно, тремя месяцами ранее, на специальном совещании ТТС пропагандисты признали, что потеряли деньги на официальных фильмах;

⁵³¹ Britain's official films during the First World War' //Journal of Contemporary History, Vol. 18, 1983. P.463-94.

⁵³² The German Retreat and the battle of Arras (1917). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060008184> (дата обращения: 25.03.2015).

их убедили продолжить создавать их, потому что они привели новую, более процветающую клиентуру в кино⁵³³, какую именно, пока не уточнялось. В мае лорд Бивербрук был назначен председателем комитета, который теперь отвечал за официальное кинопроизводство на фронте, утверждая, что радикально новый подход был необходим, так как «существующий стиль фильмов, исчерпал себя. Общественности неинтересно, и мы должны щекотать её нервы чем-то драматическим в будущем, если мы хотим поддержать наши продажи»⁵³⁴. Кинофильм «Битва под Аррасом» все еще имел успех, хотя с одним важным изменением: из видеозаписи были удалены сцены мертвых и раненных (которые имели значительную особенность ранних фильмов серии «сражения»).

Позже военная цензура ввела более радикальные изменения. «Сражение под Аррасом» стал последним из полнометражных фактических военных фильмов; в будущем видеозапись передовых позиций была изложена в новом, официальном киножурнале. Киножурнал была обязательной частью еженедельной программы в британских кинотеатрах, хотя к этому времени два английских киножурнала принадлежали французским компаниям, которые доминировали над британским рынком, а именно, «Gaumont Graphic» и «Pathe Gazette». Британский киножурнал «The Topical Budget»⁵³⁵ находился в кризисном состоянии, но был способен конкурировать, считал лорд Бивербрук,

⁵³³ Reeves, *Official British...* P. 223-7.

⁵³⁴ Beaverbrook Papers, Series E, Vol. 14, File 'Cinema General May 1917 3-2, Beaverbrook to Hutton Wilson, 8 May 1917.

⁵³⁵ The Topical Budget (1911-1931) был одним из трех крупнейших британских киножурналов эпохи немого кино, его основные конкуренты существо Gaumont Graphic и Pathé Gazette. Созданный Уильямом Джипсом «Topical Film Company», первый номер которой был выпущен в сентябре 1911 г. В годы Первой мировой войны журнал находился в кризисе и вряд ли мог конкурировать с двумя ведущими киножурналами. В военном Министерстве давно искали пути для официальной кинопропаганды. Комитет военного ведомства кинематографии (WOCC) вступил в переговоры с Джипсом, и в мае 1917 г. и вскоре The War Office Official Topical Budget и (военное Министерство официального актуальные комитета, сокр. WOTB) был запущен, по сути, старая кинохроника с эксклюзивным доступом к фильму, снятому официальными кинооператорами на разных фронтах войны.

и запланировал восстановить доступ к журналу для британской аудитории⁵³⁶. В мае 1917г. The War Office Official Topical Budget (сокр.WOOTB) рекламировался в газетах, и должен был стать флагманом для официальной пропаганды фильма, вернуть аудиторию, которую она потеряла за предыдущую зиму⁵³⁷. Пропагандисты в последствии добавили ряд еженедельных «журнальных» фильмов, разработанных, чтобы дополнить «газетный» подход к работе с новостями кинохроники⁵³⁸. Первая серия этих фильмов сконцентрировалась на колониальных или союзных войсках; позже была добавлена вторая серия полковых фильмов, основной целью которых было обеспечение позитивных изображений счастливых, улыбающихся солдат в противовес ранним видеозаписям с Западного фронта, где солдат изображали иначе. Кроме того, в последние месяцы войны, Адмиралтейство согласилось на производство фильмов о военно-морском флоте; вышли в свет другие фильмы о королевской семье и фильмы о различных аспектах жизни в тылу⁵³⁹.

Все это составило существенное изменение в подходе к ранним официальным фильмам: пропагандисты признали, что они смогли противостоять полностью сложившейся ситуации весны-начала лета 1917 года, когда они повторно сформулировали свою политику. Не желая отказаться от своего давнего обязательства перед фактографическим фильмом, они, тем не менее, внесли решающие изменения в существенную сферу военных фильмов, управляя их содержанием более тщательно и проводя радикальные изменения в форме их представления. Они предприняли решительную попытку восстановить интерес аудитории к продукту, который потерял свою привлекательность. Но ни одна из этих инициатив не вернула официальной кинопропаганде популярность, которую она достигла в 1916 - начале 1917 гг.

⁵³⁶ Badsey S.D. The British Army in Battle and Its Image 1914-18. N.Y., 2009. P. 176.

⁵³⁷ McKernan L. Topical Budget: The Great British News Film, L., 1992. P. 19-63.

⁵³⁸ Reeves N. The...P. 35.

⁵³⁹ Reeves N. Official... P. 169-97.

Доказательства той неудачи были продемонстрированы различными способами, опыт новой официальной кинохроники стал одним из самых поразительных. «The Topical Budget» всегда был в тени «Gaumont Graphic» и «Pathe Gazette», но есть все основания предполагать, что его перезапуск в составе WOOTB в мае 1917 г. позволил не только обладать исключительным доступом к видеозаписи, снятой официальными операторами на фронт, но и приобрести исключительные права на французскую официальную кинохронику. Хотя на практике это почти не имело значения, маленькие продажи киножурнала, лишь в 78 кинотеатрах по всей стране, в неделю, к концу года число увеличились до 82. Однако продажи увеличились в начале 1918 г., когда кинохроника начала уходить от основной темы – войны – к редакционной политике, которая была намного ближе человеческому пониманию, к тому центру кинохроники, который был признан обществом в конце февраля 1918 г. решение дать право на Иллюстрированные Новости (официальные)⁵⁴⁰.

Таким образом, только лишь запуск официальной кинохроники не решал проблему, определенную лордом Бивербруком в мае 1917 года. В самый критический период войны больше не было значительной аудитории для военной видеозаписи, да и ни один из других официальных фильмов больше не был популярным. По мнению английского исследователя Н. Ривза, ярким доказательством снижения популярности кинолент могут служить изменения ситуации в освещении официальных фильмов в прессе, ранее они привлекали к себе большее внимание, вплоть до выхода «Сражения у Анкре», после чего интерес прессы отпал почти полностью⁵⁴¹. Финансовые данные, показывают степень неудачи пропагандистов. За первые три месяца показа фильмы «Битвы на Сомме» и «Сражение у Анкре» получили 65,000 фунтов; за 18 месяцев с

⁵⁴⁰ Badsey S. The British... P. 176-177.

⁵⁴¹ Reeves N. Film propaganda and its audience //Journal of Contemporary History, 1993.Vol. 13. P. 480-490.

января 1917 - июня 1918 гг. совокупный доход, достигнутый всеми официальными фильмами, составил всего 70,023 фунтов стерлингов⁵⁴². Число выглядит недостаточно большим само по себе, но, учитывая, что оно включает 35,000 фунтов стерлингов, заработанных «Сражением у Анкре», масштаб неудачи более поздних официальных фильмов становится слишком очевидным. Другими словами, пропагандистская стратегия показа официальных фильмов, которая привлекла зрителей в начале войны, не достигла своей цели (вернуть аудиторию) за последние 18 месяцев войны. Все изменения, начатые летом и осенью 1917 года, не способствовали изменению ситуации: у фильмов просто не было возможности привлечь платежеспособную аудиторию, коммерческие показы больше не достигали целевой аудитории.

Действительно, к февралю 1918 года сами пропагандисты признали факты неудачи и решили впервые попытаться достигнуть целевой аудитории вне кинотеатров, начав первый из так называемых кинематографических туров. Идея была достаточно проста: грузовик, оборудованный генератором и проектором (далее – синемотор от англ. cinemotor), настраивал и устанавливался в городе или деревне; 25-футовый экран, на котором бесплатно показывались фильмы. Как считали пропагандисты: если «люди не пойдут на официальные фильмы, то официальные фильмы придут к людям». Это была, несомненно, свежая идея, и экспериментальный тур синемотора в Уэльсе в феврале 1918 года был достаточно успешен, чтобы убедить пропагандистов, что они должны использовать эту идею далее. Два главных и, несомненно, важных, в первую очередь с политической точки зрения, тура, первый в апреле и мае, с десятью синемоторами посетили 68 парламентских избирательных округов и во втором туре в сентябре и октябре, когда 20 грузовиков посетили еще 72 избирательных округа. Посещаемость фильмов варьировалась в ходе этих туров от 350 до 15,000 человек, а анализ отчетов о посещаемости

⁵⁴² Ibid. P. 485.

предполагал, что среднее число посетивших данные мероприятия составило 163,000 человек в течение каждой недели туров⁵⁴³. Эта цифра выглядит достаточно впечатляющей, если забыть о том, что оригинальная стратегия коммерческих показов позволила официальным фильмам достигнуть показателя в несколько миллионов человек, шедших в кино каждую неделю.

Если синемотор-туры представляли последнюю попытку найти аудиторию для фильмов, то ранние месяцы войны представляли более радикальный подход к официальной кинопропаганде. Осенью и в начале зимы 1917 года пресса стала проявлять внимание к фильмам, утверждая, что они испытывали недостаток «в человеческом интересе», и что «они способны только обеспечить мимолетное внимание. То, что было необходимо, так это привлекательные фильмы и занимательные картины военной истории, доминирующие над человеческим интересом»⁵⁴⁴. В то время как это изменение немного повлияло на производство официальных фильмов, совершенно новое пропагандистское агентство оказалось намного более восприимчивым к таким идеям. NWAC (National War Aims Committee) был открыт в августе, и к октябрю 1917 года он решил полностью разрушить установленные ранее традиции официального кинопроизводства, и построить правдоподобный вымышленный рассказ. Национальный фильм (The National Film) был взят в качестве отправной точки успешного немецкого вторжения в Англию, в нем использовались детали «немецких зверств». Кроме того, фильм сделал значительный акцент на военных забастовках, чтобы продемонстрировать, насколько непатриотичными и разрушительными они были⁵⁴⁵. Таким образом, среди официальной кинопропаганды идею «Национального фильма» использовали, чтобы укрепить ненависть к врагу и успокоить общественное

⁵⁴³ Ibid. P. 474.

⁵⁴⁴ Kinematograph Weekly, 27 September 1917. P. 107.

⁵⁴⁵ British Film Institute (BFI), William Jury Papers, Envelope 7, Arnold Bennett to Jury, 7 November 1918.

настроение, которое нашло мощный выход в забастовочном движении. В конечном счете, вся значительная энергия, которая направлялась на производство, оказалось, не имела никакого значения, и фильм служил лишь обеспечением яркой демонстрации практических тягот войны. В то время как решение создать такой фильм было принято в октябре 1917 г., огромный масштаб производства означал, что фильм будет закончен в июне 1918 года. На тот момент общественное настроение в Великобритании существенно изменилось с забастовочного до объединяющего нацию в желании победить Германию.

С другой стороны, в то же самое время, когда NWAC ввел этот новый подход, структуры ответственные за официальную пропаганду начали вновь исследовать возможности кино и беллетристику. Когда в феврале 1918 г. Министерство информации было создано, оно добровольно предложило помогать в производстве «Национального Фильма», а Отдел кинематографа МВД взял на себя ответственность за фильмы⁵⁴⁶. Это требовало привлечения почти всех существующих ресурсов кинопроизводства Отдела, он также потратил много времени на исследование способов расширения кинопроизводства. Когда война закончилась, отдел рассматривал еще более радикальное изменение в кино, а именно, оставил практику выпуска официальных фильмов в целом и включил их в новый подход, в котором происхождение фильмов было скрыто от аудитории. Документ, который защищал эту новую стратегию, утверждал, что такая политика обойдет ту враждебность к официальным фильмам, которая присутствовала у киноаудитории; это также даст отделу кинематографии МВД большую гибкость, позволяя ему произвести фильмы с небольшим откровенным пропагандистским содержанием⁵⁴⁷. Хотя война закончилась, новая

⁵⁴⁶ William Jury Papers, Envelope 2, unsigned Memo, 24 October 1918. British Film Institute.

⁵⁴⁷ Reeves, Film propaganda... P.475.

правительственная политика могла быть осуществлена. Пропагандисты заново продумали свою стратегию, в более радикальных терминах, представляя еще больше свидетельств о степени продолжающейся неудачи пропагандистской политики официального фильма.

Относительная неэффективность британские официальные фильмы во время Первой мировой войны можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, очевидно, есть явные соотношения хронологии изменяющихся отношений аудитории к официальным фильмам и хронологии изменения общественного мнения. Ни одного официального фильма не было выпущено в первые месяцы войны, когда внутренний энтузиазм населения по поводу начала войны был на высоте и, когда первый фильм вышел в самом конце 1915 г., отношение к войне было все еще положительным. При таких обстоятельствах, когда зрители «оголодали», видеозаписи военных действий были просто необходимы, были в состоянии найти киноаудиторию. Фактически, в то время, как первый официальный фильм «Великобритания подготовилась» действительно добился некоторого успеха, короткометражные фильмы с Западного Фронта, которые выпущены за первые шесть месяцев 1916 г., не выдержали той начальной популярности, и таким образом демонстрировали слишком ясно, что даже при благоприятных обстоятельствах пропагандистским фильмам больше не гарантируют аудиторию. Ситуация изменилась с выпуском киноленты «Битвы на Сомме», которая создала прецедент краткого успеха для официальной кинопропаганды. Три фильма, которые были так популярны в то время, были опубликованы между августом 1916 и январем 1917 гг., прежде чем первые явные признаки изменяющегося отношения к войне стали очевидными в забастовках марта 1917 года. Действительно, учитывая замечательный и беспрецедентный характер этих фильмов, было бы невероятно, если бы они не добились успеха. Несмотря на то, что они добились успеха в глазах более скептически настроенной общественности, их

популярность не позволяет нам говорить об их способности изменить общественное мнение.

Существенное изменение в общественном мнении, которое имело место с зимы 1916 до первых месяцев 1917 гг., показало себя после внезапного начала забастовок в марте 1917 года, и с того времени до февраля следующего года ситуация (с точки зрения правительства) только ухудшалась. При этих обстоятельствах официальные фильмы выглядели беспомощными. Первые признаки изменения появились уже в феврале 1917 г., когда «Bioscope» сообщил об остром снижении интереса аудитории к «Сражению у Анкре» в некоторых шотландских кинотеатрах⁵⁴⁸. К тому времени, когда третий фильм из цикла сражения «Сражение у Арраса» был показан в июне 1917 г., масштаб преобразования киноиндустрии был ясен; но фильм постигла неудача, в отличие от двух более ранних кинолент цикла сражения, которые были успешными. Работая и зная, что зрители устали от фильмов цикла сражений, пропагандисты заменили их официальной кинохроникой и новым рядом коротких, фактографических фильмов. Но когда эти инициативы также не вернули аудиторию, стало ясно, что проблема намного глубже. Во-первых, независимо от того, насколько изобретательными были пропагандисты в изменении формы своих фактографических фильмов, они вновь не смогли достигнуть той массовой киноаудитории, которая сделала киносреду настолько привлекательной для них. В изменившемся общественном «климате» не было аудитории для официальных фильмов, и отчаяние заставило пропагандистов искать пути, которые могли вернуть аудиторию. Они, в конечном счете, обратились к демонстрациям бесплатного фильма при помощи синемотор туров. Действительно, когда война закончилась, они уделяли серьезное внимание решению отказаться от фактографического фильма в целом. Официальные фильмы демонстрировали, прежде всего, неспособность

⁵⁴⁸ Bioscope, 15 February 1917. P. 737.

кинопропаганды изменить отношения к войне: в то время как война была популярна, интерес аудитории к официальным фильмам был почти нескончаемым; как только отношения к войне изменилось, интерес быстро исчез.

Во время сравнительно короткого периода войны официальные фильмы действительно достигли огромной популярности, и доказательством этого послужил зрительский интерес, проявленный к популярному фильму того времени «Битва на Сомме»⁵⁴⁹. Пока обзоры фильмов еще не стали типичными, как характерная особенность центральной или местной прессы, киноленты привлекали беспрецедентное внимание и, почти без исключения, комментарии были чрезвычайно восторженными. Таким образом, были ли это «The Manchester Guardian», или «The Daily Mirror», или «Birmingham Gazette», или «The Lantern Weekly», представление было неизменно тем же самым – «Битва на Сомме», писали газеты, дал зрителям уникальное понимание фактов войны на Западном фронте. Фильм позволил достичь беспрецедентной степени реализма. Как выразилась «The Yorkshire Evening Press» в августе 1916 г.: «никогда прежде такого не было экранизировано ... это все настолько реально»⁵⁵⁰. И эти требования о беспрецедентной способности фильма создать точное представление о природе войны были подтверждены даже в журналах, написанных для государственных служащих⁵⁵¹. Журнал «Regiment», который часто критиковал незнание гражданскими лицами настоящей войны, утверждал, что гражданское население может увидеть и понять «истинное значение войны»⁵⁵². В этом есть определенная ирония, поскольку те самые известные эпизоды фильма, чаще всего, фальсифицировались. Даже если это и имело место, аудитория того времени не знала об этом - это, как выразился

⁵⁴⁹ Reeves N. «Cinema, spectatorship and propaganda: Battle of the Somme (1916) and its contemporary audience» // Historical Journal of Film, Radio and Television. 1997. Vol. 17, No. 1.

⁵⁵⁰ The Yorkshire Evening Press, 29 August 1916. P. 3.

⁵⁵¹ Reeves N. The...P. 38.

⁵⁵² Regiment, 2 September 1916. P. 219.

«The Manchester Guardian», говоря о кинолентах, была «наконец реальная вещь»⁵⁵³.

Зрители были глубоко тронуты фильмом, до такой степени, что с самого начала некоторые утверждали, что фильм был «так ужасен..., что его едва можно смотреть»⁵⁵⁴. Такие возражения достигли своей кульминации в письме, написанном Дином Хэнсоном, редактору «The Times»: «... толпы лондонцев не чувствуют сомнения, когда перед их взором предстают картины, которые представляют страсть и смерть британских солдат в «Битве на Сомме»,... в фильме страшные трагедии войны приветствуются. Я почтительно прошу возможности выразить протест против этого «шоу», которое ранило мое сердце и нарушает саму неприкосновенность тяжелой утраты»⁵⁵⁵.

Точный характер возражения Дина в отношении фильма важен, поскольку это побудило многих из тех, кто выступал в защиту фильма, привлечь особое внимание к способу, которым кинолента получила аудиторию. Он указал на сильный эмоциональный ответ аудитории, делая особый акцент на почтительном, почти религиозном настроении людей, глубоко тронутых образами войны, которые им представила «Битва на Сомме». Джеймс Купер говорил за многих, когда он утверждал, что требования Дина Хэнсона были и неверными и жестокими: «в действительности слезы в глазах многих людей и тишина, которая преобладала... показали, что каждое сердце было полно любви и сочувствия к нашим солдатам»⁵⁵⁶.

В конце двадцатого века фильм «Битва на Сомме» все еще способен вызывать глубокие эмоции у киноаудитории, несмотря на огромные изменения восприятия, которые произошли с тех пор, как к форме фактографического фильма, так и в отношении к представлению насилия на экране. Комбинация

⁵⁵³ The Manchester Guardian, 11 August 1916. P. 4.

⁵⁵⁴ Ibid. 15 August 1916. P. 10.

⁵⁵⁵ The Times, 1 September 1916. P. 7.

⁵⁵⁶ Ibid. 2 September 1916. P. 3.

технологических ограничений оборудования, с которым официальные операторы работали, и подозрительный подход офицеров разведки, которые контролировали их работу, означали, что было намного меньше видеозаписи драматических фактов пограничного действия, чем многие ожидали⁵⁵⁷. Но «Битва на Сомме», тем не менее, дала своим зрителям беспрецедентное понимание природы войны на Западном фронте. Многие современники были впечатлены драматической видеозаписью бомбардировки артиллерии, которая предшествовала нападению 1 июля 1916 г. Однако, это прежде всего, фильм о сотнях тысяч обычных солдат, тех, кто участвовал в военных действиях на этой части фронта.

Сегодня «Битва на Сомме» соответствует восприятию Первой мировой войны как войны, в которой были напрасно принесены в жертву миллионы человеческих жизней; но в 1916 году это восприятие было совсем другое. При первом показе фильма Д. Ллойд Джордж утверждал, что он укрепит популярность войны среди населения, и подбодрит рабочих, изготавливающих боеприпасы, работать еще больше. «Army and Navy Gazette» предположил, что фильм предоставляет возможность гражданским лицам лучше понять природу войны, он сделает их еще более решительными, «что страна должна быть крайне сокрушена, который принес настолько ужасную войну на человечество»⁵⁵⁸. Но, возможно, одно из самых ярких выражений сильного патриотического ответа на фильм, мы находим в статье «The Manchester Guardian», один из корреспондентов, который утверждал, что фильм вывел зрителей из состояния «самодовольной безопасности» и дал им «понимание ужасов и причиненной нашим войскам боли и страданий», и таким образом стимулирует «восхищение их храбростью»⁵⁵⁹.

⁵⁵⁷ Reeves N. Cinema, spectatorship... P. 94-113.

⁵⁵⁸ Army and Navy Gazette, 9 September 1916. P. 582.

⁵⁵⁹ The Manchester Guardian, 2 September 1916. P. 4.

Таким образом, для большого числа населения фильм выполнил свои патриотические пропагандистские цели. Все же это не было единственным выводом, который зрители сделали из фильма. В сообщении об ответной реакции аудитории на «Битву на Сомме» в Лидсе, корреспондент «Bioscope» утверждал, что, в то время как фильм действительно «преподал урок того, что значит война... и сделал больше, чтобы сохранить мир, чем сто мирных обществ и тысячи проповедей»⁵⁶⁰. Таково представление, отраженное Джеймсом Купером в «The Times», который предположил, что «никакие средства не могли лучше повлиять на сознание английских мужчин и женщин, решивших не допустить повторение такой войны, как эта»⁵⁶¹. Мы считаем, что официальные фильмы сыграли определенную роль в изменении общественного мнения в отношении военного конфликта, которое произошло зимой 1916-1917 гг.

Официальные фильмы достигли своей целевой аудитории за короткий период времени – что само по себе, явилось убедительной демонстрацией силы кино как средства пропаганды. Кроме того, огромную популярность, которой они (киноленты) достигли в течение тех 18 месяцев, можно объяснить новизной и эмоциональной насыщенностью фильмов, и тем фактом, что они были показаны на экране в то время, когда общественное мнение все еще широко посвящало себя войне. Как только общественное настроение изменилось, пропагандисты больше не могли убеждать своих зрителей пойти посмотреть официальные фильмы.

Таким образом, общественное мнение в Великобритании во время Первой мировой войны было больше под влиянием изменяющейся природы войны и собственных внутренних проблем, чем под влиянием официальных фильмов, или действительно какой-либо другой формы военной пропаганды. Кинопропаганда играла второстепенную роль. В равной мере, в последние

⁵⁶⁰ Bioscope, 7 September 1916. P. 957.

⁵⁶¹ The Times, 2 September 1916.

месяцы войны кардинальные перемены на фронте, и важные изменения внутри страны (новая политика правительства по решению бытовых тягот войны), смогли достичь того, чего кинопропаганда никогда не смогла бы – они заставили забыть об усталости и перенаправили «гнев нации», которая стала единой в своей ненависти к врагу и решимости довести войну до победного конца. При всем при этом, официальные фильмы играли незначительную роль. Пропагандисты считали, что кинопропаганда играла ключевую роль в «сражении» за сердца и умы людей, это вовсе не означало, что это действительно так. На самом деле, хотя характер истории пропаганды таков, что мы никогда не можем быть полностью уверены в её правдивости, в данном конкретном случае власть кинопропаганды являлась больше мифической, чем реальной.

Конкуренция со стороны немецкой пропаганды заставила англичан активно действовать и развивать собственные институты военной пропаганды. В начале Первой мировой войны британцы имели все возможности для быстрого создания системы военной пропаганды. Однако, как показала нам история, эта мощная пропагандистская машина начала свою работу не сразу, понадобилось определенное время для того, чтобы все институты военной пропаганды начали свою работу.

Итоги Первой мировой войны показали нам, что создание английской пропагандистской машины было совершенно напрасным.

Первые успехи британской пропаганды на начальном этапе войны, в большей степени, зависели от действий немецкой армии на территории Бельгии и Франции. Германия дала много поводов и скандальных историй, на которые смогла опереться английская пропаганда. Фальсифицированный отчет о немецких зверствах на территории Бельгии, комиссии лорда Дж. Брайса яркое тому подтверждение. Пропагандисты преувеличили размер немецких злодеяний до такой степени, что не поверить в те ужасы, которые открылись

широкой публике, в первую очередь по средствам печати, было просто невозможно.

Создание образа врага было сложным процессом, в котором важную роль сыграли средства массовой информации, в первую очередь газеты лорда Н

о

р

т

к

л

и

ф Мифологизацию врага, выстроенную при помощи различных институтов британской пропаганды, можно назвать успешной. Доклад лорда Брайса ярко охарактеризовал методы, на которые шла английская пропаганда для конструирования негативного антигерманского образа. Средства и усилия Бюро Военной пропаганды, потраченные на формирование образа «немца-гунна», «варвара», разрушителя европейской цивилизации, не были напрасны. Пропанганда «ужасов войны» оправдала себя.

М Важное место в системе английской пропаганды занял кинематограф. Его активно использовали с самого начала Первой мировой войны. Говоря о месте кинематографа в системе визуальных средств влияния на общественное мнение, следует отметить, что он был частью внутренней пропаганды и в основном был направлен на работу с населением в тылу. Как и многие другие её формы, он порой использовался для откровенного обмана целевой аудитории за счет проката постановочных картин, основанных на пропагандистских мифах и непроверенных фактах. Однако, уже после первых 18 месяцев войны, кинопропаганда себя исчерпала. Общественное мнение в Великобритании изменилось в сторону завершения военных действий и как можно скорее.

m

На страницах прессы лорда Нортклиффа и стран Антанты Германия была настоящим варваром и чудовищем. Демонизация врага стала основным направлением английской пропаганды в первые годы войны. Пресса активно использовала и конструировала различные образы войны: образы «бедной

Пропагандисты больше не могли убеждать своих зрителей пойти посмотреть официальные киноленты.

Влияние военной пропаганды на психологию людей нельзя отрицать. Образ немца периода войны не был статичным и универсальным. «Образ врага» обычно рассматривается как крайняя форма «образа чужого», «образа другого», радикализованная под влиянием политической конъюнктуры. В годы Первой мировой войны, благодаря активности британской военной пропаганды Германия и немецкий народ, безусловно, воспринимались, как враги. Враг являлся агрессором, зачинщиком конфликта и реакция английского общества на разных уровнях была крайне негативной, начиная от объявления войны и заканчивая подписанием мирного договора.

Отрицать силу влияния английской пропаганды, мы не можем. Безусловно, она дала необходимый импульс для формирования и конструирования в умах жителей Британской Империи выгодных для правительства образов войны и врага.

Заключение

Первая мировая война стала отправной точкой в истории массовых пропагандистских акций, породила множество видов и методов ведения пропаганды, побудила государства использовать пропаганду часто и активно, уделять её созданию большое количество времени, сил и средств. Пропаганда, в свою очередь, кардинально повлияла на ход Первой мировой войны и всех последующих конфликтов, как политических, так и военных столкновений.

Военную пропаганду использовали разные страны еще с XIX века, но Первая мировая война стала первой войной, в которой противоборствующие правительства сознательно создали организации, производства и направленного действия пропаганды на врагов, союзников, в нейтральные страны, и на собственное население, как один из основных способов оправдания и тягот войны.

Первая мировая война проходила в то время, когда множество взаимодействующих политических, социальных, коммерческих, военных и технологических институтов активно использовали средства массовой информации, через которые пропаганда распространялась на население: неофициальные каналы (слухи, сплетни и т.п.), газеты, речи политических деятелей, кинофильмы, фотографии, плакаты, книги, брошюры, периодические издания и т.д. Такое взаимодействие обеспечило возможность для военных официальных структур скрывать важную информацию от населения, контролируя средства массовой информации через цензуру, в то время как некоторые источники информации были общедоступны, например, официальная информация военных корреспондентов, работавших на фронте под контролем военного министерства. Во всех странах отношения между государственными пропагандистскими учреждениями и средствами массовой информации были очень важны. Исключением не стала и Великобритания.

Проводя своеобразную изоляционистскую политику, Британская империя к последней трети XIX века осознала свое неустойчивое положение перед активно как экономически, так и политически развивающимся внешним миром. Перед правительством встала важная задача найти союзников и противников для империи. Поисками врага, начиная с конца XIX века, занялись литература и массовая печать. Роль печатного слова в Великобритании была велика. Высокий уровень грамотности населения, а так же низкая цена газет и военной литературы, и как следствие их доступность, влияла на ее активное распространение. Воздействие беллетристики и массовой печати на общественное мнение накануне войны оказывало огромное влияние на сознание британцев. Примером такого воздействия может служить распространившееся в литературе и прессе мнение о засилье немецких шпионов на территории Великобритании. В английском обществе стал царить дух шпиономании. Важными для всех жителей туманного Альбиона являлись сюжеты, связанные с нарастанием немецкой военно-морской мощи и гонки вооружений между Германией и Великобританией. Такая активная антигерманская пропаганда накануне войны, способствовала формированию образа врага для Англии – Германии.

Именно такими настроениями было пропитано английское общество накануне большой войны. Британской прессе удалось подготовить определенную почву для того, чтобы в 1914 г., когда Великобритания вступила в войну, общество довольно легко смогло воспринимать и впитывать антигерманскую пропаганду.

Пропаганда в годы Первой мировой войны стала новым видом идеологической войны. В период «Великой войны» государственные пропагандистские институты Великобритании в лице различных организаций (Веллингтон Хауз, Отдел информации, Крю Хауз, министерство информации и т.д.) контролировали английскую пропаганду и общественное мнение. Английское правительство сумело наладить и заставить работать «машину» военной пропаганды, которую пришлось создавать с началом Первой мировой

войны. Жесткой цензуре подвергалась любая информация, касающаяся действий на фронте и любых событий связанных с войной. Пропуская через созданные институты военной пропаганды дозированный поток информации, правительство преподносило его в таком виде, что даже далекий от войны человек поверил бы в то, что война ведется не напрасно, что есть определенная благородная цель, и что враг действительно заслуживает наказания. Пропаганда в годы войны стала как политическим институтом, так и средством воздействия на население.

За подготовку содержания, изготовление и распространение государственных пропагандистских материалов в воюющих державах отвечали специальные пропагандистские отделы в составе каких-либо ведомств и самостоятельные учреждения, финансируемые полностью или частично за счёт средств государственного бюджета. Британское правительство не имело готового пропагандистского аппарата в начале войны. В то время как некоторые меры, такие как, контроль за прессой, цензура, были установлены быстро, официальные внутренние пропагандистские организации появлялись медленнее. В годы войны при помощи правительства было создано Бюро военной пропаганды (Веллингтон Хаус), которое начало проводить активную антигерманскую пропаганду внутри страны и в нейтральных странах. Веллингтон Хаус был особенно активен в поддержке пропагандистских инициатив частными лицами, местными и региональными группами и неправительственными учреждениями, работающими с правительственной поддержкой. В начале 1917 года Веллингтон Хаус был поглощен новой расширяющейся пропагандистской организацией, Отделом информации, который в свою очередь в начале 1918 года трансформировался в Министерство информации.

Несмотря на средства управления пропагандой, применяемые Пресс-бюро и с 1916 г. MI7 Военным министерством (которое подвергало цензуре

содержание прессы), многие газеты продолжали создавать непрекращающийся поток собственной пропаганды, иногда дополняя, а иногда мешая официальной правительственной линии. Газетные владельцы такие, как лорд Нортклифф и лорд Бивербрук требовали большего участия в официальной пропаганде. Являясь ярким германофобом, лорд Нортклифф с конца XIX века проводил активную антигерманскую политику, иногда шедшую вразрез с политикой правительства. Несмотря на это, его газетная империя накануне и в годы войны создавала выгодный для правительства образ врага – немца-варвара, угрозы человеческой цивилизации. Стоит отметить, что Германия часто давала поводы для такой антигерманской пропаганды. Сами немцы называли лорда Нортклиффа первым врагом Германии и главным оружием Великобритании в войне. Лорд Нортклифф являлся одной из ключевых фигур в системе английской антигерманской военной пропаганды накануне и в годы Первой мировой войны.

Активное привлечение пропагандой различных военных мифов (доклад лорда Дж. Брайса) и визуальных средств воздействия на общественное мнение позволило демонизировать Германию в глазах мировой общественности, создавая антигерманский образ врага – кровожадного варвара, желавшего уничтожить цивилизацию.

Применение визуальной пропаганды было неотъемлемой частью пропагандистской работы, осуществляемой во время Первой мировой войны. Визуальный аспект военной пропаганды был характерен как для убеждения гражданских лиц и военнослужащих своей страны, стран союзников и нейтральных государств, так и для воздействия на мирное население и войска противника. Главным преимуществом визуальной пропаганды было свойство, присущее любому изображению, а именно, наглядное воспроизведение информации, которое имеет превосходство перед представлением информации в виде текста.

Эффективность пропагандистского изображения в первую очередь зависела от грамотного подхода к его содержанию, при составлении которого должны быть учтены все особенности целевой аудитории и контекст ситуации. Одним из важных средств английской визуальной пропаганды было использование кино. Пропагандисты быстро увидели потенциал фильма как элемент кинопропаганды, и как средство для получения доступа к сознанию населения. Активное использование кинопропаганды, начиная с 1915 г. и вплоть до конца войны, дало возможность правительству посредством кино доносить до граждан страны свою точку зрения и конструировать образ врага. Военная пропаганда основывалась, главным образом, на попытках убедить общественность действовать и думать определенным образом, выгодным правительству. В то время как истории о дикости и жестокости немцев были запоминающимися, они также являлись частью более крупных и более сложных нарративов для гражданского вклада, который оставался в значительной степени эффективным в Великобритании.

Не все ведущие участники глобального конфликта одинаково преуспели в битве за умы людей. Современники Первой мировой войны и позднейшие исследователи проблемы отмечают заметное отставание Германской империи от своих противников на западе в деле осуществления внешней военной пропаганды. Низкая эффективность немецкой пропаганды в стане Антанты объясняется не только ошибками в институционализации государственной пропаганды правительством, но и неверным подходом к её содержанию, требующему учёта множества факторов.

Пропаганде Первой мировой войны, особенно британской, часто приписывают преобразование пропаганды в современные формы. Несмотря на привлечение средства массовой информации, и новых методов ведения пропаганды (кино, музыка, общественные выступления политических лидеров, военные мифы) большая часть британской военной пропаганды использовала

известные методы и зависела от сотрудничества правительства, граждан, крупных издателей, частных организаций, конкретных общественных деятелей и т.д.

Устойчивые образы и пропагандистские клише, навязанные британскому обществу внутренней пропагандой, прочно вошли в повседневность эпохи, отразившись и в художественной литературе, и публицистике. Британская военная пропаганда воздействовала и была направлена не только на жителей собственной страны, но и на нейтральные (в первую очередь США) и союзнические страны. Британцы одними из первых поняли, как пропагандистский аппарат был важен для победы в войне, и использовали его по максимуму. Складывая негативные антигерманские образы накануне войны и в период 1914-1918 гг., институты военной пропаганды Великобритании продемонстрировали миру огромную власть и возможности пропаганды, значимая роль которой в итоговой победе бесспорна.

Таким образом, по окончании Первой мировой войны государственная военная пропаганда приобрела не только большой практический опыт, но и подтолкнула современников и будущих исследователей к всестороннему осмыслению данного явления, ставшего неотъемлемой частью многих вооруженных конфликтов XX столетия.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

1. Материалы National Archives of the United Kingdom / <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 1.05.2015); <https://www.gov.uk> /(дата обращения: 29.09.2014).

Официальные документы

1. Beaverbrook Papers, Series E, Vol. 14, File 'Cinema General May 1917 3-2 // Beaverbrook to Hutton Wilson, 8 May 1917. / <http://www.beaverbrookfoundation.org/political-papers.php> (дата обращения: 17.11.2015).
2. British Film Institute (BFI), William Jury Papers, Envelope 7, Arnold Bennett to Jury, 7 November 1918. / Jury Papers, Envelope 2, unsigned Memo, 24 October 1918 / <http://www.bfi.org.uk/archive-collections> (дата обращения: 19.09.2015).
3. Report of the Committee on Alleged German Outrages by James Bryce // Great Britain Committee on Alleged German Outrages, L., 1915.- 84 p.
4. The Papers of Admiral Sir John Fisher. Ed. by P.K. Kemp. L., 1960. Vol. I.
5. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 9. Legislaturperiode. V. Session. 1897/1898 Anlageband III. S.1774-75.
6. German Diplomatic Documents, 1871-1914 in 4 vols. Vol. 3. The Growing Antagonism, 1898-1910. N. Y.: Barnes & Noble, 1930. – 560 p.
7. Balfour papers. Vol. XXXII. Correspondence with Admirals Jackson, Jellicoe, Wemyss and Beatty; 1912-1928 // Balfour to Jellicoe, 19 August 1915/http://www.europeana1914-1918.eu/en/europeana/record/9200283/BibliographicResource_3000061843383 (дата обращения: 2.07.2014).

2. Political Departments: General Correspondence from 1906-1966 // Conference with representatives of the London press, summoned by C.F.G. Masterman, held at Wellington House, Buckingham Gate on 7 September 1914, FO 371/2209. / <http://nationalarchives.gov.uk/> (дата обращения: 15.05.2015).

3. Great Britain and the European crisis: correspondence, and statements in Parliament, together with an introductory narrative of events/ <http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1756> (дата обращения: 14.07.2015).

4. The Tirpitz Memorandum of June 1897. // Steinberg J. Yesterday's Deterrent: Tirpitz and the Birth of the German Battle Fleet. L.: Macdonald, 1965. – 208-223 p.

5. Tirpitz A. von Politische Dokumente. Bd. 1. Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart, Berlin, 1924.

Периодические издания

1. The Abingdon Free Press (1914).
2. Army and Navy Gazette (1916).
3. The Banbury Advertiser (1914).
4. The Banbury Guardian (1914).
5. Bioscope (1915-1917).
6. The Birmingham Daily Post (1914).
7. The Cambridge Daily News (1914).
8. The Daily Express (1914).
9. The Daily Herald (1914).
10. The Daily Mail (1897; 1907; 1909; 1914-1918).
11. The Daily News (1912; 1914).
12. The Eastern Daily Press (1914).
13. The Evening News (1914).

- 14.Hackney Spectator (1914).
- 15.The Hull Daily Mail (1914).
- 16.The Islington Daily Gazette (1914).
- 17.John Bull (1914).
- 18.Kentish Mercury (1914).
- 19.Kinematograph Weekly (1914; 1917).
- 20.The Leicester Daily Post (1914).
- 21.The Liverpool Daily Post (1914).
- 22.The Manchester Guardian (1914; 1915).
- 23.News of the World (1914).
- 24.The Oxford Chronicle (1914).
- 25.Regiment Magazine (1916).
- 26.The Cinema (1916).
- 27.The cinematograph and lantern weekly (1914).
- 28.The Passing Show (1915).
- 29.The Star (1916).
- 30.The Times (1914-1918).
- 31.The Yorkshire Evening Press (1916).
- 32.The Yorkshire Post (1914).
- 33.Русское Богатство (1915).

Публицистика

1. Angell N. The Great illusion. L., 1914. - 292 p.
2. Berghahn V.R. German and the Approach of War in 1914. L.: Macmillan, 1993. – 260 p.
3. Bernhardi F. von. Germany and the Next War, Stuttgart und Berlin: Longman's. Green, and Co., 1912. – 244 p.
4. Bernhardi F.von. Germany and England. N. Y.: G.W. Dillingham, 1915. – 93 p.

5. Bloch I.S. Is War Now Impossible? Being An Abridgment Of The War Of The Future In Its Technical, Economic, And Political Relations. L.: Kessinger Publishing, LLC, 2008. – 468 p.
6. Brassey's Naval Annual /.
https://archive.org/stream/brasseysnavala1912brasuoft/brasseysnavala1912brasuoft_djvu.txt (дата обращения: 16.09.2015).
7. Buchan J. Greenmantle. L.: Thomas Nelson, 1915. – 258 p.
8. Cecil H. and P. Liddle (eds), Facing Armageddon: The First World War Experienced. L.: Pen and Sword, 1988. – 936 p.
9. Chesney G.T. The Battle of Dorking. L., 1914. – 60 p.
10. Childers E. Riddle of the Sands. Penguin Classics. 2011. – 411 p.
11. Cramb J.A. Germany and England. L.: George Routledge, 1914. – 158 p.
12. Cramb J.A. The Origins and Destiny of imperial Britain and the Nineteenth Century Europe. L.- N.Y., 1915. – 144 p.
13. Creel G. The Battle in the Air Lanes // Popular Radio, September, 1922
14. Gardiner A. G. Why We Must Not Fight // Daily News 1 August 1914.
15. Doyle A.C. The German War. L., 1914. – 97 p.
16. Edmonds Ch. A Subaltern's War. L.: Peter Davies, 1929. – 160 p.
17. Eisenhart K. Die Abrechnung mit England. München, 1900. – 78 p.
18. Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. L.: Black Swan, 1989. – 512 p.
19. Fraser J. Russia of Today. L.: Cassell, 1915. – 296.
20. Gibbs Ph. Now it Can Be Told. L.: Harper & Brothers, 1917. – 359.
21. Grigg J. Lloyd George: The People's Champion, 1902-1911 (David Lloyd George Biography). L.: Faber & Faber, 2011.
22. Heath Robinson The Sketch. L., 1910. – 160 p.
23. Jane F.T. Fighting Ships. L. Sampson low, 1914.
24. Jeffries J. M. N., Front Everywhere. L., 1930. – 125 p.

25. Le Queux W. The Invasion of 1910. L., 1906. – 165 p.
26. Le Queux, Spies of the Kaiser. L.: Pearl Necklace Books, 2013. – 198 p.
27. Louis Tracy's The Final War. N. Y., 1896. – 511 p.
28. Maclean N. The Great Discovery. Glasgow, 1915. – 45 p.
29. Pamphlet, Bottomley's Battle Cry. L., 1914.
30. Peel C S. How We Lived Then, 1914-1918. L.: John Lane the Bodley Head, 1929. – 235 p.
31. Playne C. Society at War. L.: Allen 86 Unwin, 1931. – 2 p.
32. Ponsonby A. Falsehood in War-time: Propaganda Lies of the First World War. L., 1928. – 192 p.
33. Saki. When William Came, Amazon Digital Services, Inc. 2012. – 152 p.
34. Schmitt B.E. The Coming of the War 1914. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1930. – 539 p.
35. Swinton E. D. Eyewitness. L.: Hodder and Stoughton limited, 1932.
36. Vaux P., Yexley L. When the eagle flies seaward. L., 1907. – 170 p.
37. Wallace S. War and the Image of Germany. Edinburgh: John Donald, 1988. – 304 p.
38. Wartime Tips for Soldiers and Civilians. L., 1914.
39. Wells H. War to end War. L., 1914.
40. Wells H.G. The war that will end war. L.: Duffield, 1914. – 112 p.
41. Wells H.G. The War in the Air. L., 1908. – 216 p.
42. Wile F. W., «The German Murder Instinct» // Daily Mail, 7 July, 1915.
43. Willis I., England's Holy War. L.: Knopf, 1928. – 398 p.
44. Wingfield-Stratford E. The Victorian Aftermath, 1901-1914. L.: George Routledge and Sons, 1933.
45. Уэллс Г. Международная катастрофа 1914 года и ее последствия. М.-Пг.: Госиздат, 1923. – 125 с.

46. Стюарт К. Тайны дома Крю. М.-Л.: Госиздат. Отдел военной литературы, 1928. – 124 с.

Мемуары, дневники, письма

1. Campbell Ph. Back of the front. L.: G. Newnes, 1915. – 126 p.
2. Diary of Anonymous London Woman, July-September 1914.
3. Grey E. 25 Years. 1892 - 1916: Vol. 2. L.: Hodder & Stroughton, 1925. Vol. 1-2.
4. Masterman L. C. F. C. Masterman A Biography. Cassell, 1929. – 400 p.
5. Towers W. L. B., First World War diary / <https://www.british-history.ac.uk/london-record-soc/vol37/pp70-93> (дата обращения: 29.05.2015).
6. Wilkinson B.J. Films and Censorship in England, Chapter XI: The War Years // <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C6762587> (дата обращения: 23.04.2015).
7. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Т. I.M., 1923. – 246 с.

Кинохроника

1. Ohm Kruger, 1941, film directed by Hans Steinhoff. / <https://archive.org/details/Ohm.Krueger.1941.Ger.vo.satkurger.ver2.AC3.Rus> (дата обращения 14.02.2015).
2. The Battle of the Ancre and Advance of the tanks (1917). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060008185> (дата обращения: 24.03.2015).

3. The Battle of the Somme (1916) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UhHdZLioRZg> (дата обращения: 19.03.2015).
4. The German Retreat and the battle of Arras (1917). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1060008184> (дата обращения: 25.03.2015).

Исследования

1. Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010. – 176 с.
2. Блументаль Ф. Буржуазная политработа в мировую войну. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1928. – 168 с.
3. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж М.: Мысль, 1970. – 412 с.
4. Виноградов С.Е. Линейный корабль «Дредноут» // Морская коллекция. М., 1996. №6.
5. Война и общество в XX веке: в 3 кн.: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / науч. рук. Золотарев В.А.; отв. ред. Листиков С.В. М.: Наука, 2008. – 611 с.
6. Гейдорн Г. Монополии – Пресса – Война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М.: Прогресс, 1964. – 573 с.
7. Джолл Д. Истоки Первой мировой войны / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 416 с.
8. Зайончковский А.М. Первая мировая война — СПб.: Полигон, 2002. – 878 с.
9. Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги Первой мировой войны. Сборник статей. Пер. с нем. Л.К. Комоловой / Под ред. Н.Н. Соболева. М., 1957. – 528 с.

- 10.Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Центрполиграф, 2013. – 448 с.
- 11.Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировую войну. М.-Л., 1929. – 212 с.
- 12.Лихарев Д.В. Гонка морских вооружений как причина и следствие великой войны. - В кн.: Первая мировая война // Первая мировая война. Пролог XX века. Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998. – 537-554 с.
- 13.Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора Британского флота. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1993. – 292 с.
- 14.Лунева Ю.В. Подготовка общественного мнения Великобритании к вступлению страны в Первую мировую войну: лорд Грей и создание «образа врага» // Великая война 1914-1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Вып. 1. М.: Квадрига, 2014. – 156 с.
- 15.Мальков В.Л. Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998. – 693 с.
- 16.Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т Всеобщей истории. – М.: Наука, 2002.
- 17.Первая мировая война и судьба европейской цивилизации / Под. ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.
- 18.Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. // Отв. ред. Писарев Ю.А., Мальков В. Л.; М.: Наука, 1994. – 303 с.
- 19.Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985. – 286 с.
- 20.Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30315/1/uibch_2014_1-22.pdf (дата обращения: 22.05.2016).

21. Прокопов А.Ю. Британское общество в начале Первой мировой войны // Великая война 1914-1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: Вып. 2. М.: Квадрига, 2013. – 144 с.
22. Россия и Европа в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны / под. ред. В.А. Золотарев – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. – 880 с.
23. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. – 9-19 с.
24. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). – 54-72 с.
25. Сенявская Е.С. Война в массовом сознании и исторической памяти // Власть. 2001. № 7. – 38-43 с.
26. Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. – 140-145 с.
27. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 383 с.
28. Сенявская Е.С., Миронов В.В. Человек на войне: «свой» и «чужие» // Мировые войны XX века: в 4-х тт. / Науч. рук. В.Л. Мальков, отв. ред. Г.Д. Шкундин. Т.1. М.: Наука, 2002. - 519-530, 571-572.
29. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1956-1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.
30. Туполев Б.М. Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы // Новая и новейшая история. 2002. №5.

- 31.Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 696 с.
- 32.Хейстингс М. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 604 с.
- 33.Хмелевская Ю.Ю. Большая игра// Человек и война. СПб., 2000.
- 34.Andrew C. Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. L.: Heinemann, 1985. – 516 p.
- 35.Armitage F. B. Leicester 1914-18. Leicester, 1933. – 127 p.
- 36.Axelrod Alan. Selling the Great War: The making of American propaganda. Basingstoke: St. Martin's Press, 2009. – 256 p.
- 37.Badsey S.D. “Battle of the Somme”: British war-propaganda // Historical journal of film, radio and television, Vol. 3, No.2, 1983. – 99-115 p.
- 38.Badsey S.D. The British Army in Battle and Its Image 1914-18. N.Y.: Continuum, 2009. – 262 p.
- 39.Badsey S. D. The German Corpse Factory: A Study in First World War Propaganda (Wolver Hampton Military Studies). L.: Helion and Company, 2016. – 180 p.
- 40.Bailey T. A. and. Ryan P. B. The Lusitania Disaster. N. Y.: The Free Press, 1975.
- 41.Bar-Yosef Ben. “The last Crusade? British propaganda and the Palestine Campaign, 1917-18,” Journal of Contemporary History, Vol. 36,. 2001. 87-109 p.
- 42.Beckett Ian Frederick William A Nation in Arms: A Social Study of the British Army in the First World War. Manchester: Manchester University Press, 1985. – 288 p.
43. Bickel H. Englische Propaganda für das Recht der kleinen Völker während des Weltkrieges. Jena: Neuenhahn, 1939. – 86 s.

44. Blewett N. *The peers Parties and the People: General Election of 1910*. L.: Macmillan, 1972. – 560 p.
45. Boulton D. *Objection Overruled*. L.: McGibbon & Kee, 1967. – 319 p.
46. Bourne J.M. *Britain and the Great War, 1914-1918*. L.: Edward Arnold, 1989. – 272 p.
47. Bourne R. *Lords of Fleet Street: The Harmsworth Dynast*. L.: Unwin & Hyman, 1990. – 288 p.
48. Boyce D.G. *Harmsworth, Alfred Charles William, Viscount Northcliffe (1865–1922)*. Oxford University Press. 2004.
49. *British Fighting Methods in the Great War* / Ed. by P. Griffith. L.: Routledge, 2005. – 210 p.
50. Buitenhuis P. *The Great war of words. Literature as Propaganda 1914-1918 and after*. L.: University of British Columbia Press, 1989. – 436 p.
51. Buitenhuis P. “Writers at war: Propaganda and fiction in the Great War,” *University of Toronto Quarterly*, Vol. 45, Summer, 1976. – 277-294 p.
52. Buitenhuis P. *The Great War of words: British, American and Canadian propaganda and fiction, 1914-1933*. Vancouver: B. T. Batsford Ltd., 1987.
53. Bullock A. *The Life and Times of Ernest Bevin, vol. 1*. L.: Heinemann, 1960. – 672 p.
54. Cardwell D.C. *The Organization of Science in England*. L., 1957. – 256 p.
55. Churchill W.S. *The World Crisis*. L.: Thornton Butterworth Ltd., 1932.
56. Clark A. *Echoes of the Great War*. Oxford: Oxford Paperbacks, 1988. – 336 p.
57. Clark F. *The Central office of information*. L.: Allen & Unwin, 1970. – 184 p.
58. Clarke I. *Great War with Germany, 1890-1914: Fictions and Fantasies of the War-to-Come*. Liverpool: Liverpool University Press, 1997. – 448 p.
59. Clarke I. *The Tale of the Next Great War, 1871-1914: Fictions of Future Warfare and of Battles Still-to-Come*. Liverpool: Liverpool University Press, 1995. – 382 p.

60. Clarke I. *Voices Prophesying War: Future Wars 1763-1749*. Oxford: Oxford University Press, 1992. – 304 p.
61. Clements K. W. *Baptists and the Outbreak of the First World War* // *Baptist Quarterly*: Baptist Historical Society, 1975. – 148 p.
62. Cole M. *Growing up into revolution*. L.: Longmans Green and Co, 1949.
63. Collins L. J. *Theatre at War*. L.: Macmillian Press, 1998. – 252 p.
64. Cornell J. *All's Wells that Ends Wells: Apocalypse and Empire in The War of the Worlds* // *A Companion to Literature and Film* (ed. by Robert Stam and Alessandra Raengo). Oxford: Blackwell, 2004. - 423-447 p.
65. Demm E. *Propaganda and caricature in the First World War* // *Journal of Contemporary History*, Vol. 28,. 1993. - 163-192 p.
66. Epstein J. *German and English propaganda in World War I*. // *New York Military Affairs Symposium*. CUNY Graduate Center/ NYMAS. December 1. 2000.
67. Esposito P. *Public Opinion and the Outbreak of the First World War: The Newspapers of Northern England*. Oxford, 1996.
68. Ferguson N. *Pity of War: Explaining World War I*. N.Y., 1999. – 608 p.
69. Fleming T. *The Illusion of Victory: Americans in World War I*. N.Y.: Basic Books, 2003. – 576 p.
70. Forster S. *Dreams and Nightmares: German Military Leadership and the Images of Future Warfare, 1871-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 496 p.
71. French D. *Spy Fever in Britain 1900-1915* // *Central European History*. Vol. 21. L., 1978. – 355-370 p.
72. Fyfe H. *Northcliffe: an intimate biography*, L., 1930. – 382 p.
73. Gannon C. *Rumors of War and Infernal Machines: Technomilitary Agenda-Setting in American and British Speculative Fiction*. Liverpool: Liverpool University Press, 2003. – 312 p.

74. Goldfarb Marquis A. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War // Journal of Contemporary History. V.13.№3. 1978. - 467-498 p.
75. Gollin A.M. The Observer and J.L. Garvin 1908-1914: A Study in a Great Editorship. Oxford: Oxford University Press, 1960. – 445 p.
76. Graves R. Goodbye to All That. L., 1961. – 404 p.
77. Gregory A. A Clash of Cultures // A Call to Arms. Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War / Ed. by T. Paddock L.: Praeger, 2004. – 15-50 p.
78. Gregory A. The Last Great War. British society and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 362 p.
79. Gullace N.F. “Sexual violence and family honor: British propaganda and international law during the First World War,” American Historical Review, Vol. 102, 1997. - 714-747 p.
80. Halpern P.A Naval History of the First World War. Los Angeles, 1994. – 616 p.
81. Hammond M. Towheed S. Publishing in the First World War. L.: Palgrave Macmillan, 2007. – 241 p.
82. Haste C. Keep the Home Fires Burning: Propaganda in the First World War. L.: Viking, 1977. – 240 p.
83. Healy M. Exhibiting a war in progress: Entertainment and propaganda in Vienna, 1914-18 // Austrian History Yearbook, Vol. 31. 2000. - 56-85 p.
84. Hiley N. Counter-Espionage and Security in Great Britain during the First World War/The English Historical Review. Vol. 101, No. 400 Jul., 1986.
85. Hiley N. Introduction to William Le Queux. The Spies of the Kaiser: Plotting the Downfall of England. N. Y.: Frank Cass, 1996.

- 86.Hiley N. The British cinema auditorium // Karel Dibbets and Bert Hogenkamp (eds), *Film and the First World War*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 1995. – 200 p.
- 87.Hiley N. The Failure of British Espionage against Germany, 1907-1914 // *The Historical Journal*, Vol. 26, No. Dec, 1983. 867-889 p.
- 88.Hynes S. *A War Imagined: The First World War and English Culture*. L., 1992. – 528 p.
- 89.Joll J. *The Origins of the First World War*. Harlow, 1992. – 360 p.
- 90.Jowett G.S. O'Donnell V. *Propaganda and Persuasion*. L.: Sage publication, 1986. – 431 p.
- 91.Keegan J. *The First World War*. L.: Vintage, 1998. – 528 p.
- 92.Gilbert M. *The First World War: A Complete History*. N.Y.: Holt Paperbacks, 2004. – 688 p.
- 93.Keshen J. *Propaganda and censorship during Canada's Great War*. Edmonton, 1996. – 352 p.
- 94.Knightley Ph. *The first casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq*. L.: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. - 465 p.
- 95.Koss S. *Fleet Street Radical: A. G. Gardiner and the Daily News*. L.: Archon, 1973. – 339 p.
- 96.Kunczik M. *British and German Propaganda in the United States from 1914-1917*. N.Y., 1998.
- 97.Laswell H. *Propaganda Technique in World War*. L.: A. Knopf, 1927. – 233 p.
- 98.Low R., Manvell R. *The History of the British film 1896-1906*. L., 1970.
- 99.Lüdke T. *Jihad made in Germany: Ottoman and German propaganda and intelligence operations in the First World War*. Münster: LIT Verlag, 2005. – 264 p.
100. Macdonagh M. *London during the Great War*. L.: Eyre & Spottiswoode, 1935.

101. MacKenzie John M. Propaganda and Empire: The manipulation of British Public Opinion (1880-1960). Manchester University, 1984. – 277 p.
102. Marder A. J. From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904 - 1919. Vol. 1. L., 1961. – 388 p.
103. Marder A. J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre- Dreadnought Era, 1880-1905. N.Y.: Frank Cass, 1940. – 580 p.
104. Marlin R. Propaganda and the Ethics of Persuasion. N.Y.: Broadview Press, 2002. – 328 p.
105. Marquis, Alice G. Words as weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War // Journal of Contemporary History, Vol. 13. 1978. - 467-498 p.
106. Martin L.W. «The navy race begins» // purnell History of the 20 century, no. 7. L., 2001.
107. Marwick A. Britain in the Century of Total War: War, Peace and Social Change, 1900-1967. L.: The Bodley Head Ltd., 1968. – 512 p.
108. Marwick A. The Deluge. British Society and the First World War. L., 1994. – 336 p.
109. Marwick A. War and Social? Change in the XX century: a Comparative Study of Britain, France, Germany, Russia and the USA. L.: Palgrave Macmillan, 1974. – 272 p.
110. McEwen . J. M. (ed.).The Riddell Diaries. L., 1986. – 290 p.
111. McKernan L. Topical Budget: The Great British News Film. L.: British Film Inst., 1992. – 192 p.
112. Messinger G. S. An inheritance worth remembering: The British approach to official propaganda during the First World War // Historical Journal of Film, Radio and Television, Vol. 13. 1993. - 117-128 p.
113. Messinger G. S. British propaganda and the state in the First World War.

- Manchester: Manchester University Press, 1992. – 240 p.
114. Miller F. The Hartlepoons during the Great War. Hartlepool: R. Martin, 1920. - 162 p.
 115. Milton R. Best of enemies Britain and Germany: 100 years of truth and lies. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 368 p.
 116. Mitchell D. Monstrous Regiment: The Story of the Women of the First World War. N. Y.: Macmillan, 1965. – 400 p.
 117. Morgan D. Patriotism and propaganda in First World War Britain: the National War Aims Committee and civilian moral. Liverpool: Liverpool University Press, 2012. – 310 p.
 118. Morris A. J. A. The Advocacy of War and Rearmament 1896-1914 // A Quarterly Journal Concerned with British Studies Vol. 17, No. 3 Autumn, 1985.
 119. Morse J. An Englishman in the Russian Ranks. L.: Duckworth & Co, 1915.
 120. Niemann A. Der Weltkrieg. Deutsche Träume. Berlin, Leipzig, 1904. – 204 p.
 121. Paddock, Troy R.E. A call to arms: Propaganda, public opinion and newspapers in the Great War. Westport: Praeger, 2004. – 224 p.
 122. Pakenham T. The Boer War, N. Y.: Random House, 1979. – 659 p.
 123. Pakenham T. The Scramble for Africa. N. Y., 1991. – 200 p.
 124. Pearce C. Comrades in Conscience: The Story of an English Community's Opposition to the Great War. L., 2001. – 303 p.
 125. Pemberton Max Lord Northcliffe a memoir. L.: University of California Libraries, 1922. – 268 p.
 126. Playne C. E. Pre-war Mind in Britain. L.: Allen & Unwin, 1928. – 444 p.
 127. Pogge von Strandmann, Hartmut. The role of British and German historians in mobilizing public opinion in 1914 // Benedikt Stuchtey and Peter Wende

- (eds.). British and German historiography, 1750- 1950: Traditions, perceptions, and transfers. Oxford, 2000. - 335-371 p.
128. Poundand R. Geoffrey Harmsworths`s, Northcliffe. L., 1959. – 640 p.
 129. Reeves N. Cinema, spectatorship and propaganda: Battle of the Somme (1916) and its contemporary audience // Historical Journal of Film, Radio and Television. Vol. 17. N. 1. 1997. - 5-28 p.
 130. Reeves N. Film propaganda and its audience //Journal of Contemporary History. Vol. 13. 1993. - 480-490 p.
 131. Reeves N. Film Propaganda and its Audience: The Example of Britain's Official Films during the First World War//Journal of Contemporary History, Vol. 18, 1983. - 463-494 p.
 132. Reeves N. Official British film propaganda during the First World War. L.: Routledge, 1986. – 304 p.
 133. Reeves N. The power of film propaganda – myth or reality // Historical Journal of Film, Radio, and Television. Vol. 12 (2).1993. - 181-201 p.
 134. Reeves N. The power of film propaganda. Myth or Reality? L., 2004. – 256 p.
 135. Reinhard R. Doerries . Imperial challenge: Ambassador Count Bernstorff and German-American relations, 1908-1917. University of North Carolina Press, 1989. – 464 p.
 136. Rohde D. A Safe Area. Srebrenica: Europe`s Worst Massacre since the End of the Second World War. L., 1997.
 137. Rollo M.F., Pires A.P., Novais N.M. (eds) War and Propaganda in the XXth Century. Lisboa: IHC, CEIS20, 2013. (режим доступа:<http://hdl.handle.net/10362/10758>)
 138. Roshwald A., Stites R. European culture in the Great War: the arts, entertainment and propaganda, 1914-1918. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 444 p.

139. Ross, Stewart Halsey. Propaganda for war: How the United States was conditioned to fight the Great War of 1914-1918. Jefferson, North Carolina, 1996. – 356 p.
140. Sanders M.L. Wellington House and British propaganda during the First World War // History Journal 18, 1975. - 119–146 p.
141. Sanders M.L., Taylor Ph.M. British Propaganda in the First World War. L.: Palgrave, 1982. – 336 p.
142. Sawyer R. L. The Bowerchalke Parish Papers: Collett's Village Newspaper 1878-1924. Gloucester: Alan Sutton with Wiltshire CC, 1989.
143. Schaepdrijver Sophie Occupation, propaganda, and the idea of Belgium // Richard Stites and Aviel Roshwald (eds.), European culture in the Great War: The arts, entertainment, and propaganda, 1914-1918. Cambridge, 1999. - 267-294 p.
144. Silbey D. British Working Class and Enthusiasm for war 1914-1916. L.- N. Y., 2005. – 200 p.
145. Simmonds Alan G. V. Britain and World War One. N.Y.: Routledge, 2012. – 336 p.
146. Simpson C. The Lusitania. L.: Little, Brown & Co, 1972. – 336 p.
147. State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Ed. by J. Home. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 312 p.
148. Steiner Zara S., Neilson K. Britain and the Origins of the First World War: Second Edition. L.: Palgrave Macmillan, 2003. – 352 p.
149. Stites Richard and Aviel Roshwald (eds.), European culture in the Great War: The arts, entertainment, and propaganda, 1914-1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 444 p.
150. Taylor A.J.P. English History 1914-1945. L., 1970. – 752 p.
151. Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford: Oxford University Press, 1971. – 638 p.

152. Taylor J. Your Country Needs You: The Secret History of the Propaganda Poster. Glasgow: Saraband, 2013. - 156 p.
153. Taylor Ph. British propaganda in the Twentieth Century. Selling Democracy. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. – 276 p.
154. Taylor Ph. Foreign Office and British propaganda during the First World War // History Journal 23, 1980. – 875-898 p.
155. Taylor S.J. The Great Outsiders: Northcliffe, Rothermere and the Daily Mail. L., 1992. – 412 p.
156. The Great War of 189-. A Forecast. L.: Adamant Media Corporation, 2002. – 332 p.
157. Thomas Jr. William H. Unsafe for democracy: World War I and the U.S. Justice Department's covert campaign to suppress dissent. Madison, 2008. – 470 p.
158. Thompson G. M. The 12 Days: 24 July to 4 August 1914. L.: G. P. Putnam's Sons, 1964. – 228 p.
159. Thompson J. Lee. Northcliffe: Press Baron in Politics, 1865-1922. L. John Murray, 2000. – 368 p.
160. Towle Ph. The Debate of Wartime censorship in Britain 1902-1914 // Brian Bond and Ian Roy, War and society. A yearbook of military history, L. Croom Helm, 1975.
161. Trumpener U. War Premeditated? German Intelligence Operations in July 1914// Central European History. Vol.9. March L., 1976. – 67-70 p.
162. Tuchman B. August 1914. L., 1994. – 499 p.
163. Unwin S. The Truth about a Publisher. L.: HarperCollins Publishers Ltd., 1946. – 455 p.
164. Ward A.W. Germany, 1815-1890. Cambridge: Cambridge University Press, 1918. – 628 p.

165. Trevelyan G.M. British History in the Nineteenth Century and After (1782-1919). L: Longmans; Green&Co., 1946. – 512 p.
166. Weinroth H. Norman Angell and the Great Illusion: An Episode in Pre-1914 Pacifism // Historical Journal. № 17. 1974. - 551-574 p.
167. Welch David. Germany, propaganda and total war, 1914-1918: The sins of omission. New Brunswick. Rutgers University Press, 2000. – 368 p.
168. Winter J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
169. Winter Jay. Propaganda and the mobilization of consent // Hew Strachan (ed.), The Oxford illustrated history of the First World War. Oxford : Oxford University Press, 1998. - 216-226 p.
170. Wintour B. Britain and the Great War, 1914-1918: A Subject Bibliography of Some Selected Aspects. L.: Greenengle publishing, 2014. – 360 p.
171. Wollaeger M. Modernism, Media and Propaganda – British Narrative From 1900 to 1945. Princeton: Princeton University Press, 2008. – 368 p.
172. Wood Richard and David Culbert (eds.) Film and propaganda in America: A documentary history: World War I (Vol. 1.). N. Y.: Greenwood, 1990. – 502.
173. World War I and Propaganda / ed. by Troy Paddock (History of warfare; vol. 94). Boston, 2014. – 336 p.
174. Yoshimi Shunya (ed.) World War I propaganda posters: From the collection of the University of Tokyo Interfaculty Initiative in Information Studies. Tokyo: University of Tokyo Press, 2007. – 256 p.

Диссертации

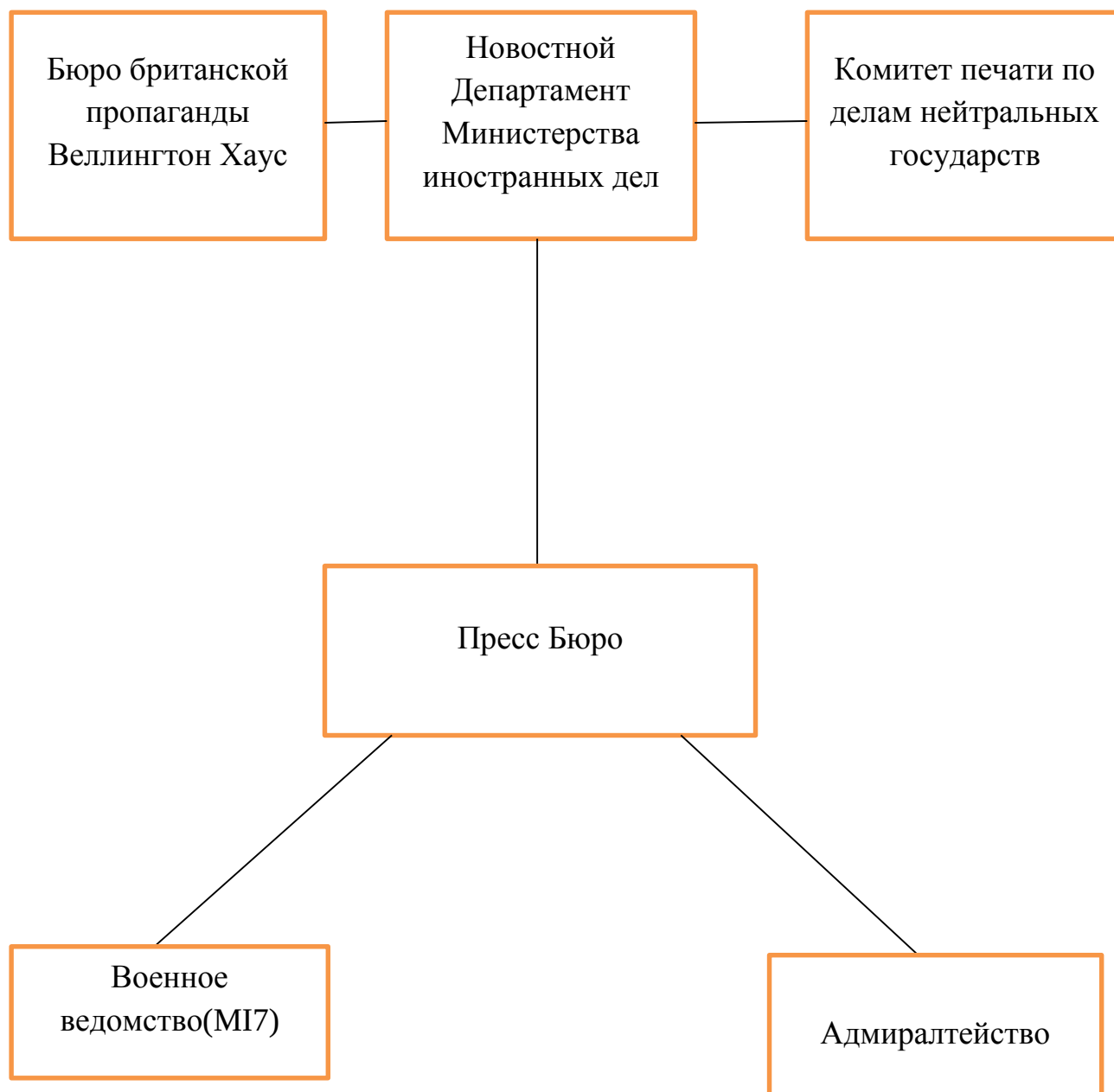
1. Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны: дис....канд. исторических наук. М., 2011. – 265 с.

2. Рогов Д.М. Габсбургская монархия в общественном мнении и военной пропаганде Великобритании в 1914-1918 гг. дис....канд. исторических наук. Тамбов, 2015. – 252 с.
3. Романова Е.В. Англо-германский конфликт и пути его регулирования, 1907-1914 гг. дис....канд. исторических наук. М., 2000. – 240 с.
4. Смирнова И.В. Морально-психологическое состояние британских солдат на Западном фронте в 1914-1918 гг.: дис....канд. исторических наук. М., 2011. – 334 с.
5. Хмелевская Ю.Ю. Великая война: Английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии (1914-1918). дис....канд. исторических наук. Пермь, 2000. – 257 с.
6. Meller P. J. The Development of Modern Propaganda in Britain, 1854-1902. Thesis submitted for the degree of Ph.D. University of Durham, Department of History. 2010. – 236 p.
7. Searle K. J. British Society at War 1914-1918: Myth, Rumour and the Search of Meaning. Thesis submitted in fulfillment of the requirements of Master of Arts in History at the University of Canterbury, Christchurch, New Zealand, University of Canterbury. May 2009. – 200 p.

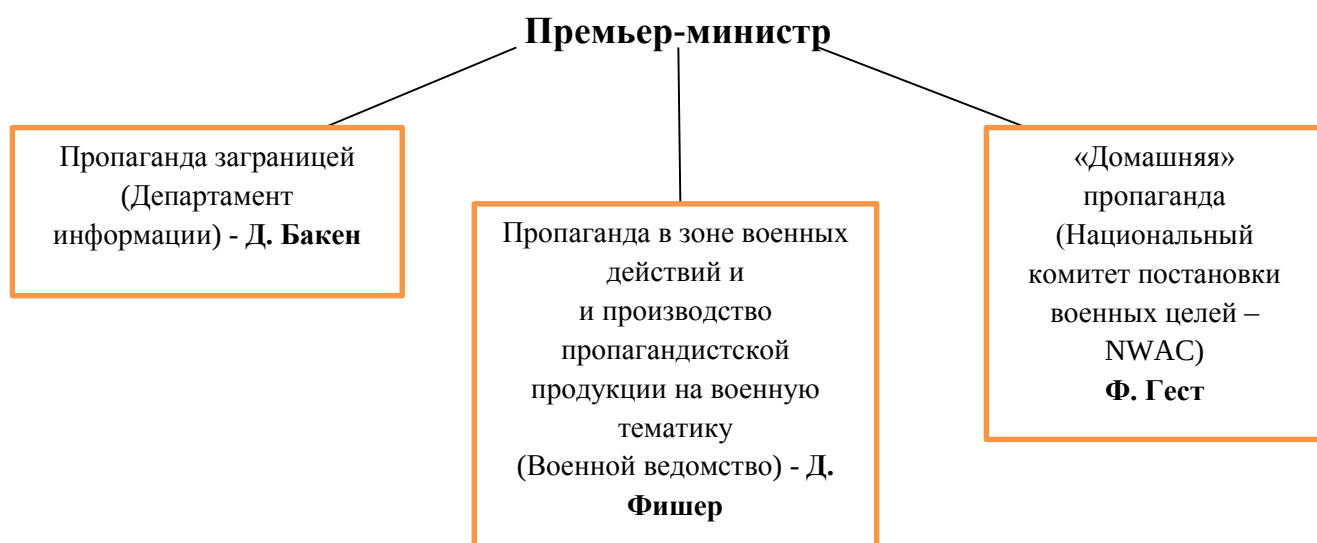
Приложение

Схема 1. Организация официальной британской пропаганды в 1914-1918 гг.

Организация официальной британской пропаганды в 1914-1916 гг.

Организация официальной британской пропаганды в 1917 г.

Организация официальной британской пропаганды в 1918 г.

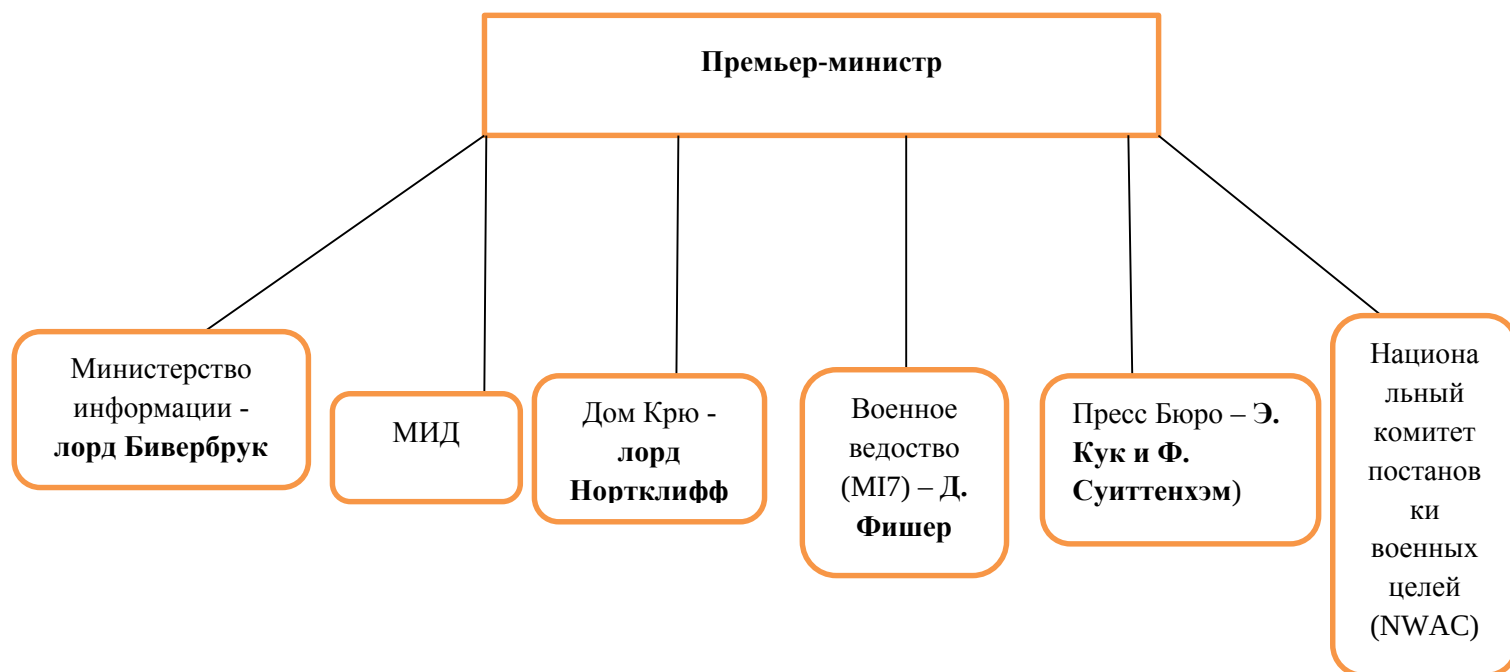

Рис.1 Дети, выжившие после крушения «Лузитании» в больнице Кингстауна.

Рис.2. Изображение немецких солдат в виде обезьян, бомбардирующих английский город.

Рисунок 3. Плакат «Однажды немец всегда немец» показывал различные изображения гуннов с усами, одетых в форму в процессе совершения злодеяний.

Рисунок 4. На плакате изображена немецкая медсестра, выливающая воду на землю, в то время как беспомощный раненый Томми протягивает руку, прося выпить хотя бы глоток. Надпись гласит: «Раненый и заключенный наш солдат просит воды. Немецкая «сестра» выливает её на землю перед его глазами. Нет такой женщины в Британии, кто сделает так же. Нет такой женщины в Британии, кто забудет это».